

СТОЛЫЦА

№13 (175) 1994г.

PREUSSISCHER
STAATS-
BIBLIOTHEK
ZU BERLIN
KULTURBESTITZ

ДОЛГАЯ СМЕРТЬ ВОЖДЕЙ

страницы 1-17

иллюстрированный еженедельник

Зол 76878

ЗАГОРОДНЫЕ ВИЛЛЫ —

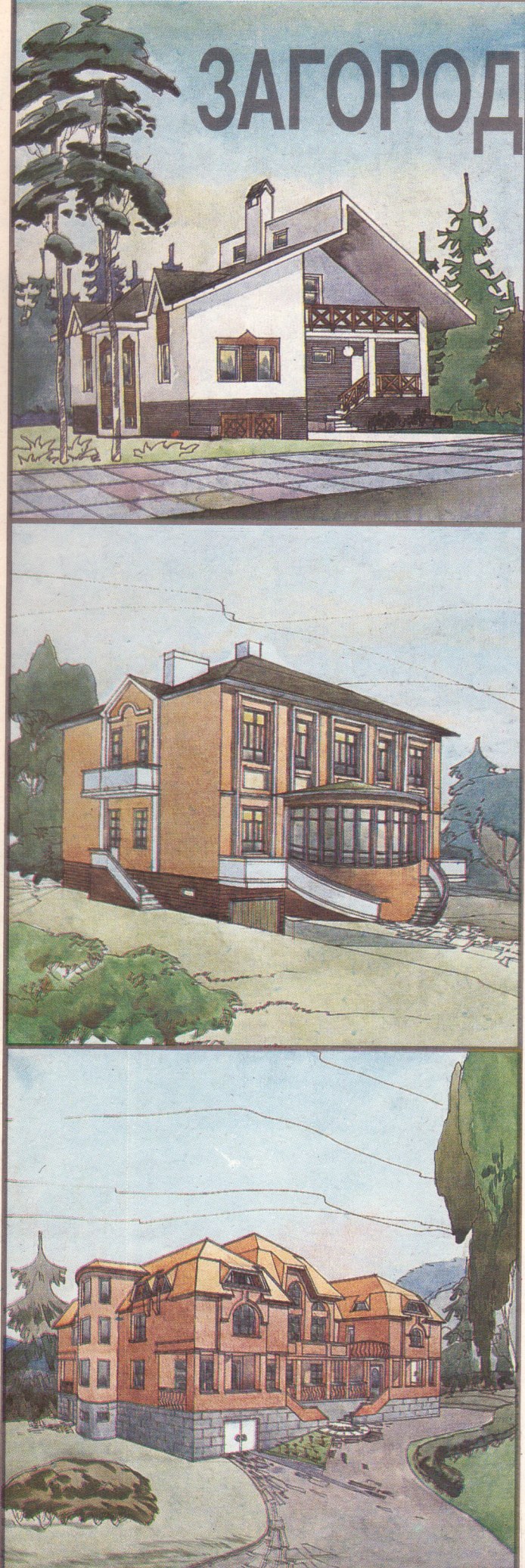
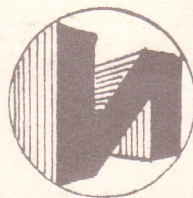
«ПОД КЛЮЧ»

Объединение «Интекс» — одна из ведущих фирм, занимающихся строительством загородных домов. Дома, построенные «Интексом», соответствуют мировому уровню комфортности. Фирма располагает собственной строительной базой и современной строительной техникой. Квалификация персонала позволяет строить с европейским качеством.

Фирма ведет строительство в наиболее известных и престижных районах ближнего Подмосковья: Жуковка, Барвиха, Раздоры, Николина Гора, Уборы и оказывает содействие в приобретении земельных участков под строительство.

Заказчику есть из чего выбирать: в каталоге фирмы — более 30 проектов. Возможна разработка и индивидуального проекта. «Интекс» строит «под ключ», при желании внутренняя отделка может быть полностью импортной. Объединение строило загородные дома для многих известных людей России. Недвижимость — лучшее вложение капитала!

Тел: (095) 180-40-31

Валерия **НОВОДВОРСКАЯ**

ОСЕНЬ ПАТРИАРХА

Все наши блины выходят комом. То ли масло прогоркло, то ли сковородка отечественная, то ли кухарочки наши все никак родным государством управлять не научатся. Два парламентских блина, советский и думский, надо полагать, у всех приличных людей встали поперек горла. Если можно, конечно, назвать эти «соборания развратителей» парламентскими. Ну да мы же привыкли к новоязу и двоемыслию: обновленный Союз называем СНГ, позорный, черный день создания красных полчищ, погубивших страну, — Днем защитника отечества, свои оккупационные войска в Грузии, Таджикистане и Молдове — миротворческими силами, врагов — оппонентами, гражданскую войну — национальным примирением. Так что слово «парламент» в этом ряду смотрится нормально. Приятно, правда? И утешительно коротать дорогу к фонарю, после «амнистии» 23 февраля уже не такую длинную, рассуждениями о том, что все, что ни делается, к лучшему.

*О, что за блаженство быть ослом!
Таких длинноухих сыном!
Со всех бы крыш кричать о том:
Рожден я в роде ослином.*

(Г.Гейне)

Так что президентское послание к Федеральному Собранию тоже из ряда неудачных блинов. Начиная с

обстоятельств образа действия, времени и места. После объявления амнистии нужно оно было нашему Совнаркому, как рыбке купейный вагон. Особенно если учесть, что обращался президент к своим злейшим врагам: которые накануне подпустили ему красного петуха в его курятник. Поскольку нормальные враги (а враги у нас нормальные, это мы ведем себя ненормально) должны подобные послания расценивать однозначно, как бывшее зная в окошке, они и отказались его обсуждать. И что можно обсуждать в акте о капитуляции? Взять просто шпагу — и все. Как же не взять, когда дают?

О почетной капитуляции здесь говорить не приходится. Красные таких церемоний не понимают. Если враг не сдается, они, конечно, уничтожат его, если сумеют. Но если он сдается, то дальнейшее — дело времени. Пока телячьи вагоны не подадут (столыпинских на всех не хватит). Пока плахи не сколотят. Обращаться к Федеральному Собранию после переворота, произошедшего накануне, с таким посланием равносильно было бы тому, как если бы Врангель уже после взятия Красной Армией Перекопа вдруг стал бы произносить речи о повышении урожайности кукурузы в Крыму. Так что во время чтения сего послания президент сильно напоминал рассеянного с улицы Бас-

сейной, который «отправился в буфет покупать себе билет». Кстати, после случившегося предлагать ликующим врагам, жаждущим мести победителям подписать документ о гражданском согласии с побежденными демократами — это еще хуже, чем «мчаться в кассу покупать бутылку квасу». Ну да ведь наш президент в самый неподходящий момент, когда отечество расколото гражданской войной, вообразил себя отцом этого самого Отечества. Pater, так сказать, patriae. Если уж Борису Николаевичу непременно надо было себя кем-то вообразить, то лучше бы он вообразил себя Наполеоном. Нам бы это дешевле обошлось. Помнится, Наполеон лихо подавил Тулонский мятеж, пустив в ход артиллерию для ликвидации уличных волнений. И тоже там волновались какие-то местные красные, сиречь якобинцы. Они всегда и везде волнуются, и пока они не научатся сами пить капли датского короля, их надо успокаивать государственными средствами. Так что светлый образ Буонапарта нам еще явится в сновидениях как некий укор.

Красно-коричневых думцев, думников, или, как их окрестила стоустая молва, «думаков», я понимаю. Они должны были слушать президента, как музыку сфер. У них, должно быть, слюнки потекли. Слушая такое послание, самое время

В НОМЕРЕ

1 ПОЛИТИКА

Л.Радзиховский:

Если мерить личность не человеческой, а исторической меркой, то трагедия Ельцина

(и России) в том, что он свою миссию выполнил, а сменить его просто некому.

К.Сегура:

В конце XIX века долгая смерть никого уже не удивляет. В мире постоянно идут споры медицинского, этического, экономического, религиозного характера о том, сколь долго надо поддерживать угасающую жизнь пациента. Но в некоторых случаях проблема эта становится чисто политической...

Г.Крошин:

Простые жители казахстанских степей и маленьких, заброшенных поселений — русские, уйгуры, казахи, немцы, корейцы, украинцы, неважно кто — приютили и обогрели скульптора-еврея, сообщая, не интересуясь никакими анкетными данными...

2 ЭКОНОМИКА

В.Казанцев, председатель фонда «Преодоление»:

Нераспределенная часть «общенародной» стоимости в России составляет сегодня приблизительно 100 000 долларов на человека. Мы предлагаем экономический механизм, который позволяет каждому гражданину страны получать ежегодно до 10 000 долларов дохода.

Нина Дорохова:

В середине прошлого века Адольф Сиу, скромный сотрудник одной из французских парфюмерных фирм, в поисках счастья прибыл в Россию... 24 ноября 1855 г. в доме Варгина на Тверской Адольф Сиу с женой открывают кондитерскую. А в 1905 г. фабрика выглядела так:

На первой странице обложки фото из журнала «Гардиан».

3 ЖИЗНЬ

Е.Аверина:

Екатерина Георгиевна Волкова закончила иняз, училась во Франции и долго работала за границей. С 1986 г. она ведет совершенно фантастическую и странную для женщины ее круга жизнь. Эта светская женщина организовала группу «Приют» для бездомных больных собак...

Д.Белов:

О роли карт в нашей жизни можно говорить долго, хотя бы потому, что в них играют все — от президентов до заключенных.

Л.Медведева:

Шпионская тема в английской литературе стала особенно популярной после того, как в прошлом году Англия наконец-то решила снять запрет с некоторых документов, хранящихся в архивах Ее Величества и касающихся деятельности секретных служб...

4 КУЛЬТУРА

М.Смоляницкий:

Все то, что было и есть в шестидесятилетнем, вообще русском интеллигентском театре достойного и привлекательного — тонкость чувства без слащавости, интеллектуальная напряженность, готовность говорить о существенном при отсутствии полной боязни показаться неуклюжим, — все это оживает в игре Феклистова с удивительной естественностью.

А.Волос:

А странный он был человек, этот Мурзик! Нет, ну правда, мы, люди, относились к нему совершенно так же, как если бы он был человеком. Он к нам — иначе. Грубо говоря, он, в свою очередь, не хотел признавать в нас котов. И вот, убей меня, я до сих пор не могу понять, чем же мы были для него плохи.

Л.Петрушевская
Дикие животные сказки

Москва, 101425, ГСП-4, Петровка, 22
Телефоны: 928-23-49, 921-67-45
Телефакс: 921-29-85
Телекс: 413739 аур

Журнал «Столица» выходит еженедельно с августа 1990 г.
Зарегистрирован Министерством печати и информации Российской Федерации 25 октября 1993 г. (№ 0110344).

Учредитель: редакция журнала «Столица». Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. При перепечатке ссылка на «Столицу» обязательна. Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о размещении рекламы звоните по телефону: 923-19-71, 928-83-40
По вопросам распространения обращайтесь по телефону: 928-27-69

Главный редактор: Андрей Мальгин**Заместители главного редактора:**

Консуэло Сегура, Петр Смирнов,
Владислав Старчевский

Коммерческий директор: Юрий Бычков**Директор издательства:** Борис Рабкин**Ответственный секретарь:** Анатолий Остроухов**Главный художник:** Владимир Петров**Отдел общественно-политической жизни:**

Александр Касатов

Отдел экономики и науки: Елена Эрикссен**Отдел правовых и морально-этических проблем:** Елена Салина**Отдел искусств:** Марина Каминарская**Отдел информации:** Владимир Грибанов**Отдел писем:** Наталья Туровская

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Скантекст—2000», поставленной фирмой «Аутопан»

Номер подписан в печать 25.03.1994 г.

Тираж 87 000

Цена договорная

Над номером работали:

П.Смирнов, А.Пружинина, А.Остроухов,
Е.Дворецкова

© «Столица», 1994

Отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе «Московская правда», ул. 1905 г., д. 7. Зак. 0886

проскрипционные списки составлять. А вот кого я совсем не понимаю, так это моих родных демократов из «Выбора России». Почему, слушая это послание, никто ни с какой платформы не крикнул президенту, что это все еще «город Ленинград»? Или встали бы все организованно и ушли. А ведь президент после этого сам догадался бы, что он сел в отцепленный вагон. Для того чтобы открыто возмутиться, даже перед лицом смерти, нужно гражданское мужество. А советская интеллигенция будет опасаться, как бы хуже не было, даже идя на расстрел.

По содержанию послание президента сильно уступало тому письму, которое лихие запорожцы написали турецкому султану. Надо думать, что турецкий султан был далеко не так противен, как то думское агрессивное и непослушное большинство, голосовавшее за амнистию, отменившую на нашей злополучной территории вообще всякие законы. Несмотря на кажущуюся хаотичность, бессодержательность и противоречивость послания, кое-какие вещи там утверждаются достаточно однозначно. Недаром же после того Проханов возвел президента в авторы «Дня». Того и гляди гонорар предложат...

Для средней руки генсека эта речь была бы просто откровением. Но для «президента-реформатора», уже после 21 августа и 4 октября, она никуда не годится. Но самое худшее во всем этом — это то, что демократы, за исключением рискованного и свободного от кресел, портфелей и прочих брачных политических уз Константина Борового, продолжают делать глазки и притворяются, что смысл этой речи им совсем не понятен. Хотя что уж там не понять... Подумаешь, бином Ньютона!

Тезис первый. Интересное утверждение о том, что десятилетиями мы шли в другую сторону, надо учесть и не пытаться быстро построить новую жизнь. Поскольку десятилетиями мы шли к пропасти, давайте еще прогуляемся по этой стежке-дорожке! До дна! Поскольку из болота незачем выбираться в один прием (население привыкло гнить в болоте, пусть гниет дальше, чтобы не было дискомфорта), давайте не сниматься с насыженной трясины! Я думаю, что в этом месте президентской речи болото от наслаждения заквакало.

Тезис второй. Президент предложил прекратить конфронтацию в обществе, утверждая, что с обеих сторон есть люди, которые руко-

водствуются чувством ненависти и мести по отношению к идейным противникам. Конечно, когда идейные противники сначала уничтожают 60 млн человек, а потом, под занавес, на закуску, в порядке мирного строительства, еще 150, идут брать штурмом телевидение и Кремль (не дошли, а то конфронтация бы уже прекратилась сама собой) и приговаривают полстраны к расстрелу за неповиновение «Сашке Отрепьеву» (тоже народный эпос, увековечивший недолгое президентство Руцкого), то таких идейных противников, видно, надо любить и беречь. В этом президентском шедевре его защитники, с голыми руками напавшие на вооруженных боевиков, приравнены к тем, кто шел убивать этого самого президента. Демократы обязаны были воспринять эти слова как плевков, но они не привыкли утираться, когда плюет Хозяин.

Третий тезисом стали свежие и самобытные мысли о том, что в деле рыночной свободы не должно быть самотека и бесконтрольности, что экономика должна быть не только экономной, но и регулируемой благодетельным государством, что социальное расслоение незачем и болезненно воспринимается народом, что надо бороться с безработицей (которой еще нет). Что из этого следует? Следует то, что самое время обобществлять «вольво» и «мерседесы», что все станут носить воду в решете и называть это работой, что поводов для конфронтации уже нет, потому что на платформе возвращения в 1984 год (с незапланированной остановкой в 1937 году) свободно разместятся и Проханов, и Зюганов, и Жириновский, и Анпилов, и Горбачев. А лишних можно убрать. Как Борового — гранатой. Как Баллу Куркову и Евгения Прошечкина из Антифашистского центра — неправым судом. Демократы объявлены персоной нон грата. Их официально разрешено убивать. И официально объявлено, что никому за это ничего не будет. Думе и президенту остается только назначить награду за наши головы. Все остальное уже сделано.

Я уже не говорю о мелких тезисах, уже дежурных, о защите русских в странах СНГ до полного восстановления СССР; о проведении миротворческих операций в рамках СНГ до тех пор, пока горячие точки не сольются в один большой костер, на котором изжарятся миротворцы; об усилении гонки вооружений (это называется на новоязе «окончанием практики односторонних уступок в области расходов на

оборону»), я думаю, можно не продолжать. Позорное, немотивированное здравым смыслом отступление, переход на сторону врага, брошенные позиции, оставленные раненые. Странная война 1940 года во Франции. Борису Ельцину не дает покоя слава Петена, маршала, сдавшего Францию Гитлеру, приговорившего де Голля к казни за измену (скоро ли это сделают с нами?). Сейчас наш режим поистине вишистский режим. В конце концов немцы пришли и на юг. Красно-коричневые тоже медлить не станут, ведь Москву им уже отдали. И то, что переворот произошел (вместо бархатной или поющей революции бархатной и поющей красный переворот), настолько очевидно, что г-н Никсон даже перепутал, кто здесь президент, и начал с Руцкого, Зюганова, оставляя Ельцина, как что-то бывшее и вчерашнее, на десерт. Свое президентство надо доказывать. Грустно видеть осень патриарха, да еще без сбора плодов: ничего вырасти не успело. Президентское послание — как желтые осенние листья, ложащиеся на мертвые поля. Амнистия — как белый снег, заносающий братскую могилу демократии. «Октябристов» нового созыва выпустили не от сознания своей силы (сила ведь может и помиловать), а от бессилия покарать, осудить, удержать в «Лефортове». Это еще один наш Тильзит. Результатом тильзитов бывает сожженная Москва... Ни Егор Гайдар, ни ДемРоссия не вывели демократов на улицы, как в марте, как в октябре. Это означает, что, наконец, достигнуто некоторое национальное согласие: между людоедами и будущим содержанием их желудков... Об этом даже пишут уже некий документ. Что ж, в XV веке у Франции было не менее аховое положение и не менее слабый и забытый король — всенародно коронованный Карл VII. Его послания были в том же духе, он не давал своим сторонникам взять у англичан Париж, и было ясно, что его спасители пойдут на костер. Жанна д'Арк не состояла даже в ДемРоссии или в ее же «Выборе». Но она нашла в себе решимость сказать:

*Потеряна милая Франция,
Проигран за боем бой,
Уже бесполезно драться,
Кто любит меня, за мной!*

(В.Солоухин)

— Вокруг да около парламента —

У РОССИЙСКИХ СОБСТВЕННАЯ ГОРДОСТЬ...

Наши лидеры, видать, опять чуть-чуть ошиблись здорово. Не рассчитали. Как всегда, приняли желаемое за действительное и поздравили друг друга с достигнутым единодушием.

Министры (обороны, иностранных дел), премьер и сам президент громогласно объявили миру, что Россия вот-вот присоединится к американской инициативе в рамках НАТО под названием «Партнерство во имя мира». Думцы крепко задумались и провели экстренные парламентские слушания на тему о том, присоединяться России к программе НАТО или нет.

Кроме депутатов, были еще приглашены мидовцы, миноборонцы, аппаратчики Совета безопасности и прочие ученые, эксперты, советники и консультанты (журналистов, как водится, небезжало куда больше, чем дискуссантов). И все это — под эгидой двух председателей думских комитетов — по международным делам (В.Лукин) и по обороне (С.Юшенков).

Мнений было в аудиторию брошено целых два — за присоединение к программе «Партнерство...» (его высказывали в основном министерские чиновники и отдельные ученые) и против (этого придерживались, как правило, избранные и другие отдельные ученые). Как обобщил все сказанное инициатор высокого собрания Сергей Юшенков, все доводы можно систематизировать нижеследующим образом.

Те, кто «против», напирала на то, что, дескать, в случае присоединения Российской Федерации к программе НАТО: а) рухнет надежда на создание системы коллективной безопасности стран СНГ; б) не учитывается статус России как особого сверхпартнера (!) НАТО, как ядерной державы; в) «программа» предполагает стандартизацию вооружений, а это подрывает интересы нашего ВПК; г) снижается роль России как равноправного партнера... и прочее.

Те, кто ратовал «за», выдвигали другие аргументы: а) появляется возможность

оказывать влияние на общую направленность взаимодействия НАТО с государствами-партнерами; б) создается благоприятная почва для участия России в международной кооперации совместимости военных инфраструктур; в) появляются рычаги влияния на характер сотрудничества стран-соседей России с НАТО — с целью предотвращения проведения этими соседями мероприятий, нежелательных для России; г) «программа», по сути, является предотвращением немедленного вступления стран Восточной Европы, СНГ и Балтии в НАТО... Это, пожалуй, было самым весомым аргументом в пользу присоединения России к американской инициативе.

Но что примечательно: почти все выступавшие заявляли, что если Россия и присоединится к «Программе» НАТО, то только на основе *особых условий* для России. Этой же точки зрения придерживается и Сергей Юшенков:

— Очень многие у нас пытаются разыграть «внешнеполитическую карту»: показать лишний раз на примере внешней политики России, что курс, проводимый президентом, МИДом, Минобороны, вообще правительством России, — курс национального позора. Поэтому становится очень важным заявить всему миру, что Россия — не рядовое государство, а особая, мощная ядерная держава, которая должна выступать в прог-

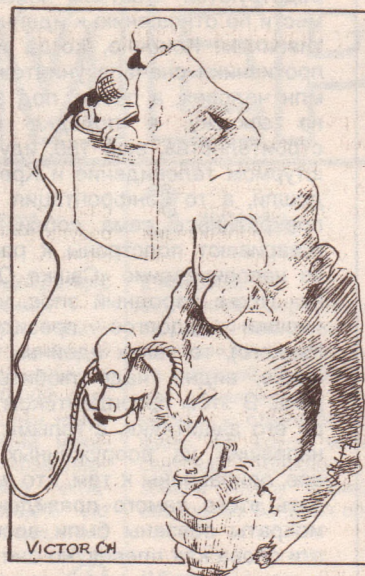

Рис. В. Чумачева

VICTOR CH

рамме «Партнерство во имя мира» на особых условиях.

Во-первых, это особый статус России в «программе». Нам не пристало дожидаться приема в очереди... Российское государство должно быть равноправным с государствами — членами НАТО. Во-вторых, должны быть четко оговорены наши военно-стратегические интересы со странами НАТО. В-третьих, проблема стандартизации вооружений ни в коем случае не должна ущемлять интересов российского ВПК. В общем, все это надо обязательно оговорить перед нашим вступлением в программу «Партнерство во имя мира».

Конечно, мнение парламента в данном случае не является решающим. Ратификации подписанных документов парламентом не требуется. Решение о присоединении к программе НАТО принимается исполнительными структурами. Но, думаю, что на этот раз все же правительство и президент прислушаются к рекомендациям парламентариев.

...А рекомендация-то, в сущности, была одна: потребовать для равноправной России особых условий. Помните, совсем как у одного заграничного классика: все животные равны, но это — равнее всех...

Григорий КРОШИН

ХРОМОЙ ХРОНОГРАФ

АКТУАЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ

Известный широкому зрителю кинематографический лозунг «Таможня дает добро!» по решению нашего правительства сменился еще более жизненным и менее кинематографическим — «Таможня берет свое!»

ОТКРЫТОЕ АНОНИМНОЕ ПИСЬМО СОВЕТУ НАТО

«Уважаемые господа зарубежные генералы! Как честный человек, не могу не предупредить, чтобы вы ни за какие галушки не принимали Украину в НАТО. Даже на правах «партнерства во имя согласия». Ибо, вступив в вашу организацию, она на другой же день выйдет из нее, потребовав дележа имущества и половину Тихоокеанского флота США в качестве компенсации за причиненный ей моральный ущерб...»

ПОПЫТКА АНАЛИЗА

Удивительные вещи происходят в нашем Отечестве! Президент догупивает вторую половину отпуска, а за время его отлучки еще ничего существенного не стряслось. Помимо положительных эмоций, связанных с естественным желанием покоя, мира и дружбы, возникает крамольный вопрос: если и без президента все идет так же плохо, как и в его присутствии, так ли уж нужен нам президент?

Ю.Г.

Слушания об итогах расследования октябрьских событий, организованные «Движением в защиту демократии и прав человека в России», собрали полный зал Дома культуры медработников. Открывший собрание историк Михаил Гефтер сказал, что предметом расследований должны быть не отдельные персоны с какой-либо стороны и не их конкретная вина, а люди, все мы, те, кто или боится или не умеет рассказать то, что знает. «Мы хотим помочь тем, кто будет жить завтра», — сказал Михаил Гефтер.

Однако так глубок и беспристрастен был, пожалуй, только он один. Остальные же выступающие, говоря о своей позиции, занятой после октябрьских событий, о ходе и итогах расследования, усиленно искали и находили виновных среди представителей власти, а то и среди своих недавних единомышленников. Правда, многие из них задавались вопросом, не только почему так произошло, но и в какой ситуации мы оказались и, следовательно, в каком направлении следует двигаться.

По мнению депутата Госдумы Вячеслава Игрунова, в прошлом известного диссидента, кроме известных двух сторон (президент и ВС) в событиях участвовала и неиз-

ТУСОВОЧНЫЙ СТИЛЬ ВСЕГДА В МОДЕ

вестная третья сила со своей стратегией, финансами, доступом к рычагам власти. Важно, по его мнению, выяснить, что это за сила. Общественные организации сделали многое для расследования, но, как полагает Игрунов, многое скрыто в недрах госорганизаций. Поэтому и расследования зашли в тупик.

Глеб Павловский, член редакционного совета и главный редактор журнала «Век XX и мир», представил специальный выпуск своего издания, включивший документы и аналитические материалы о событиях октября 1993 года. Этот номер, вышедший тиражом всего 1000 экземпляров, по его мнению, должен заполнить вакуум между официальной информацией и реальностью. Павловский считает, что в отношении октябрьских событий имеется ряд заблуждений. Во-первых, сказал он, никаких тайн там не было, так как все происходило на глазах людей. Во-вторых, придумав жупел, что все кишит шпизнами Ельцина, общественные движения стали прятать материалы и информацию о событиях. Как результат — обыватели

стали забывать об этом событии. Что, добавив от себя, на руку всем противоборствующим сторонам. Потому-то, считает Павловский, ход и результаты этого расследования и превратились сегодня в политическую борьбу.

Следует сказать, что в некоторых выступлениях сквозила еще одна важная мысль. Ее достаточно четко выразил бывший депутат Моссовета Борис Кагарлицкий: теперь, после такого октября, в нашей свободной («свободной даже от демократии») стране возможно все, в том числе и повторение, так как люди начинают привыкать к «танковым решениям».

Были представлены также такие итоги расследования, как, например, книга «Листовки Белого Дома», результаты анализа прессы и др.

Но, несмотря на столь разные точки зрения, дискуссии не получилось, ибо большая часть выступающих рассказывала или о своем личном «вкладе в оборону», или о «гонениях», которые они претерпевают от нынешних властей. Картина дополнялась тем, что в фойе продавали «Правду», «Советскую Россию» и какую-то загадоч-

ную «Оппозицию».

О том интересе, который имеет администрация президента к этому собранию, говорит факт, сообщенный журналистом Львом Сигалом. В ответ на приглашение принять участие заместитель руководителя администрации президента Волков попросил... потом прислать ему итоговый документ.

Пожалуй, можно согласиться с тем, что расследование нужно продолжать. Как и с тем, что о событиях октября стали забывать. Хочется, однако, задать отнюдь не риторический вопрос тем участникам слушаний, которые достаточно продвинуты и владеют пером. Кто из них сделает что-нибудь, чтобы напомнить? Предлагал ли свои версии случившегося, например, нашему журналу? Если бы предложил и получил отказ, то имел бы основание сказать: «Не дают дорожку правде!», а так... А так все очень похоже на собрание неформалов времен перестройки: бессилие разрешенного бесстрашия...

— Тусовка? — спросил я политолога Михаила Малютина.

— Тусовка, — ответил он. Правда, пообещал принести статью. Ждем.

Александр КАСАТОВ

Из глубин

ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО?

В рамках этой рубрики мы используем только то, о чем наши читатели смогли бы узнать, открой они газету или журнал не сегодня, а лет этак сто тому назад... Наведя на проводимые цитаты некоторый орфографический глянec, мы вдруг обнаруживаем, что ежели снять подписи и убрать ссылки на источник, то и не отличишь порой: какой из премьеров призывает к спокойствию и экономической стабильности — Столыпин или Черномырдин; кто кого обличает на страницах прессы — белые красные или красные белые; когда все это происходит — в начале века или в наши сумбурные дни? Это узнавание вызывает иногда улыбку, а иногда — горькую усмешку от

осознания того, что за долгие-долгие годы мы, кажется, так ничему и не научились...

«...Всеобщая, равная, прямая и тайная подача голосов — увы! — сама по себе отнюдь еще не гарантирует действительного участия народа и нисколько не мешает править страной очень немногочисленным, но бесконечно влиятельным биржевым сферам... демократические учреждения сами по себе еще не делают государство демократическим. Демократическая внешность начинает отвечать внутреннему содержанию только тогда, когда демократия начинает организовываться в решающую политическую силу...» («Нива», 1906 г.)

А вот отклик на давнишние

усилия нашей дипломатии, которые, как и нынче, не всегда вызывают у «почтеннейшей публики» восторг, сопровождаемый громом аплодисментов...

«...Плохой мир, даже на невыгодных условиях, все же куда лучше доброй ссоры. Но дело в том, что никакой ссоры у нас с Англией не предвидится ни из-за Ближнего, ни из-за Дальнего Востока. Дело идет не о том, чтобы с оружием в руках требовать себе непременно ворота в Персидском заливе, а о том, чтобы не отдавать свою дружбу и дипломатическую поддержку за чечевичную похлебку... Россия все еще, даже ослабленная и надорванная, занимает в Европе слишком большое место, чтобы с ней можно было не считаться...» («Нива», 1906 г.)

Но и в начале века, и сейчас львиная доля дипломатических усилий уходила на решение проблем в тех точках Земли, которые, видимо, са-

мой судьбой определены на роль вечной пороховой бочки. И тогда, как и сейчас, России приходилось «шевелить усами и надувать щеки», чтобы с ней считались и не забывали о ее «великом» предназначении...

«Сейчас происходит последний раздел мира, и Россия, как великое славянское государство, должна помнить о тех обязанностях, которые лежат на ней перед славянскими народностями... Балканы должны стать страной мира и единения...» («Нива», 1906 г.)

Почти миновал кровавый двадцатый век, а судьбы Балканских государств все так же волнуют и Россию, и прочую мировую общественность. «Последний передел мира», кажется, еще не закончен, и кто знает, какие цитаты из сегодняшних газет будут приводиться в газетах XXI века?..

Юрий ГУЛЛЕР

**В Кремле не можно жить!
Преображенец прав.
Здесь древней яросты
Еще кишат микробы:
Бориса дикий страх,
Всех Иоаннов злобы,
И самозванца спесь —
Взамен народных прав.**

А.Ахматова

Леонид РАДЗИХОВСКИЙ

ШАПКА МОНОМАХА

Энтузиастов Ельцина не видно и не слышно — ни среди остатков интеллигенции, ни в народе. Если о нем говорят хорошо, то только так: «менять не на кого», «другой еще хуже будет», «рядом никого нет». Трудно, невозможно, даже дико представить сегодня толпу, скандирующую «Ель-цин, Ель-цин!».

Глубоко переменялся и сам Б.Н. И раньше не часто лучезарно улыбающийся, он совсем посмурнел, а главное — все плотнее и плотнее затворяется в сказочном дворце-ларце Кремле. Видимые стены и невидимый ров наглухо отделяют очередного кремлевского мечтателя от его подданных, и редкие встречи с толпой (последняя, кажется, в марте 1993-го, год назад!) имеют явно вынужденный характер.

Жениховство Ельцина к России закон-

чилось. Удадь, щедрость, обаяние жениха сменились мрачной усталостью мужа. А брак, казалось бы, брак по любви, как часто случается, не принес счастья.

Вместе с тем связь пока нерасторжима. Что делает Ельцин, вроде и непонятно. Похоже, что не управляет и почти даже не представляет. И вместе с тем... Стоит ему исчезнуть — уйти в отпуск, — начинается истерика политиков. Слухи о его болезни воспринимаются как угроза жизни всей политической системе: «Вздох владыки // Во всех в ответ рождает стон великий».

Да и постоянные разговоры о «дворцовых переворотах». Так не подкапываются — ни под президентов, ни под королей в спокойных странах. Так подкапываются лишь под того, на ком лично — не на Конституции! — держится власть!

Я ПАЛ, ЧТОБ ВСТАТЬ

*Она меня за муки полюбила,
А я ее — за состраданье к ним.*

Так мог бы сказать «Егор Булычев номенклатуры» Ельцин в 1989—1990 гг. про себя и Россию.

В мирное время, особенно в такой косяной системе, как советская, человек «рос» только прямо, со ступеньки на ступеньку, и так до самого трона. Так поднялся по лестнице кремлевский вундеркинд, законный кронпринц, а затем несчастливый король номенклатуры Горбачев. Остановка, тем более откат назад означали финиш карьеры. В переломное, революционное время так не бывает. Тогда наверх не поднимаются — прорываются, прорываются после падения, из изгнания, после пе-

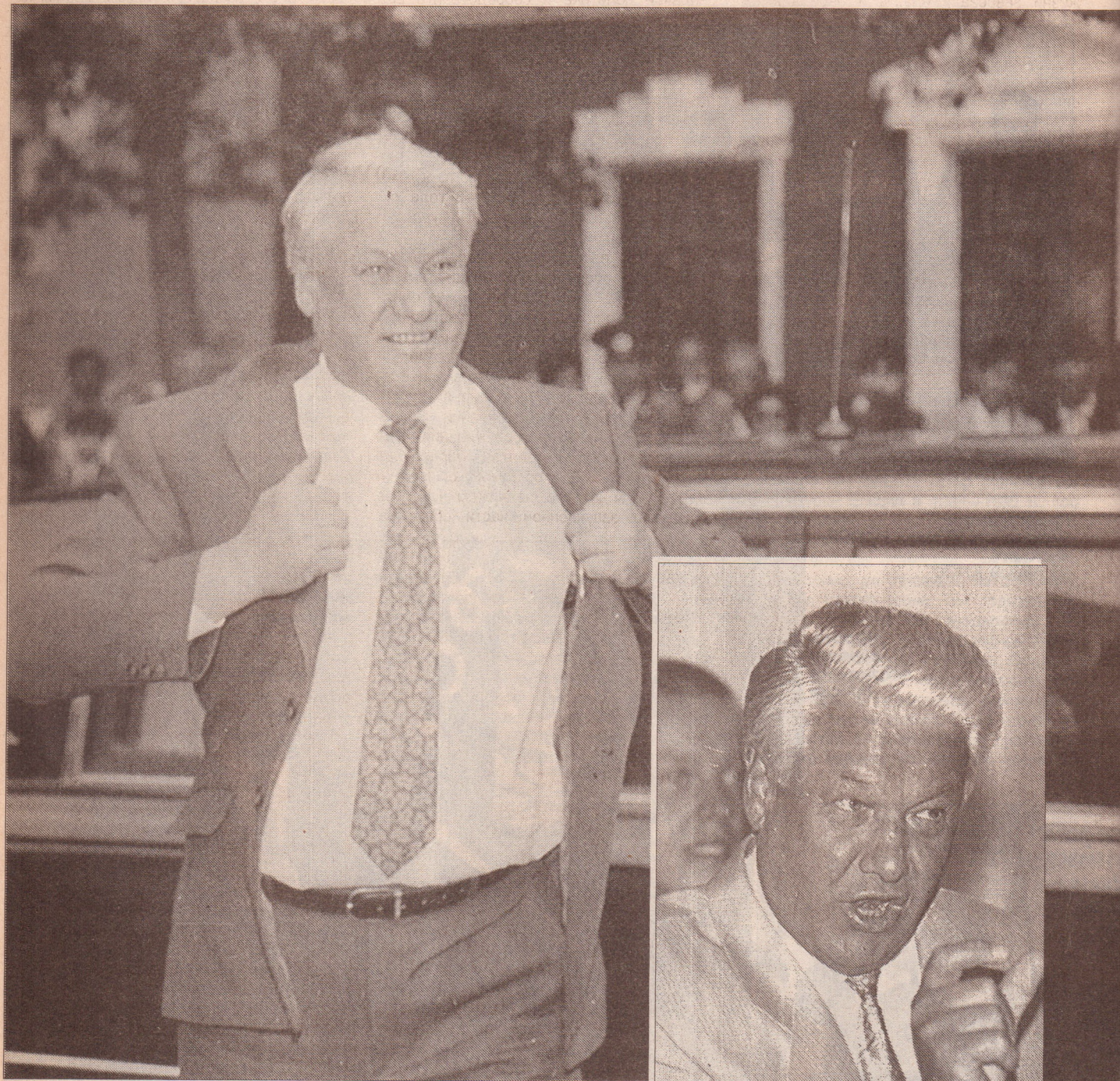

**Первый секретарь
Свердловского обкома КПСС,
член ЦК КПСС, депутат
Верховного Совета СССР**

**Первый секретарь МГК КПСС,
кандидат в члены
Политбюро ЦК КПСС
на коммунистическом субботнике**

релома жизни. «Я пал, чтоб встать». Чтобы вознестись, нужно сначала пасть. Этот жребий и выпал Б.Н. Сочиная в сентябре 1987 года письмо из Москвы в Пицунду, в резиденцию Горбачева, с прошением об отставке с поста первого секретаря МКГ КПСС, Ельцин — будь он хоть семи пядей во лбу — и вообразить не мог, что начинается свободное падение, то свободное падение, которое, помноженное на развал системы, приведет его через четыре года на трон.

Конечно, в другой ситуации этого бы и не случилось. Каждый новый рывок Ель-

цина вверх точно совпадал с очередным обвалом КПСС вниз. Ельцин вступал в окопы, только что оставленные бежавшим противником. Противником, бежавшим не от него, а от народа, Запада, истории, от самого себя.

Ноябрь 1987-го. Снятый, растоптанный Горбачевым, Ельцин упал до нижней точки — и началась легенда о «народном заступнике». По Москве распространялся фантастический текст его выступления на пленуме ЦК КПСС, не имевший, как выяснилось впоследствии, ничего общего с реальными словами Ельцина. «Да, товарищи,

мне нелегко объяснить рабочему, почему на семидесятом году своей рабоче-крестьянской власти он вынужден стоять в очереди за колбасой, в которой больше крахмала, чем мяса, в то время как у нас с вами на столах — осетрина, икра и прочие деликатесы, которые мы без всякого труда получаем из таких заведений, к которым его и близко не подпускают. Как мне объяснить это участникам Великой Отечественной войны и ветеранам гражданской, которых сейчас уже можно пересчитать по пальцам? ...Как же мне смотреть им в глаза? Ведь это они ценой своей

жизни завоевали власть и передали ее нам. Может быть, мне товарищ Лигачев подкажет?»

Да, ничего этого Ельцин не говорил, но народу нужно было, чтобы сказал. И Ельцин услышал это, услышал, как ему дали его главную на добрых три года «гастрономическую» тему, в которой чувство справедливости и обиды подкреплялось безусловным пищевым раздражителем. Возник популистский рефлекс «пищевой справедливости», на который отныне и будет с неизменным успехом давить Ельцин.

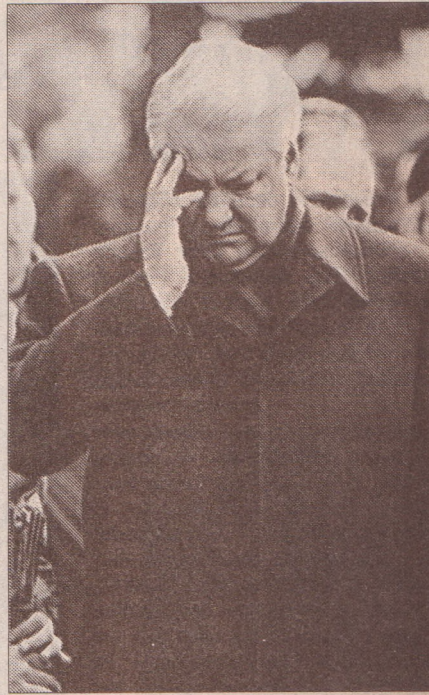
Через полгода, летом 1988-го, впервые с 1918 года, проводятся «полусвободные» выборы на партийную конференцию. И опять — Ельцин первым входит и в этот окоп. Из политической ссылки он выходит на кремлевскую трибуну. Вот теперь уже не в легенде, а реально он клянется народу (не делегатам же конференции!): «Мое мнение. Должно быть так: если чего-то не хватает у нас, в социалистическом обществе, то нехватку должен ощущать в равной степени каждый без исключения. А разный вклад труда в общество регули-

циальной политике и сосредоточить все усилия на трех наиболее важных направлениях: обеспечение продовольственными и промышленными товарами; сфера обслуживания; жилье. Выделить для решения этих задач значительно больше средств, в том числе за счет сокращения ассигнований на оборонную и другие отрасли. Отложить на 5—7 лет реализацию ряда космических программ. Это даст возможность за 2—3 года существенно повысить жизненный уровень советских людей...

Принимая во внимание неоправданное расслоение общества по имущественному признаку, необходимо ужесточить борьбу за социальную и нравственную справедливость. Добиться равных возможностей для всех граждан — от рабочего до главы государства — в приобретении продовольственных, промышленных товаров и услуг, в получении образования, медицинском обслуживании. Переориентировать Четвертое управление Минздрава СССР, обслуживающее сегодня руководителей, на нужды наименее социально защищенной части общества.

перию, расплозавшейся гнилым сукном по карте, не стоит проводить выборы в республиканские парламенты — это-то было очевидно... но только не для мудрого стратега Горбачева. Впрочем, быть может, он считал, что эффектный титул «президент СССР», который он себе пожаловал, делает его неуязвимым?

И опять — Ельцин вошел в новый окоп, очищенный спешно Горбачевым. Он — народный депутат РСФСР, затем — председатель ВС РСФСР (того самого ВС, который будет распущен его указом 21 сентября 1993-го и «выкурен» из «Белого дома» 4 октября). Но вот здесь и наступила перемена. До сих пор Ельцин шел вдогонку за отставшим Горбачевым. Горбачев отступал не от Ельцина, Горбачев двигался по своей собственной воле, по своей логике. Ельцин умело и храбро пользовался ситуацией, но не создавал ее, Ельцин наступал на пятки Горбачеву, но не погонял его — не имел для этого орудия. Став председателем ВС (а затем президентом РСФСР), Ельцин превратился в настоящего субъекта исторического процесса. Отныне он не просто идет по стопам

ровать разной зарплатой. Надо, наконец, ликвидировать продовольственные пайки для, так сказать, «голодающей номенклатуры», исключить элитарность в обществе, исключить и по существу и по форме слово «спец» из нашего лексикона, так как у нас нет спецкоммунистов».

Начало 1989 года. Номенклатура освобождает следующий окоп — происходят первые выборы народных депутатов СССР. Кандидат № 1 в депутаты — Ельцин (победил в Москве, получив 89,6 процента голосов). Его программа: «Необходимо отдать еще больший приоритет сильной со-

ликвидировать различные спецпайки и спецраспределители».

Хорошая программа, реальная, главное...

Да, вот тогда стотысячные толпы в Лужниках и на Манежной и поскандировали от души: «Ель-цин, Ель-цин!».

Перелом наступил в 1990 году.

Назначив выборы в «местные советы» (а куда денешься? Срок подошел, а страна же теперь жила «по закону»), Горбачев неудержимо заскользил по тонкому льду. В тот момент еще нелегко было представить все последствия, но что в им-

Горбачева. Ельцин теперь прокладывает свой путь, обходит Горбачева с тыла — а пораженный Михаил Сергеевич ничего поделать не может. Ельцин больше не штурмует «в лоб» трон Горбачева — он разламывает его на части, ничуть не смущаясь тем, что Горбачев все это время продолжает сидеть на троне и болтать ногами.

Помчавшись в январе 1991 года спасать прибалтийских националистов, Ельцин начинает широкий обходной маневр. Он открывает «второй фронт» против КПСС — национальный. Отныне чувство спра-

**Боря Ельцин
с родителями**

ведливости и рефлекс свободы подкрепляется еще одним безусловным раздражителем — национальным. Этот второй фронт действует на периферии России, российские демократы держат по отношению к нему лишь благожелательный нейтралитет, но большего и не требуется. Ельцин отлично понимает: очень скоро два фронта — демократически-популистский в России и национально-сепаратистский в республиках — соединятся в кольцо. И — «как будто руки сошлись на горле, холеном горле дворца». В этом кольце задохнется КПСС, Горбачев. А гибель СССР, которой Ельцин, конечно же не желал, — что же, эта гибель станет ценой победы, «накладным расходом». Империя была обречена, в водоворот ее неизбежной гибели были втянуты и КПСС, и Горбачев. А Ельцин точно так же был приговорен к победе.

ДОСТИГ Я ВЫСШЕЙ ВЛАСТИ

*И тут кончается искусство,
И дышат почва и судьба.*

Говорят, что мужчина достигает совершеннолетия, когда умирает его отец, когда перед ним уже никто не стоит и не на кого сослаться в оправдание. Ельцин стал политически совершеннолетним, когда Горбачев, как осенний листочек, тихо слетел с кремлевского дуба, и кружа, при-

**Борис Ельцин с мамой
Клавдией Васильевной**

**С женой
Наиной Иосифовной**

землился во дворе своего фонда. Да почит в мире!

С этого момента Ельцин уже не «народный заступник», гордо бросающий народные требования в лицо проклятой номенклатуре. С лозунгами он рассчитался быстро — с «гастрономическим равенством» было покончено раз навсегда, как отрезало (впрочем, на эту тему он благо-разумно предпочитал помалкивать с тех самых пор, как стал председателем ВС России и сменил «москвичок» — да-да, было и такое! — опять на привычный «членовоз»).

Впрочем, дело, конечно, не в естественном выкидывании популистской скорлупы в мусоропровод, коль скоро яичница уже поджарилась. Это настолько банально, самоочевидно, неизбежно для всякого политика, что тут говорить не о чем. С момента реального прихода к власти речь уже идет не о клятвах, а о делах, не о популизме, а о политике. А в случае с Ельциным — и об Истории.

Личность Ельцина не разгадана. И не мне, видевшему его один раз, две или три минуты, братья за это дело. Две полярные оценки — «мрачный и жесткий партийный бурбон» и «настоящий народный, природный демократ» — обе кажутся не просто односторонними, а вообще мало относящимися к Ельцину. Та часть его жизни, которая разворачивается у всех на глазах, с его громадными выбросами энергии и многонедельной депрессивной подавленностью, с грозной рискованностью «на грани суицида» и вялой нерешительностью, беспомощными отступлениями, нежданно вспыхивающей странной для политика откровенностью и мрачной маскообразной закрытостью, наводит на мысль о героях Достоевского. Эдакий Дмитрий Карамазов: «Нет, широк человек, слишком

даже широк, я бы сузил. Черт знает что такое даже, вот что!» Вот, пожалуй, единственное определение, которое довольно точно подходит к этому «русскому медведю».

Многих смущала, казалось бы, очевидная личная несовместимость такого «серьезного» (читай — авторитарного) мужчины и демократии. Сколько ни говори о демократии как о «строгой власти», в русском сознании это все равно мягкая, женственная власть. Казалось, что она больше подходит к Горбачеву. Здесь была, между прочим, одна из причин, почему интеллигенция в Москве и на Западе долго предпочитала «Майкла Горби» и почему «простой народ» симпатизировал «царю Борису», который, мол, «наведет порядок», разберется с воеводами и боярами. Очевидно, мягкий, беспринципный и казавшийся весьма изощренным Горбачев ассоциировался с гибко-хитрой демократией, а прямолинейный «уральский медведь», с его «небольшевистским популизмом», казался возможным диктатором.

Вскоре после того, как Ельцина сняли в ноябре 1987 года с поста первого секретаря МК, Гавриил Попов в «Московских новостях» обвинил его в «авторитарно-консервативном авангардизме» и ни к селу ни к городу сравнил с Троцким. Насчет «авторитарно-консервативного авангардизма» — лихо закручено, что и говорить... Понять трудно, но смысл ясен — под видом сильно «левого» (в то время «левый» значило однозначно — демократический) лезет уральско-большевистский слон в демократически-московскую посудную лавку. Возможно, здесь было не только желание угодить своей статьей Горбачеву, но и искреннее подозрение по адресу Ельцина.

Говоря современным языком, в нем видели некий аналог Жириновского, кото-

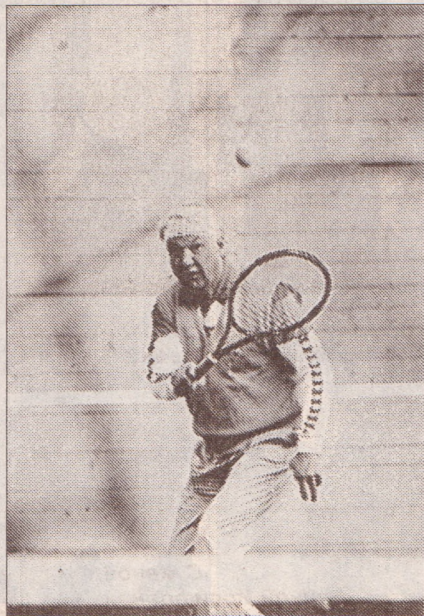
рый ведь тоже по названию — и демократ, и либерал.

Сам Ельцин по этому поводу высказался так: «Трудно складывались отношения и с интеллигенцией, кто-то пустил миф, наверное, это как-то связали с моим характером, что я лидер сталинского типа, но это абсолютная неправда. Хотя бы потому, что я нутром, всем своим существом против того, что произошло в те годы».

Это действительно так. Конечно, жесткость Ельцина, его заявления «...и спросить жестко. А спрашивать я умею!» — маска. Он умело использовал свою фактуру, свои «авторитарные плечи» и прочие габариты. Ельцин, кстати, внешне смахивает на знаменитого киноактера Бориса Андреева, тоже одной фактурой производившего «серьезное» впечатление. На самом деле Ельцин значительно мягче по характеру, чем кажется, чем хотел казаться. Теперь, после трех лет его царствования, это очевидно, но, впрочем, довольно четко просматривалось и тогда.

Но и мягкость, и «буржуазность» Ельцина — не только природные, а и политические, социальные. Здесь мы переходим к самой сути дела.

Конечно, в любую эпоху могут добиваться успеха люди с любимыми чертами личности. Но верно и то, что эпоха заставляет всякого политика пролезать через ее игольное ушко. Так добрый, мягкий, «акварельный» Бухарин, для того чтобы быть «любимцем партии», отпускал такие заявления: «В революции побеждает тот, кто другому череп проломит». А «Юрий Долгорукий», Андропов, который в другое время действительно мог бы не «болтать», а проламывать черепа не хуже Берии, придя к власти, ограничился, в общем, ловлей в рабочее время людей в парикмахерских. «Время разди-

рать, и время шивать; время молчать, и время говорить».

Побеждает тот, кто умеет слышать и понимать гул времени. Революционный максимализм Новодворской сегодня выглядит странно — а живи она в начале века, швыряла бы себе бомбы не хуже Марии Спиридоновой. Ельцин точно понял, почувствовал — страна тоскует по авторитарной видимости, но нет сегодня почвы и сил для реального авторитарного правления. Он, со своими скупыми жестами и могучими плечами, давал иллюзию авторитарности — но не собирался (да и не мог) материализовать эту иллюзию.

У Ельцина была совершенно иная историческая роль.

Вся Россия, весь СССР имитировал, изображал перед самим собой и миром революцию в 1989—1991 годах. Это была революция с тормозами, на которые жали изо всех сил. Жала пресса, в ужасе кричавшая в августе 1991-го: «Остановите революцию — она уже победила!» (а она просто «не имела места быть»). Жали огромные, молчаливые, сохранившие и аполитичность, и боеготовность «силовые структуры». А главное — жала российская историческая память, подспудно объяснявшая каждому (пусть даже не вполне сознательно): брат, второй «Большой Революции» в одном веке России не пережить! Поэтому русский бунт обернулся европейски нежной революцией, а грозный «царь Борис» — всего лишь имитатором. России не нужен, смертельно опасен был вождь, диктатор, революционер. Но, чтобы сделать то немногое, что действительно нужно было сделать, оказалось мало совсем уж аморфного «Горби». Ну-

жен был тот, кто поведет народ на картонные баррикады, влезет на безопасный танк, насупив брови, арестует импотентов-путчистов... и отпустит их через год с небольшим «на все четыре стороны». Нужен был Ельцин. Он и сыграл свою роль.

«Нужен». Но — кому нужен?

В 1989—1991 годах Россия пережила, может быть, последнюю запоздалую судорогу буржуазных революций. Это была революция даже не второй, а какой-нибудь пятой свежести, но стране она была все равно необходима.

Как всегда, революция делается руками народа, в интересах богачей. Народ — толпы студентов, мэнэзсов, инженеров, рабочих, кричавших «Ель-цин, Ель-цин!», богачи — разного рода и уровня номенклатура и связанные с нею предприниматели. Номенклатура морально созрела только для одного — скинуть фиговый листок дурацкой коммунистической псевдоидеологии и начать приватизацию государственного имущества. Но начать и вести ее в том темпе, при котором львиная часть «ничейного», «государственного» (общеноменклатурного, «колхозно-номенклатурного») имущества попадет именно в их карманы. Вот когда «голодающая номенклатура», освободившись от коммунистических приличий, и показала свой подлинный аппетит.

В XIX веке такие революции имели опасную тенденцию превращаться в перманентные — почувствовав себя опять обманутыми, эксплуатируемые поднимались на второй виток, поднимались вновь «грабить награбленное». Тогда между революционерами буржуазными и пролетарскими происходили следующие диалоги:

« — Извините сударь, — ответил Леблан вежливым тоном, производящим необыкновенно странное и сильное впечатление в такую минуту, — я вижу, что вы разбойник...»

— Разбойник! Да, я знаю, что вы называете нас так, господа богачи! Еще бы нет! ...Вы объедаетесь, а когда хотите узнать, холодна ли погода, смотрите в газету или на термометр. А мы? — Мы сами термометры... У нас стынет кровь в жилах, мы чувствуем, как холод забирается к нам в сердце! А вы приходите в наши берлоги — да, берлоги — и называете нас разбойниками! Но мы пожрем, мы уничтожим вас, жалкие карлики!»

Когда за такими обменами комплиментами следовали пушечные залпы, получались классические революции — 1848, 1870—1871, 1917 годов.

Но в России 1991 года такой революцией не пахло. Не один Ельцин, придя к власти, сделал долгожданный поворот «на-пра-ву! Ш-ша-гом... а-р-рш!» Точно так же развернулась и главная защитница всех «униженных и оскорбленных» — ДемРоссия (при том, что большинство лидеров этой «правобуржуазной» организации, таких, как Лев Пономарев, о Глеб Якунин и др., так и остались честными нищими интеллигентами, бессребрениками, а если и могут считаться буржуа, то только «буржуа-теоретиками»).

Левый фланг внезапно и резко оголился — но никто его не занимал. Формально «левыми» опять — и без улыбки! — объявили себя коммунисты, но, конечно, эти «левые» откровенно представляли лишь другие отряды капитализирующейся номенклатуры (скажем, часть директор-

ского корпуса и т.д.). Истинно «левой», радикальной, революционной партии в России так и не возникло. Из анпиловских хулиганов «партия нового типа» не получилась. Причина все та же — историческая память общества. Общества, в котором анпиловцам нечем дышать.

Противодействие равно действию. Раз нет революционного давления — нет и никакой «контрреволюционной диктатуры». А в августе 91-го один израильский журналист-антисемит, некто Роберт Давид, писал: «Перестройка окончилась... диктатурой, но не армии и большевиков, а победивших буржуазных сил: это они, мелкие хозяева из кооперативов, кинулись на защиту Ельцина в дни «путча», они и стяжали плоды его победы. Но речь идет о железной диктатуре. ...И чтобы упрочить диктатуру, Ельцин и его клевреты немедленно ликвидировали выборную систему местного самоуправления и заменили ее своими назначенцами — «префектами», «губернаторами», «представителями президента на местах». Так Россия вернулась к сталинским временам, когда верховный вождь назначал правителей областей по принципу личной преданности. Но даже Сталин старался обставить это фикцией «выборы на месте». Ельцинцам это уже ни к чему».

Сегодня читать весь этот бред без улыбки трудно. Но заметим, что вообще-то если мерить мерками XIX века, то как раз такое развитие событий было бы вполне логично, неизбежно. Мягкий (уж не тверже Ельцина!) Луи Наполеон Бонапарт, «маленький племянник большого дяди», не по своей прихоти, а по логике истории, чтобы нейтрализовать размах

революции 1848 года, из президентов республики стал — растоптав свои клятвы — императором. Ельцин такой метаморфозы не совершал потому, что она объективно не нужна. Абсурдность же слов г-на Давида лишь показывает, насколько не совпадает «нежная революция» 1989—1991 годов и «нормальная» революция, которая действительно вела к «железной диктатуре».

Итак, Ельцин выполнил свою историческую роль. Собственно, она у них была общая с Горбачевым. М.С. мирно расштывает флагшток с красным знаменем, Б.Н. тоже мирно его опрокидывает. Правящая элита при этом, конечно, меняется, часть «зубров» уходит, но меняется очень медленно, постепенно. Партийные феодалы с грехом пополам превращаются в капиталистов. Блестящий символ: журнал «Партийная жизнь» переименован в «Деловую жизнь». А гарантом такого движения реформ остается супермощное государство, остается бюрократия, которая по-прежнему решает все, распоряжается богатствами страны и их разделом.

Да, Ельцин не стал Дон Кихотом. Его движения вполне совпадали с общим, объективным вектором российской истории. Он делал не то, «чего левая нога хочет», а то, что объективно требовало время, «почва и судьба». Оно требовало создания второго, популистского «центра власти», чтобы «как бы революционно» завершить неизбежный эволюционный процесс «номенклатурной приватизации». И оно требовало, придя к власти, убрать препятствия в капитализации страны — убрать ровно настолько, насколько это выгодно главенствующей буржуазно-бюрократи-

ческой группе, чтобы она могла сохранить свое господство и приумножить богатство. Он успешно решил обе эти задачи. Такова историческая роль Ельцина, такова и заслуга вождя мирной русской революции.

Быстро изменилась и идеология. Лидер оппозиции, став главой нормального российского государства, естественно, стал и главой бюрократов. Надо отдать Ельцину должное — он долго (собственно, и до сего дня) не расстается не только с демократической риторикой, но даже и с советниками из небюрократической среды. Самым ярким, понятно, был Гайдар и его команда. Но и сегодня, когда российское государство кажется окончательно вошедшим в свои естественные берега, с кряхтением и прочно надевшим на себя пудовую боярскую шубу московских царей, — даже и сегодня сквозь бюрократические шторы в ельцинский кабинет залетают демократические шмели — Батурин, Сатаров, Паин.

В целом же, естественно, ельцинское государство для демократов-интеллигентов «чужая власть», как с непонятым изумлением констатировал около года назад известный шестидесятник Ю.Буртин (удивленный гнев Буртина вызывает встречное удивление — а Вы что же думали?..).

Ну и, разумеется, национализм, державность. Даже «бес № 1» российской истории Ленин, едва придя к власти, заявил, что отныне они, эмигранты-еврей-интернационалисты-фантасты, оказываются «оборонцами», они, мечтавшие о сокращении России в войне, едва их мечта сбылась, обрели вдруг Отечество, а это значит — государство, за которое они

вдруг стали бороться. Тем более это относится к Ельцину, который в крайнем интернационализме замечен не был. Но это и помогло ему не броситься в другую крайность. Державность, национализм, великороссийский империализм — но в очень умеренных дозах. Ясное дело, сегодня он не помчится защищать прибалтийских националистов, как, впрочем, не помчится и спасать «русскоязычных». Просто антиимперская риторика вяло переходит в имперскую. На реальную же имперскую политику нет сил ни у России, ни у ее лидера. Нет сил — нет и желаний.

УСТАЛЫЙ ВОЖДЬ УСТАЛОГО НАРОДА

... о тяжело
Пожатье каменной его десницы!

Но не слишком ли идиллическую картину «предустановленной гармонии» я рисую? Верхи обогащаются, народ безмолвствует, Б.Н. выполнил свою историческую миссию... А как же такой «пустячок», как 3—4 октября?! А разговоры о «Веймарской» России, о грядущем фашизме?

Я думаю, что потрясения 1993 года только лишней раз доказывают безальтернативность курса Ельцина — я имею в виду стратегический курс. Если второй центр власти, во главе которого стоял Ельцин, в 1989—1991 годах имел поддержку в обществе, мог предложить (или хотя бы имитировать) идеологию, отличную от горбачевского «процесс пошел», «пора определиться», — то второй центр власти, возглавлявшийся Хасбулатовым в 1992—1993 годах, не имел никакой серьезной поддержки, потому что не мог предложить никакой идеологии, отличной от ельцинской.

Отдельные отряды номенклатуры, даже крупные (добрая старая номенклатура и миллиардеры, вышедшие в 1987—1990-м из кооператоров), могут грызться, но это не имело глобального социального значения. ВС Хасбулатова, действительно, никого не представлял, кроме самого себя. Запершись, инкапсулировавшись в цитадели «Белого дома» и заводя друг друга, депутаты лишались всякой социальной силы. Широкие круги банкиров и предпринимателей были заинтересованы в том, чтобы смягчить жесткий монетаристский курс Гайдара — что они успешно и проделали, еще когда Гайдар был премьером и уж тем более, когда заменили его на Черномырдина. С этого момента началась голая борьба за власть, не разукрашенная (в отличие от дуэли Ельцин — Горбачев) никакой идеологической мишурой.

Обыватель, даже недовольный Ельциным, никак не мог понять, чем, собственно, от него отличается Хасбулатов. У Хасбулатова — Руцкого и не было сторонников. Те, кто прибежали к «Белому дому», сделали это не ради «старины Хаса», а исключительно из ненависти к Ельцину.

Поэтому-то вокруг «Белого дома» и собиравшиеся люди, меньше всего подчинявшиеся Хасбулатову. Это вскипала черно-коричневая фашистская пена, бьющая из самых низов общества, действительно из «горячих источников» слепой ненависти.

Ненависти — к кому, к чему? Как всегда, точно не скажешь. Бред какой-то — ненависть к «сионистам», «масонам», «временному оккупационному правительству» и т.д. Уяснить, что они под всем этим понимали, не так-то просто, но убивать они были готовы. Ельцин и нанес им удар. Он бил из танков не в идеологию, а в черное пятно ненависти. Поэтому расстрел парламента и не имел никакого продолжения — за убитыми не стояла какая-то понятная идея, которая распрямится как пружина (а если иметь в виду нацистские идеи, то они пока в России слишком слабы).

Я не знаю, стоят ли после этих дней у Ельцина «мальчики кровавые в глазах», но никакой исторической катастрофы, даже большого исторического потрясения тогда не случилось. Потрясение не большее, чем когда премьер-министр Англии приказывает стрелять в членов ИРА, а президент США — в «черных пантер».

После расстрела 3—4 октября не только не вспыхнула революция (как, скажем, после 9 января 1905 года). Но, наоборот, страна стала много спокойнее. Значит, нет серьезных, не хулиганских социальных сил за анпиловыми.

И все же «осень патриарха» налицо. Налицо резкое постарение, упадок сил Ельцина, его все более глухая изоляция, самоизоляция. Он как будто повторяет с соответствующими поправками заколдованный путь других советских царей — Ленина, Сталина, Брежнева, уходящих от суетного мира и всему миру предпочитавших свою охрану. Что это — действительно нестерпимо давят, что ли, стены Кремля, гибает шапка Мономаха? С Горбачевым как будто ничего подобного не случилось, но, во-первых, его разогревала борьба с Ельциным и обожание Запада, к которому «великий Горби» припадал, как Антей к земле, а во-вторых, от всех потрясений Горбачева оберегал его свирепый и мелкий эгоизм. Немного было в русской истории царей-гедонистов, царей, видевших и любивших только себя (и свою жену), причем любивших так просто и натурально. При такой ровной, глубокой, улыбчивой и счастливой любви к себе ничто не страшно, а сам Кремль — просто более или менее удобное место работы.

Сумрачный Ельцин устроен по-другому. Он куда глубже, серьезнее, а значит, по-русскому обычаю, — куда трагичнее. Горбачев в Кремле мог со вкусом фотографироваться — Ельцин тянет на плечах эту многовековую тяжесть.

Если мерить личность не человеческой, а исторической меркой, то трагедия Ельцина (и России) в том, что он свою миссию выполнил, а сменить его просто некому.

Вот уже почти два года, как он занят од-

ним: просто закрывает своим большим телом амбразуру власти.

Он обеспечил мягкую номенклатурную революцию. Но слишком тупо-эгоистичен победивший класс буржуазной номенклатуры. Он, этот класс, не в состоянии решить главную проблему России — прорыв в число современных стран. Пока безраздельно командует номенклатура, занятая своим «первоначальным накоплением» (в Швейцарии), кризис будет продолжаться. Нужен прорыв, нужна новая экономическая и социальная элита.

Но ни помочь ей вырасти, ни тем более встать во главе ее Ельцин не может — как не может и ни один другой политик в России. А дальнейшее мирное развитие русской революции-эволюции возможно лишь тогда, когда изменения в правящем классе идут параллельно с нарастанием проблем в стране, параллельно с нарастанием кризиса. Если кризис развивается, а правящий класс застыл, — бойтесь взрыва.

Ельцин ускорил кризис 1989—1991 годов и мирно разрешил его. Последняя его крупная акция — ликвидация СССР и введение свободных цен. Это его пик, его финал. Но за ним не стоял никто (Гайдар, очевидно, пришел слишком рано, чтобы стать президентом буржуазно-европейской России). С тех самых пор Ельцин стоит на месте, а проблемы растут, и, что самое опасное, выхода из них нет, идет лишь «закукливание» проблем. Нет новых людей, нет новых идей.

Все это бросает злое отсвет на фигуру Ельцина, на весь ельцинский период. Сегодня ему не страшен никто конкретно — ни Шуйский-Черномырдин, ни новый «Лжедмитрий», выпущенный им из тюрьмы. Одна эта аналогия показывает, как невероятно далеко ушла Россия от своего прошлого: сегодня могут мирно сосуществовать «Годунов» и «Отрепьев». Но Ельцину страшно время, от которого он отстает с начала 1992 г.

Да, Ельцин останется переходной фигурой, как его время — переходным временем. Европейски-корректный титул «президент» плохо подходит к этому человеку; Кремль так и не стал музеем вроде Тауэра. В Ельцине, России и Кремле осталось слишком много средневекового, иррационального, глухого. «Там древней ярости кишат микробы». Если из России ельцинской будет Россия демократическая — Б.Н. станет поистине «Борисом Первозванным» русской истории, обозначившим наконец-то действительный водораздел со старой, романтической, глухой и кровавой историей. Если Россия ельцинская опять соскользнет в смутное время, опять кровью умоется... Что же — Ельцин тогда останется крупной и трагической личностью, может быть, самым русским человеком из всех живших в XX веке в России царей и бунтовщиков.

В материале
использованы
фото
ИТАР—ТАСС,
РИА—Новости
и Е.Успенского

Консуэло СЕГУРА

ДОЛГАЯ СМЕРТЬ ВОЖДЕЙ

Скандал разразился пять лет тому назад. В Мадриде на одной из пресс-конференций кто-то из журналистов возопил:

— Хирохито все-таки жив или умер? Может мне кто-нибудь ответить?

Гробовое молчание. Не только испанские, но и японские журналисты пребывали в нервическом неведении. Они пали жертвами информации, прошедшей в одной из важнейших газет Японии, которая, судя по всему, совершила важнейшую за весь период своего существования ошибку: опубликовала раньше времени редакционную статью, где оплакивалась смерть императора Хирохито.

Таким образом мир успел свыкнуться с мыслью о заранее объявленной смерти, которая никак не наступала. Поэтому, когда историографы пишут: «Император Хирохито прожил долгую жизнь», невольно возникает мысль о том, что смерть его тоже была долгой. В течение многих месяцев, используя все средства современной медицины, врачи пытались избежать неизбежного.

В принципе, в конце XX века долгая смерть никого уже не удивляет. В мире постоянно идут споры медицинского, этического, экономического, религиозного характера о том, сколь долго надо поддерживать угасающую жизнь пациента.

Но в некоторых случаях проблема эта становится чисто политической. Это происходит, когда подобными пациентами становятся президенты, императоры, короли, аятоллы и прочие сильные мира сего. Этим несчастным практически никогда не дают по-

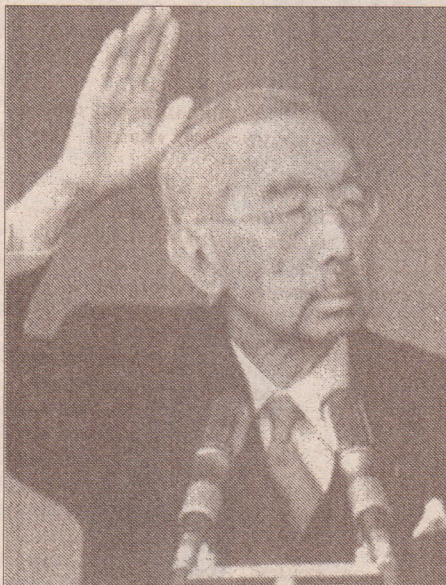
качества. Примерно в то же время в замечательной английской кукольной телевизионной передаче «Мопед шоу» появился любопытный сюжетик: главы различных государств дают пресс-конференцию, среди них Леонид Ильич в папаше и при всех орденах. Ведущий обращается к журналистам с просьбой — вопросы ему не задавать. «Он давно уже в коме», — шепотом сообщает он присутствующим. Между тем «Дорогой Леонид Ильич» в этом коматозном состоянии умудрился еще шесть лет править страной. Практически то же самое происходило и с нашими последующими правителями доперестроечной поры — Андроповым и Черненко. Причем последний был вознесен на трон не в колеснице победителя, а в реанимационном автомобиле.

Окружение таких лидеров предпочитает поддерживать их в состоянии умирания, вместо того чтобы придать тело земле, по разным причинам. Иногда это боязнь вместе с лидером потерять свой кусок хлеба. Иногда возникает проблема с наследником престола. А в то время как потенциальные наследники дерутся за место под солнцем, медики пляшут свой танец смерти перед потенциальным покойником, исполняя не столько свой врачебный долг, сколько модернизированный погребальный ритуал.

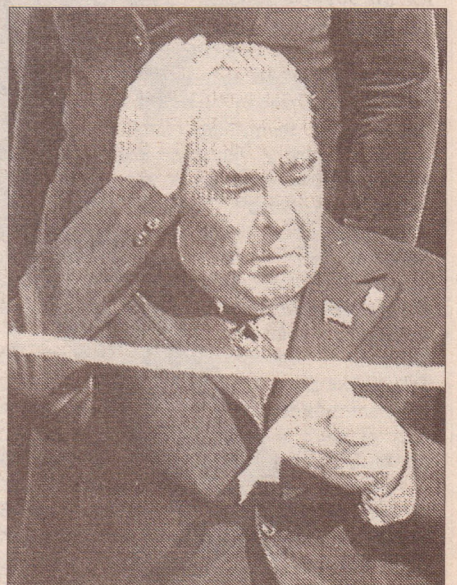
Президент Югославии Иосип Броз Тито четыре месяца пребывал между жизнью и смертью, влача поистине растительное существование. Медики ампутировали ему ногу, но и это не помогло. Тито скончался. Дальнейшие события подтвердили опасения его сподвижников — только он мог крепко держать в руках страну, где рядом

чить спокойно, удлиняя процесс их выживания, а вернее, умирания и превратив его в своеобразный ритуал нашего времени.

Подобное случается во всех странах, на всех континентах. Но нам, бывшим гражданам бывшего Советского Союза, тема эта близка и знакома как никому. Еще в 1976 году западные средства массовой информации проведальи о том, что наш тогдашний Генеральный секретарь (и прочая, и прочая...) перенес клиническую смерть и в результате несколько утратил (мягко говоря) свои деловые

Хирохито

Леонид Брежнев

жили люди стольких национальностей и религий.

Аятолла Хомейни задолго до своей смерти представлял собой ходячую (с трудом) медицинскую энциклопедию: рак позвоночника и предстательной железы, нарушение кровообращения, тяжелое заболевание легких и т.д. и т.п.

Израильский лидер Менахем Бегин принял решение о нападении на Ливан, перенес пару инфарктов и тромбоз. Президент США Франклин Рузвельт, по заверениям швейцарского историка Пьера Рентшика, присутствовал на Ялтинской конференции и занимался переделом мира, будучи «инвалидом, тяжело больным, почти умирающим человеком».

За нескончаемой агонией генералиссимуса Франсиско Франко следила вся Испания. Медики истязали его безжалостно. Из всех сил поддерживали они угасающее сознание того, кто некогда был грозным диктатором. Что это было — страстная любовь к умирающему каудильо? Ничего подобного. Любящие люди дали бы ему умереть спокойно. У тех, кто настаивал на продлении агонии, были совсем иные, гораздо менее благородные мотивы. Приближалось 26 ноября 1975 года — ключевая дата для испанских фалангистов. Истекал срок полномочий одного из лидеров ультра — Родригеса де Валькреселя, занимавшего посты председателя кортесов и Королевского совета. Если бы Франко к этому моменту был жив, он продлил бы полномочия фалангиста. Хуан Карлос — никогда. А от этого напрямую зависело, по какому пути в будущем пойдет Испания. Вот и мучали старика, растягивая агонию.

Но не дотянули. Франко скончался, опутанный проводами, дыхательными трубками, катетерами...

Последние дни президентов, диктаторов, королей, как правило, окутаны глубокой тайной. И это невольно вызывает подозрения и питает фантазии толпы. О Брежневле поговаривали, что он ночует в реанимации и его отключают от приборов только на время официальных церемоний. О Франко шла иная молва — медики якобы держали его во льду, а рядом с ним в его больничной койке как последнее средство лежала древняя католическая реликвия — рука Святой Терезы. Что в этом было правдой, а что народной фантазией — не всегда ясно. Ясно одно — рано или поздно наступит момент, когда надо «отключать провода». Вот он-то и бывает предметом ожесточенных споров. Медицинские и этические проблемы отступают на задний план, и на сцену выходят политические и экономические соображения.

Король умер. Да здравствует король! С наследными монархами, конечно, проще. Но даже и там с того момента, как один монарх ложится в гроб, и до того, когда наследник садится на трон, проходит определенное, пусть и непродолжительное время. Непрерывность и связь времен как бы нарушаются. Символ государственности, воплощенный в монархе, перестает существовать. Что уж тогда говорить о тех странах, где этот период растягивается на неопределенное время! Естественно, люди, приближенные к власти, боятся этого момента как огня, пытаются оттянуть его как только можно и потом проскочить как можно быстрее. Си-

туацию усугубляют и экономические причины, которые характерны, в основном, для стран с выборной властью. Определенные экономические группировки при посредстве политических партий вкладывают деньги в конкретного человека, чтобы превратить его в символ государства. И если с этим символом что-либо случается... капиталовложения могут не принести желаемого дохода, а то и вовсе пойти прахом.

Из этих соображений любое тяжелое заболевание «символа» моментально становится «государственной тайной». Японский королевский двор больше года скрывал, насколько серьезна болезнь императора. Когда Рузвельт в инвалидной коляске прибыл на Ялтинскую конференцию, его помощник заявил всем: «Это грипп». Это был рак.

Грипп почему-то самое популярное заболевание вождей в подобного рода случаях. Его приписывали и Франко, и Помпиду, у которого на самом деле было тяжелейшее заболевание костного мозга. Несмотря на болезнь, он много лет правил Францией. Этим же кодовым словом называли и инфаркт Юрия Андропова. У англичан, правда, фантазия оказалась побогаче. Когда 26 июня 1953 года Уинстон Черчилль не явился на важнейшую встречу с Эйзенхауэром, на Даунинг-стрит, 10, заявили, что премьер-министр перенес тяжелый стресс и ему рекомендовано «состояние полного покоя». И уж куда полнее — ведь Черчилль в тот момент лежал неподвижно, перенес апоплексический удар, который лишь чудом не свел его в могилу.

Но и сами политические лидеры, пока они еще в состоянии, из всех сил держатся за власть. Невзирая на бесконечные процедуры, тяжелейшие операции, лекарства, содержащие порой большую дозу наркотиков. И корабль государства плывет, управляемый капитаном, который в полной мере не может отдавать отчет своим поступкам.

Несколько лет назад в американской армии произошел грандиозный скандал: было обнаружено, что солдаты, дежурившие в шахтах с ядерными ракетами, «балуются наркотиками». Как же следует относиться к вполне реальному предположению, что какой-нибудь из лидеров ядерных государств, держащий руку на красной кнопке, иногда «подлечивается» с помощью лекарств, содержащих наркотические вещества? Дамоклов меч, болтающийся над человеком на тонкой ниточке чьего-то хрупкого здоровья.

Или, может быть, медики во всем виноваты?

Иосип Броз Тито

Уинстон Черчилль

Григорий КРОШИН

РУССКОЯЗЫЧНЫЕ ПОНЯЛИ, ЧТО РОССИЯ ИХ БРОСИЛА...

Мы знакомы давно. С тех благословенных, уютных, «застойных» времен в Одессе, когда никто не задумывался, русская она или украинская, когда деньги были для всех одни и те же, хотя их практически и не было... Это было тогда, когда нынешний, уже довольно известный, даже маститый по местным меркам русскоязычный писатель и кинематографист Эдуард МЕДВЕДКИН был для его знакомых и друзей просто Эдиком, только-только закончившим технический вуз и который сильно гордился тем, что эпизодически публиковал микроскопические юморески в прессе тогдашней необъятной Страны Советов, чаще всего под замечательной рубрикой «Улыбки читателей»...

Инженера-механика, молодого специалиста, Медведкина «распределили» в Алма-Ату, он не сопротивлялся, и с тех пор, вот уже чуть ли не три десятка лет, инженер-механик Эдик «согласно прописке» проживает в Казахстане, стал «деятелем культуры», выпустил семь книг повестей и рассказов, сделал — и как сценарист, и как режиссер — более сорока документальных и художественных фильмов, какое-то время редактировал казахский «Фитиль» под названием «Камча», постепенно стал членом, кажется, всех творческих союзов — писательского, кинематографического, журналистского... Естественно — СССР. То есть, я так понимаю, вполне удачливый творческий работник. Хотя и русскоязычный... Но об этом чуть ниже.

...В Москве нынешней зимой мы встретились случайно: в одном высоком доме он показывал привезенный новый фильм, который сам снял на собственные деньги и на собственной частной студии «Чанга» в Алма-Ате. Пять-шесть человек (со мной) сначала смотрели картину по «вида-

ку», а потом долго молчали и только загадочно цокали... Фильм называется «Дважды воскресший еврей». Это — о гениальном, но, по нашей традиции, практически забытом скульпторе: Исаак Иткинд жил и творил свои чудеса в Белоруссии, потом в России, в 1938-м, как водится, был арестован и... с этого момента все думали, что он умер, сгнил в лагере. Под многими скульптурами Иткинда даже появились даты жизни автора: 1871—1938... Но, оказывается, он не умер, не сгнил, не погиб: «В голодные сороковые, — говорит закадровый голос Александра Галича, использованный в фильме, — его, истощенного, раздетого, нашли в казахстанских степях местные жители, обогрели, помогли подняться на ноги. Еще много лет после этого он прожил в Алма-Ате, где умер в 1969 году, чуть не дотянув до столетнего юбилея... Фильм воскрешает гения для нас всех. Гения — потому что именно так его оценили Пикассо и Шагал, Горький и Есенин, Маяковский, Луначарский, Коненков. Но сейчас я не о фильме, и даже не о скульпторе, о котором фильм. И

хотя Медведкин сказал мне, что не мог не сделать эту картину, так как считает себя обязанным перед памятью человека, которого знал лично, фильм — по крайней мере как я это увидел — не о конкретном знакомом авторе. И даже не о гениальном забытом скульпторе Иткинде. Картина получилась о Добrote, о Самоотдаче, о Духовности, об Интернационализме. И, может быть, больше всего — именно об интернационализме: простые жители казахстанских степей и маленьких заброшенных поселений — русские, уйгуры, казахи, немцы, корейцы, украинцы, неважно кто — приютили и обогрели скульптора-еврея, сообщая, не интересуясь никакими анкетными данными, помогли ему не просто выжить физически (что само по себе уже немало), а и снова поверить в свои силы, снова начать творить. Это тем более актуально сегодня, когда чуть ли не главным вопросом всей нынешней общественной жизни Казахстана становится проблема положения «русскоязычных» и отношений их с представителями «титულიной» национальности. И уж меньше всего я предполагал, что со своим другом писателем из Алма-Аты Эдуардом Медведкиным буду беседовать именно как с «русскоязычным», чужим в ныне заграничной стране под названием Казахстан... А тем не менее...

— Проблема «русскоязычных» всегда существовала в Казахстане, — говорит Медведкин. — Стремление казахов к национальному суверенитету — не ново. Русские подвергались дискриминации наиболее явно при назначении на ту или иную высокую должность. Считалось, что русский не может в Казахстане занимать высокую должность...

— Но куда уж выше — ведь первый секретарь казахского ЦК партии почти всегда был русским?..

— Да, Москва могла назначить в Казахстан первого секретаря, но в этом была политика «центра». А чуть ниже первого секретаря — все высокие должности, как правило, занимали казахи. Все это решалось на месте, и никакая Москва этого не могла перерешить. Да и не пыталась.

— В чем же сегодня заключается, на твой взгляд, проблема «русскоязычных» в Казахстане?

— В том, что так называемые русскоязычные поняли, что за ними уже... России нет! Что Россия их бросила и они в любой момент могут подвергнуться тем или иным гонениям.

— И подвергаются? Есть факты?

— Факты таких гонений на бытовом уровне были всегда. Просто сейчас им придается большее значение, чем

раньше, они воспринимаются более обостренно, поскольку, грубо говоря, некому жаловаться. Если раньше, при коммунистах, хотя и были у тех или иных чиновников конкретные проявления дискриминации, но делалось это завуалированно, так как все-таки были какие-то определенные «правила игры» и, между прочим, законы, которые нарушать боялись... Сегодня же никаких законов нарушать никто не боится! Полный беспредел! И у вас здесь, и у нас, в Казахстане, точно так же! Нет законов. Все решают деньги или автомат. И если человек не имеет ни денег, ни автомата, он не защищен. А так как у большинства населения нет ни денег, ни автомата, а русские еще при этом чувствуют себя попавшими в чужую страну, то у них и возникает обостренное чувство, что они в любой момент могут подвергнуться дискриминации — и никто им не поможет...

— Но, видимо, в сегодняшнем Казахстане есть силы, которым на руку такая ситуация с русскими. Может быть, эти силы заинтересованы в том, чтобы русские уезжали?

— Те, кто считает, что отток русскоязычного населения — благо, должны понимать, что это ведет прежде всего к экономическому обнищанию государства. И второе: этим людям придется очень сильно поработать над изучением китайского языка...

— Китайского?

— Именно китайского! Ведь Казахстан по своему геополитическому положению — это то место, которое Китай не может оставить без своего пристального внимания. Когда-то Китаю, мы помним, стоило грандиозного труда превратить мусульманский Синьцзян в китайскую провинцию, заселив его китайцами. Сегодня Китаю небезразлично, будет ли Казахстан мусульманской страной или страной, склонной к «славянскому пути» развития. Мусульмане поджимают Китай со всех сторон, и он просто не может себе позволить, чтобы и Казахстан ушел под влияние мусульман. Поэтому с каждым годом будет возрастать интерес к Казахстану со стороны Китая.

— Эти тенденции, вероятно, известны и казахскому руководству. Как оно реагирует?

— Президент Назарбаев, прекрасно понимая, что в сегодняшнем Казахстане, буквально разрываемом многими националистическими движениями, может быть разыгран как «русская», так и «китайская» карта, выдвинул идею перевода столицы государства из Алма-Аты, находящейся вблизи границы с Китаем, в другой город, ближе к России, в быв-

ший Целиноград — нынешний Акмолинск.

— В какой стадии сейчас вопрос о переводе столицы Казахстана?

— Он практически решен. В Акмолинск уже выезжала государственная комиссия, чтобы окончательно проработать организационные детали переезда центральных органов власти из Алма-Аты. В нашей прессе все это уже подробно расписано.

— И все же: официально — по какой причине казахское руководство решило переезжать в другую столицу?

— Официально — президент Назарбаев объявил, что делается это в основном из соображений экологии. А по сути... Назарбаев сегодня, и все у нас это ощущают, не является хозяином в Алма-Ате. Известно, что Казахстан — не монолитная страна. Очень сильно в нем влияние кланов, жузов. Например, в Алма-Ате власть мэра города на сегодняшний день не только равнозначна президентской власти, но в ряде случаев — выше... И это Назарбаеву победить не удастся.

— Странно... Ведь Назарбаев — представитель как раз «титულიной» национальности. Или его воспринимают как «руку Москвы»?

— Роль Нурсултана Назарбаева многими в Казахстане недооценивается. Тут не понимают, что этот человек сделал для казахов гораздо больше, чем те, кто так много говорит о национальном возрождении. Даже тот факт, что Казахстан на сегодня, пожалуй, чуть ли не единственная бывшая союзная республика, которая в этот сложный период обошлась без крови — тыфу, тыфу, тыфу! — тоже, между прочим, грандиозная заслуга нынешнего президента Казахстана. И то, что он в какой-то степени склоняется к России, это не только его личное отношение — это объективно во благо Казахстана. А он просто раньше других почувствовал эту необходимость. Казахам не к кому притулиться, кроме как к России: у нас же общее и культурное, и экономическое пространство, и огромный участок общей границы, по обе стороны которой проживает вместе много русских и казахов. Уйдя от России, Казахстан получил бы столько неразрешимых проблем!.. Поэтому убежден: те, кто призывает к разединению с Россией, ведут дело ни больше ни меньше — к гражданской войне.

— Ты считаешь, что ориентация на Россию перспективна для Казахстана?

— Расчет Назарбаева, с моей точки зрения, был абсолютно сознательный. И правильный. Но просчет его

заключается в том что он опирался в России не на какую-то монолитную власть, а на отдельных российских политиков. А мы видим, к сожалению, что это — хлипкие политики, сидят-то они в худых креслах, а под креслами — хлябь и болото... На них просто нельзя опираться. Назарбаев это сделал. Но это не вина его, а огромная беда и для Казахстана, и для России.

— Неудачная попытка «опереться», видимо, еще больше усугубляет проблему «русскоязычных» в Казахстане: они, по сути, становятся заложниками взаимоотношений в верхних эшелонах власти.

— Сегодня, когда ухудшается жизнь людей, гибнет экономика, появляется опасность, что начнут искать хоть какого-то виновника всех этих бед, какого-то «козла отпущения». И часто таким «козлом отпущения» оказываются именно русскоязычные жители республики, на которых многие готовы сорвать злость. Все это нервирует русских, создает у них чувство неуверенности, страха за свою жизнь, за жизнь своих детей, близких, друзей и т.д. И многие решаются покинуть Казахстан, снимаются с насиженных мест. Сейчас отток русского населения в определенной степени ослаб, но к лету, уверен, это будет уже бурный поток. И если его не остановить, то и для России, которая просто не в состоянии принять такой поток беженцев, и для Казахстана возникнут огромнейшие проблемы.

— А что же, по-твоему, можно сделать, чтобы это остановить? И кто это должен делать?

— Как кто? Президент Назарбаев. Несмотря на все существующие проблемы с националистическими движениями, он, я считаю, должен разрешить в Казахстане двойное гражданство, о котором так много сейчас дискутируют.

— Что оно даст русским? Жизнь не улучшится за это время, а значит, они будут продолжать оставаться тем самым «козлом отпущения» в глазах коренного населения.

— Это так, но при наличии двойного гражданства они, русские, хотя бы психологически будут чувствовать себя защищенными, чего сегодня абсолютно лишены! Ведь, как ни крути, а главные корни проблемы «русскоязычных» — психологические: они испытали шок после развала Союза, когда они в одночасье оказались в чужом государстве!.. А двойное гражданство, по крайней мере на первое время, позволит затормозить отток беженцев, а в дальнейшем, думаю, Назарбаев пойдет дальше в политике налаживания взаимоотношений с Россией, а значит, улучшится и положение русских в Казахстане.

— Иногда создается впечатление, что из всего руководства Казахстана один лишь президент озабочен этими проблемами...

— Представь себе, ты недалеко от истины! Дело осложняется тем, что сегодня Назарбаев, к сожалению, не имеет серьезной поддержки в своем окружении. Он сам-то вырос в большого политика международного масштаба, а его окружение — это, я бы сказал... колхоз «Заветы Ильича». А его противники так вообще действуют на уровне, который исключает поиск цивилизованных решений. В этом — еще одна беда Назарбаева как лидера республики.

— Ты — писатель, живущий в Казахстане уже несколько десятков лет, тот самый русскоязычный, о ком мы ведем речь. Каково лично вам в Казахстане сегодня? И как, по твоим впечатлениям, чувствует себя сегодня в Казахстане творческая интеллигенция? И в частности, русскоязычная ее часть?

— Русскоязычная часть творческой интеллигенции в Казахстане сегодня прекратила свое официальное существование. Например, я, как член Союза писателей, могу засвидетельствовать, что Союз этот (по крайней мере, для русскоязычных) сегодня не существует: все творческие секции практически ликвидированы. Союз кинематографистов (ты прав, я и его член тоже...) еле-еле дышит... А что касается русскоязычной прессы, то хотя официально газеты существуют и вроде бы можно печататься, но... этой трибуны слишком мало, чтобы говорить о ней серьезно. На выпуск русскоязычных газет, книг, фильмов элементарно нет денег. Правда, если честно, то и на казахское искусство денег нет, и оно тоже постепенно угасает.

— Так что, казахская интеллигенция и в этом тоже винит русских?

— Я бы так не сказал. Дело в том, что казахская интеллигенция очень неоднородна. Одни ее представители — кстати, наименее талантливые и значительные — в поисках средств к существованию «продались» коммерческим структурам — по принципу «кто платит, тот и заказывает музыку». Крупные же художники, талантливые творцы не стали продаваться, остались, как правило, верны своим принципам, своему художническому таланту. Они стремятся к консолидации общества, к тесному сотрудничеству и взаимодействию русских и казахов, всех других народов, населяющих Казахстан. Например, самый, пожалуй, на сегодня крупный и талантливый человек в республике — поэт Олжас Сулейменов организовал

партию Народный Конгресс Казахстана, одним из главных лозунгов которой является именно консолидация русскоязычного и казахского населения. Конечная цель партии — создание общей казахстанской нации.

— Ты нарисовал довольно мрачную картину положения русскоязычного населения в Казахстане. А как ты сам сегодня участвуешь во всей этой жизни республики?

— Я, можно сказать, никак не участвую в общественной жизни. Больше того, я уже много лет в Казахстане не печатаюсь, хотя совсем недавно у меня вышли там и книга, и фильм. Но все это сделано мною было давно, просто появилось в свет только сейчас...

— Почему? Не хочешь участвовать? Чувствуешь себя чужим? И, значит, живешь попросту — «согласно прописке»?

— Мы, «русскоязычные» деятели культуры, я, во всяком случае, так себя ощущаю, вышиблены из культурного пространства Казахстана, поскольку его в настоящее время практически не существует. Ты прав, я действительно просто живу, так как там «прописан», у меня там квартира и так далее. А работаю я — публикуюсь, снимаю фильмы — в разных странах, в том числе и в СНГ: там, где со мной заключают контракт.

— Но ты не собираешься уезжать из Алма-Аты?

— Я сроднился с Казахстаном, привык ко всему, что меня окружает, знаю его проблемы, у меня там много друзей, я был там счастлив, но... Будущего своего я в Казахстане, честно говоря, не вижу... Так же, впрочем, как не видят его и многие представители творческой русскоязычной интеллигенции.

...А сегодня родившийся на Украине и «вышибленный» из Казахстана «русскоязычный» писатель и кинематографист пытается в России сделать достоянием зрителей свое новое произведение — фильм о гениальном «русскоязычном» скульпторе-еврее. Пока, однако, тщетно — никто в упомянутых трех государствах не в состоянии обеспечить прокат: нет денег ни на аренду зала, ни на рекламу, ни на иностранные титры. Ни на что...

АБОНЕМЕНТ на газету журнал **73746**
 «Столица» (индекс издания)
 (наименование издания) Количество комплектов:
 на 19 **94** год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда _____
 (почтовый индекс) (адрес)
 Кому _____
 (фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ место литер на газету журнал **73746**
 «Столица» (индекс издания)
 (наименование издания)

Стоимость	подписки	_____ руб.	коп.	Количество комплектов:
	пере-адресовки	_____ руб.	коп.	

на 19 ____ год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда _____
 (почтовый индекс) (адрес)

Кому _____

По традиции для тех, кто подписался на «Столицу», редакция проводит лотерею совместно с межрегиональным благотворительным фондом «Преодоление».

КУПОН ЛОТЕРЕИ

Фамилия, имя, отчество (полностью) _____

Адрес (с указанием почтового индекса) _____

В каком отделении связи оформлена подписка на «СТОЛИЦУ» _____

Дата оформления подписки _____

Условия лотереи — на обороте купона. →

Открыта подписка на журнал «СТОЛИЦА» на 2-е полугодие 1994 года!

Стоимость подписки,
объявленная редакцией:

- на один месяц — 1300 руб.
- на три месяца — 3900 руб.
- на шесть месяцев — 7800 руб.

К этой цене местные
отделения связи
приплюсовывают
свою надбавку.

Стоимость подписки
в Москве с учетом
надбавки составляет:

- на один месяц — 2374 руб.
- на три месяца — 6202 руб.
- на шесть месяцев — 11404 руб.

Сведения о подписке
в каталоге «АиФ—АПР»,
а также в Московском
каталоге.

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресовывания издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Роспечати.

Заполнение месячных клеток при переадресовывании издания, а также клетки «ПВ—МЕСТО» производится работниками предприятий связи и Роспечати.

Льготная подписка

Уважаемые
московские читатели

«Столицы»!

Если вы имеете возможность приезжать за нашим журналом в редакцию, мы подпишем вас на второе полугодие 1994 года по льготной цене:

6000 рублей (на полгода),
3000 рублей (на квартал),
1000 рублей (на один месяц).

Подписку можно оформить в редакции по адресу:
Петровка, 22, вход со двора,
комн. № 610.

Справки по телефону:
928-10-34

В № 28 «Столицы» за 1994 год
будет опубликован список победителей.

Вырежьте купон, правильно заполните его, наклейте на открытку или почтовую карточку и вышлите на адрес редакции: Москва, 101425, ГСП, К-51, Петровка, 22, редакция журнала «Столица». В розыгрыше примут участие только те читатели журнала, которые оформили подписку в период подписной кампании.

Призы лотереи
для подписчиков

«Столицы»

- Импортная аудио- и видеотехника,
- электробытовая техника,
- изделия народных промыслов,
- денежные призы,
- бесплатная подписка на 1-е полугодие 1995 года и другие призы.

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНАЯ АССОЦИАЦИЯ «ЛИКОС»

Строительство жилых домов в муниципальном округе «Солнцево» Западного административного округа г.Москвы.

- ПА «ЛИКОС» является генеральным подрядчиком по реконструкции 1—2-го микрорайонов МО «Солнцево» — одного из самых экологически чистых районов Москвы.
- Два жилых односекционных 22-этажных дома по ул. Волынской (ввод корпуса 1 — декабрь 1994 г.):

Предлагаются к продаже квартиры по цене от 500 \$ за 1 кв. м площади (на 1 марта 1994 г.):

1-комнатные	42 кв. м	\$ 21 000
2-комнатные	66,5 кв. м	\$ 33 250
3-комнатные	90,6 кв. м	\$ 45 300
4-комнатные	110,3 кв. м	\$ 55 150

- Трехсекционный панельный 17-этажный жилой дом по ул. Богданова (ввод дома — III квартал 1994 г.):

Предлагаются к продаже квартиры по цене от 650 \$ за 1 кв. м площади (на 1 марта 1994 г.)

1-комнатные	37,8 кв. м	\$ 24 570
2-комнатные	50,2—57,8 кв. м	\$ 32 630 — 37 570
3-комнатные	71,8; 73,8 кв. м	\$ 46 670; \$ 47 970

Тел.: (095) 439-05-62, 439-63-74, 934-85-44, 934-86-10

Fax (095) 934-30-33

Фирма «Сьюзен»

предлагает оптом и мелким оптом со склада в Москве свежее западногерманское пиво «Herrenhäuser»

Наши координаты:

125083, Россия, Москва,
ул. Юннатов, 18
Тел. (095) 212-81-18
(095) 212-81-98
(095) 212-75-37
Тел./факс. (095) 212-73-24

ВНИМАНИЕ, ГОСПОДА БИЗНЕСМЕНЫ!

У вас появилась уникальная возможность опубликовать свою рекламу в международном каталоге. Причем сделать это можно совершенно бесплатно.

Найти партнеров вам поможет «Trade World Club».

Звонить вечером по телефону: 193-92-94.

Уважаемые подписчики журнала «Столица»!

Только для Вас

Центр лазерной терапии

проводит высококвалифицированное медицинское обслуживание с применением последних достижений науки и техники с 20-процентной скидкой оплаты за лечение.

ТЕРАПИЯ:

- острый инфаркт миокарда,
- ишемическая болезнь сердца,
- окклюзионные заболевания сосудов ног,
- язвенная болезнь желудка и двенадцатиперстной кишки,
- неспецифические заболевания легких.

АРТРОЛОГИЯ:

- ревматоидный артрит,
- деформирующий остеоартроз и др.

НЕВРОЛОГИЯ:

- невралгия тройничного нерва,
- неврит лицевого нерва,
- дисциркуляторная энцефалопатия и др.

ОТОРИНОЛАРИНГОЛОГИЯ:

- острые и хронические воспалительные заболевания ЛОР-органов.

ДЕРМАТОЛОГИЯ:

- нейродермит,
- экзема,

- красный плоский лишай,
- трофические язвы, псориаз.

УРОЛОГИЯ:

- хронический простатит,
- импотенция и др.

ГИНЕКОЛОГИЯ:

- функциональное трубное бесплодие,
- хронический сальпингоофорит и др.

СТОМАТОЛОГИЯ:

- пародонтоз,
- афтозный стоматит,
- десквамативный глоссит,
- герпетический стоматит и др.

Адрес: Москва, 1-я Сокольническая, 8 (м.«Сокольники»), тел. 269-43-54.
Предъявите квитанцию о подписке на «Столицу» на 1994 год, и лечение Вам обойдется на 20 процентов дешевле!

ДУМАТЬ НАДО?..

После некоторых мучительных раздумий Дума приняла наконец — по прошествии первой трети 1994 года — «в целом» важное постановление «О порядке рассмотрения проекта федерального закона «О федеральном бюджете на 1994 год» и его принятии Государственной Думой»..

Чем же вызвана нынешняя суета с принятием порядка принятия? В преамбуле постановления Думы сказано, что, делается это ею вынужденно, из-за, по традиции, скверной работы правительства: «В связи с нарушением сроков представления правительством Российской Федерации федерального бюджета на 1994 год и невозможностью из-за этого рассмотрения и утверждения федерального бюджета на 1994 год согласно порядку и срокам...» и так далее. Словом, опять это правительство ставит палки в колеса, отвлекая избранных от любимой политической трепотни...

Правда, так считают не все в Думе. Заместитель спикера, член «Выбора России» Михаил Митюков, например, отказывается валить всю вину на правительство: «Парламент у нас новый, а значит, и порядок рассмотрения новым парламентом должен быть принят заново. И мы нашли такой временный оптимальный вариант на 1994

год. А дальше, видимо, будут приняты поправки к Закону о бюджетной системе, который будет действовать на все последующие годы».

Вице-спикер смотрит на ситуацию с явным оптимизмом: он считает, что бюджет на 1994 год будет утвержден парламентом аж в мае. «А может, и раньше!» — надеется на чудо Митюков.

И академик Олег Богомолов, член фракции травкинской ДПР, не считает, что в позднем представлении бюджета виновато лишь правительство:

— Знаете... Очень трудно вообще составить бюджет при ежемесячном росте цен в 20 процентов... В этом смысле я членов правительства понимаю. Учитывая, что и политики-то единой экономической у этого правительства нет. Не решен, например, вопрос о пропорциях между отдельными статьями бюджета.

— Но такая же морока вокруг бюджета, помните, была и при старом Верховном Совете.

— Да, ничего не изменилось здесь. А почему? Потому что и тогда была та же самая беда: мы в бюджете продолжаем «делить пирог» — кому сколько дать?.. Но «делить-то» практически нечего! Весь вопрос в том, кто будет заботиться о том, чтобы сам пирог стал больше и пышнее. И здесь встает

М. Митюков

О. Богомолов

Н. Травкин

следующий вопрос — о налогах. Мы восприняли многие монетаристские принципы, но... Вот Рейган — он же принципиальный монетарист, поклонник чикагской школы, но и он, помните, все-таки снизил налоги! Чтобы стимулировать производство и в конечном итоге — получить больше в казну. А мы все повышаем налоги, душим наши предприятия. И парламент эти проблемы сегодня серьезно не ставит...

А лидер упомянутой фракции ДПР Николай Травкин вообще настроен мрачно относительно всех обсуждений бюджета в парламенте. Хотя и не отрицает необходимости утверждения наконец хоть какой-то процедуры принятия бюджета:

— Ведь ее не было: прошлый-то ВС РФ просто автоматически проштамповал ту процедуру, которая существовала в другом государстве — СССР, потом РСФСР...

А порядок тот не подразумевал, что какой-то орган власти может внести в бюджет коррективы.

— Но бюджет на этот год будет в этом году утвержден?

— Ха... Мы же жили, бывало, и год без бюджета. И что?.. А, кстати, этот бюджет не хуже других. Напрасно копыта ломаются вокруг объема дефицита: он, между прочим, у России не хуже, чем в иных устойчивых вполне рыночных странах. Допустим, в прошлом году дефицит в Греции был 15 процентов, в Ирландии — 12. У нас где-то между этими цифрами. Главное — не сам дефицит, а чем его думает покрывать правительство. Сейчас оно делает это печатанием бумаги — увеличением инфляции. А можно — по-другому.

— Как, например?

— Например, получением доходов от приватизации. Это сейчас совсем не учитывает составленный бюджет. Еще резерв: активизировать применение государственных займов. И так далее. Словом, надо думать. А правительство — не хочет...

...Или не может? Или не правительство?..

Григорий КРОШИН
Фото ИТАР—ТАСС,
Б. Кремера

Бывший заместитель министра обороны Виталий Шлыков, возглавлявший делегацию, предупредил, что проводимые сегодня в России реформы оставляют вне контроля военный-промышленный комплекс с его мобилизационными резервами. Шлыков подтвердил свое заявление, сделанное в ноябре 1992 года на первой встрече с представителями американского Международного совета по безопасности, о том, что избыточному производству оружия как для внутреннего использования, так и для экспорта должен быть положен конец. «Ставка на экспорт вооружений лишь углубляет внутренний кризис и сужает перспективы для реальных перемен», — сказал он.

Юрий Яременко, директор

«СТАВКА НА ЭКСПОРТ ВООРУЖЕНИЯ УГЛУБЛЯЕТ ВНУТРЕННИЙ КРИЗИС»

На семинаре в Вашингтоне в марте члены высокопоставленной делегации из России заявили о том, что демилитаризация России неразрывно связана с экономическими реформами.

Института экономических прогнозов РАН, подчеркнул, что вопрос демилитаризации зависит от развития экономической ситуации в России. «Мне кажется, что программа реформ, вот уже два года проводимая в нашей стране, в основном провалена, — сказал он. — Хотя она и не закончена, ее безуспешность уже вполне очевидна... Совершенно ясно, что нам нужно было освободить экономику — но как-то иначе, не

революционным путем».

По его мнению, выход из нынешнего кризиса в российской экономике мог бы быть связан «если не с замораживанием цен и заработной платы, то, по крайней мере, с регулированием цен на нефть, уголь и электроэнергию». «Похоже, что нам нужна государственная программа конверсии существующего военного производства», — заявил Яременко.

Шлыков же отметил, что ни

одна страна — даже в военное время — не может иметь такого огромного бюджета, который запросили для себя российские военные. А Степан Сулакшин, депутат Государственной Думы от Томской области, заявил, что из-за диспропорций в расходах на военную продукцию и потребительские товары жители провинций не имеют денег уже и на хлеб. С января 1993 года, пояснил он, они не получают денег за свою работу. Занятость, например в Томске, снизилась до 50—60 процентов, и областная экономика находится на грани краха. «Люди в провинции больше не хотят радикальных реформ», — подытожил Сулакшин.

Подготовлено по материалам ЮСИА

НАЛОГОВАЯ РЕФОРМА НА ЗАКАЗ

В начале марта созданная недавно Партия большинства объявила международный конкурс на самый радикальный проект реформы российской системы налогообложения. Один из девизов конкурса: «От теневой экономики к цивилизованному бизнесу». Победителю конкурса обещано 15 миллионов рублей, а в случае законодательного принятия проекта — 100 миллионов. На вопросы корреспондента «Столицы» согласился ответить председатель ПБ бизнесмен Вячеслав ГРЕЧНЕВ.

— Почему вдруг у вас возникла идея проведения подобного конкурса?

— Потому что ни о какой реформе, ни о каком нормальном бизнесе речь вести нельзя, пока не будет создана цивилизованная система налогообложения. Бизнесмены сегодня не имеют возможности работать в «световом режиме», и это не выгодно ни им, ни государству. Посмотрите, сколько сегодня на нас висит налогов, и при этом говорят, что казна пуста. Да потому что налоги никто не платит. Введя такие налоги и тем самым перекрывая кислород развитию предпринимательства, государство как бы говорит: «Ты, в общем, там работай как знаешь, но не попадайся, а попадешься...»

— А что вы подразумеваете под цивилизованной системой налогообложения?

— Вести налоги до минимума, оставить один федеральный и несколько муниципальных — на землепользование, на недвижимость, но не более того. Сделать ставку на налогообложения регрессивной и взимать их не с прибыли, а с оборота.

— Хорошо, это будет выгодно вам, а насколько это будет выгодно государству?

— Государству это будет выгоднее прежде всего потому, что это даст толчок к развитию производства. Предпринимателю, производителю будет выгодно открывать новые рабочие места — а это решение проблем безработицы. При регрессивной ставке не будет

смысла скрываться от налогов, т.е. в абсолютном выражении государство будет получать в бюджет больше денег, чем сейчас. А пока существуют сегодняшние налоги, бюджет будет пуст.

— Кто входит в экспертную комиссию конкурса?

— Возглавляет ее член политсовета нашей партии, проректор экономической академии профессор Андрей Орлов. Костяк комиссии — тоже профессор, академики, в качестве экспертов приглашены Петраков и Шаталин.

— Вас не смущают эти фамилии?

— Нет, не смущают, потому что мы предлагаем правила игры. По-моему, не важно, кто будет принимать участие, важно, каков будет результат.

— То есть получается, что это будет заказная реформа налогообложения?

— По большому счету — заказная, но это не личный, а социальный заказ. А как они технически все оформят, какую предложат процентную ставку — это уже их работа.

— И вы уверены, что сможете провести этот проект через все инстанции и он будет принят?

— Конечно, мы постараемся это сделать через свое лобби в парламенте.

— И большое это лобби?

— Есть...

— Я так понимаю, что одна из целей вашей партии — лоббирование?

— Сегодня — лоббирование, а завтра — приход к власти парламентским путем. А потом, нас беспокоят не только налоги. Мы финансируем группу ученых, которые готовят очень интересные предложения по агропромышленному комплексу.

— И за какой срок вы предполагаете вернуть акцию с налогообложением?

— При наличии доброй воли этот вопрос можно решить в течение 94-го года. Уже сегодня мы получаем огромное количество писем с предложениями, проектами. Масса людей откликнулась на наш призыв, и работа уже идет.

Светлана КАРТАШОВА

«ПЯТИЛЕТКА» СОРОСА

«Если государство выделяет деньги только для функционирования образования, то Сорос дает деньги на его развитие», — сказал в свое время корреспонденту Эдуард Днепров, председатель стратегического комитета фонда «Культурная инициатива».

Беседа с г-ном Днепровым происходила в гостинице «Балчуг» после пресс-конференции Джорджа Сороса, его российских партнеров по фонду и министра образования России Е.Ткаченко.

Имя американского миллионера венгерского происхождения на слуху уже несколько лет, с тех пор как меценат принялся субсиди-

ровать гуманитарные программы в нашем, фатально «христардствующем» отечестве.

Теперь Сорос прибыл для того, чтобы дать старт совершенно новой программе, получившей название «Мегапроект». Общую цель «Мегапроекта» обозначил выше Эдуард Днепров. «Цена» программы, как было заявлено на пресс-конференции, составит 250 млн долларов США.

В результате педагоги стар российских школ будут обеспечены грантами и оборудованием для развития собственных инновационных проектов. «Теперь каждый регион, даже каждая школа старается выработать

собственную позицию, собственную траекторию развития», — отмечает Днепров.

Насчет каждой школы еще можно поспорить, однако нельзя не приветствовать тот факт, что составной частью программы в самое ближайшее время явится выпуск новых учебников гуманитарного цикла.

Кроме того, появятся «соросовские» профессора (всего — 500 грантов) и «соросовские» аспиранты (5000 грантов).

...«Мегапроект» рассчитан на пять лет. Следовательно, по логике его инициаторов, к 1999 году Россия получит десятки моделей образовательного процесса. «Пятилетка» уже началась.

Алексей БЕЛЯКОВ

МИЛЫЙ МОЙ БУХГАЛТЕР...

Бухгалтер сегодня — фигура для всякого бизнеса ключевая. Поэтому, если вы владеlec (или директор) фирмы, компании, АО и т.п., воспользуйтесь советами, которые дают весьма серьезные эксперты.

1. Принимая на работу бухгалтера или иного сотрудника-финансиста, обязательно попросите рекомендательное письмо с прежнего места службы, а также не поленитесь позвонить предыдущему работодателю, чтобы узнать истинные причины ухода претендента на должность.

2. Если из бухгалтерии слышен хохот — жди беды.

3. Если у бухгалтера есть собственная работающая фирма — проку от него не будет никакого.

4. Если у бухгалтера в собственном кошельке деньги лежат «навалом», а не сложены «рубашка к рубашке», не будет порядка и в учете.

5. Если бухгалтер просит вас, руководителя учреждения, первым подписать финансовые документы — жди неприятностей от компетентных органов.

6. Если в ходе проверки документации фининспекцией бухгалтер уходит домой раньше руководителя — быть несчастью.

7. Запомните: если во времена социализма при воровстве в конторе сажали бухгалтера, а директор гулял на свободе, то сейчас наоборот.

8. Если бухгалтер просит увеличить зарплату — значит, не ворует.

9. Если бухгалтер просит взять его в совладельцы фирмы, то:

а) дела идут довольно таки хорошо;

б) делать этого не стоит — люди этой профессии совершенно не умеют рисковать, а в нынешнем бизнесе без риска не прожить.

10. Большой плюс тому банковскому бухгалтеру, который носит фамилию какой-либо знаменитости, допустим, Герраченко или Черномырдин, — ему больше верят клиенты, да и ревизоры относятся снисходительнее.

Максим ВОЛОДИН

Владимир КАЗАНЦЕВ

ЗАСТАВЬ КАПИТАЛИЗМ РАБОТАТЬ НА ТЕБЯ

История России, какой бы «индивидуальной» она ни была, и современная ситуация в стране, при всех, опять же, чисто российских чертах, являются лишь частью мировой истории. А мир развивается по своим естественным законам, и движущая сила этого развития — перераспределение собственности. Именно борьба за собственность меняла общественные формации и границы государств, определяла их внутреннюю и внешнюю политику.

История свидетельствует: собственность, на которую претендуют несколько человек, неизбежно будет принадлежать более сильному, более умелому и жесткому. Благодаря действию этого закона мир давно и тщательно поделен, все в нем взвешено до грамма, всему есть цена, и у всего есть владелец.

Победа коммунистической идеи как крайней формы идеологического принуждения привела в 1917 году к потрясающему результату — на огромной территории в 1/6 часть земной суши многомиллионная армия собственников была превращена в армию рабов. Было создано государство, направленное не на защиту человека, его собственности, а сформирована государственная машина

экономической, политической эксплуатации ради удовлетворения идеологических задач и амбиций кучки политиков.

Что же в результате? Две уникальные, не имеющие аналогов в истории ситуации:

Первая — идеологическая. Всегда новая идеология приходила на смену предыдущей, завоевывая господство в общественном сознании. Сейчас же, после краха марксизма-ленинизма, в России возник идеологический вакуум, который и создает крайне нестабильное положение, способствующее расцвету разнообразных течений: от коммунизма, национал-шовинизма и других политизированных учений до всякого рода оккультно-мистических и изуверских сект.

Вторая — экономическая. Наличие огромной критической массы «ничьей» собственности (бывшей «общенародной») — мощнейший генератор всевозможных конфликтов; остаток полуразвалившейся сталинской государственной машины, которую всеми силами пытается реанимировать правительство, называя это реформами в экономике.

Политическая и экономическая реформа государства, если оно хочет быть единым и сильным, невозможна без объединяющей идеи, общенациональной цели. Такая цель в России до сих пор не сформулирована.

А ведь чтобы понять происходящее, сделать определенные выводы, надо просто принять объективную реальность: основная причина внутренних и внешних экономических и политических конфликтов в СНГ, войн на периферии, переворотов — это борьба за огромную собственность бывшей советской империи, за право управлять разделом этой собственности. Принять как объективную реальность: вся бывшая общенациональная собственность будет неизбежно перераспределена между гражданами страны. И большая доля

неизбежно станет принадлежать, как во всем мире, более умелым, более сильным и жестким собственникам.

Но для нас важен вопрос о последовательности этапов преобразования и их содержании.

Общенациональной целью России может стать создание государства, граждане которого гарантированно владеют равной долей национального богатства и имеют соответствующий доход от этой доли. Огромная территория, богатые недра, промышленные предприятия, транспорт и т.д. — все это, при наличии многочисленного класса собственников, свободных рыночных отношений, защищенных мощными государственными механизмами, способно вывести страну из сегодняшнего кризиса. Передача прав собственности от государства гражданам позволяет, кроме того, решить и задачу «совместимости» российской и мировой экономик.

Предвижу естественный вопрос: ну вот, очередные тезисы и теории, а где практический механизм, способный все это реализовать? Такой механизм есть, именно о нем и хотелось бы рассказать.

Будущее страны самым радикальным образом зависит от того, как практически будет осуществлена денационализация общенациональной государственной собственности. Действующая сегодня система приватизации обладает многими недостатками. Например, такими:

— оказались перемешанными денежная и ваучерная системы, что привело к обесцениванию ваучера как права гражданина на свою долю собственности государства;

— средства от продажи собственности закачиваются в бюджет и «проедаются», подобно брежневским «нефтедолларам»; нет единого фонда, аккумулирующего эти средства и способного их сохранить и приумножить;

— не создается класс собственников, без которого невозможна ни ры-

Владимиру Сергеевичу Казанцеву 35 лет. Окончил Московский энергетический институт, учился в аспирантуре в МВТУ им. Баумана, работал в НПО «Астрофизика». Автор более 50 изобретений и 20 научных публикаций. С 1990 года возглавляет ряд коммерческих структур, председатель межрегионального благотворительного фонда «Преодоление».

ночная экономика, ни, следовательно, возрождение страны: приватизируемая собственность, в основном, акционирована коллективно, и, как не было связи между ней и конкретным человеком, так ее и нет;

— действующий механизм приватизации приводит к многократному занижению реальной стоимости государственной собственности, фактически она передается бесплатно;

— возникает взрывоопасный внутренний конфликт неравного распределения государственной собственности (официанту — ресторан, таксисту — автомобиль, трудовому коллективу — завод, учителю, пенсионеру, военнослужащему — ваучер, то есть «шиш»);

— невозможно создать контролирующие органы, что ведет к массовым злоупотреблениям, взяткам;

— приватизируемая государственная собственность не участвует в формировании инфляционной политики государства, поскольку нет согласованных действий Госкомимущества, финансовых органов, включая ЦБ и Минфин.

Можно продолжать этот перечень и дальше, но добавим только, что все противоречия происходят от непонимания отношения конкретного человека к той собственности огромного государства, которая была сначала отобрана у его родителей большевиками, а потом, включая и созданную им самим, была записана во всех законодательных актах как «общенародная».

Итак, что же предлагается?

Во-первых, ядром программы является создание «первичного собственника», экономически свободного человека. Речь идет о законодательном наделении ВСЕХ граждан страны правами владения ВСЕЙ бывшей государственной собственностью в равных долях.

Лучшим способом решения первой задачи, по нашему убеждению, была бы выдача каждому россиянину именной акции на право владения его долей национального богатства. У этой акции не должно быть никакого номинала в текущем курсе рубля — ее стоимость определяется лишь **В ДОЛЯХ НАЦИОНАЛЬНОГО БОГАТСТВА**. И при любой переоценке этой доли в рублях или иной валюте физическое содержание акции остается неизменным.

Существенный момент: гражданам предоставляется только ПРАВО РАСПОРЯЖАТЬСЯ своей долей собственности, а не ее физический эквивалент. Иными словами, один из нас не становится собственником заводской стены, а другой — крыши завода, поскольку экономический эффект может дать лишь работа всего предприятия.

Во-вторых, необходимо строгое законодательное определение «па-

раметров» делимой и неделимой частей государственной собственности (федеральной, региональной, муниципальной и т.д.) и их физического содержания.

Неделимую часть определяет только принцип крайней необходимости: лишь жизненно важные для функций государства, региона и т.д. отрасли или объекты должны относиться к ней (например, в сфере федеральной неделимой собственности могут оставаться топливно-энергетический комплекс, военная промышленность, железнодорожный транспорт и т.п.). В делимую часть следует отнести всю собственность, активно используемую в хозяйственной деятельности: землю, природные ресурсы, недвижимость, промышленные предприятия и прочее.

Все это можно сделать в течение полугода. Большой, но вполне обозримый срок потребуется для осуществления следующего шага, а имен-

но: создание условий вторичного распределения собственности, доведение ее до конкретного владельца, способного на ее основе организовать наиболее эффективное производство, т.е. формирование нормальной структуры рыночной экономики.

В чем же практический смысл такого распределения собственности? В том, что каждый из «первичных» собственников (иными словами, каждый из нас) получает возможность иметь дивиденды от владения государственной собственностью. А саму ее необходимо предоставить в хозяйственное распоряжение ЛЮБОМУ ВЛАДЕЛЬЦУ, который заплатит за это право максимальную цену и, значит, будет использовать ее с максимальным эффектом.

Причем речь не идет о безвозвратном отчуждении, например, части российской территории в пользу частного владельца, иностранного или отечественного: в мире давно

установилась практика продажи земли на срок до 99 лет. Фактически за реальную мировую цену предоставляется лишь право распоряжаться собственностью, при сохранении государством контроля за законностью любой деятельности и сбора причитающихся налогов.

Заметим, кстати, что, продавая собственность иностранным покупателям, государство обеспечит приток (и колоссальный) твердой валюты. А со «своего», российского бизнесмена оно может получать 10—20 процентов реальной стоимости продаваемого, оформив на остальное долгосрочный кредит под залог покупаемой собственности.

Предположим, что именные акции гражданам вручены, каждый из 150 миллионов жителей России стал владельцем своей доли ее богатств — но кто и как обеспечит им те самые дивиденды, ради которых государство отказалось от собственности?

Здесь мы подошли к ключевому моменту предлагаемой перестройки российской экономики. Можно сказать, что вся страна становится единым АКЦИОНЕРНЫМ ОБЩЕСТВОМ ЗАКРЫТОГО ТИПА, где акционеры — каждый ее гражданин. И следующим логическим шагом видится создание финансового инструмента, который позволил бы не только управлять всей совокупной долей национального богатства, переданного в распоряжение гражданам страны, не только получить денежное выражение от проданной части собственности, но сохранить и приумножить ее стоимость, оптимально — это холдинг, включающий крупный расчетный центр — Банк, так и назовем все вместе, например, «Холдинг».

Прототипом «Банка» может служить Сбербанк, имеющий отделения по всей стране, — чем не база для нового мощного финансового органа? А поскольку мы ввели в оборот огромную собственность, имеющую твердый валютный эквивалент, то неизбежно надо будет — совместно с Центробанком, в рамках инфляционной политики — вводить новую ТВЕРДУЮ КРЕДИТНУЮ И РАСЧЕТНУЮ ЕДИНИЦУ (например, многократно поминаемый экономистами «червонец»), обеспеченную собственностью «Холдинга»: недвижимостью, землей, природными ресурсами и т.д.

Сделав такие шаги, мы, наконец, приступим к передаче собственности в руки НЕПОСРЕДСТВЕННОГО ВЛАДЕЛЬЦА, который и будет использовать ее, так сказать, практически, производя материальные ценности. Здесь более всего подходят открытые аукционы Госкомимущества, на которые будет выставлена собственность «Холдинга». Глав-

ное условие продаж — полное отсутствие каких-либо льгот для покупателей. Побеждает сильнейший, как и должно быть в борьбе за собственность. И еще один существенный момент: все виды платежей в процессе этого перехода собственности, уже к окончательному владельцу, должны происходить только через конвертируемую валюту.

Чего мы в итоге достигаем? Мы сформируем «конечного собственника», т.е. фактического хозяина, создадим условия для эффективного обращения капитала и реально обеспечим всем гражданам социальные гарантии в виде дивидендов от их доли национального богатства. Ведь результаты аукционной продажи собственности, проведение здоровой кредитной политики «Банка» позволят определить реальный доход «Холдинга», а значит, и денежное выражение той самой личной доли собственности. Доход же «Холдинга» распределяется среди всех акционеров — включая вновь родившихся граждан России — равными долями.

Но велика ли, собственно говоря, эта доля?

Самый краткий экскурс в политическую экономию показывает, что страна обладает 17 млн кв. км общей площади земли и населением порядка 150 млн человек. А кроме того, она обладает огромными природными ресурсами, недвижимостью и современной (например, ракетно-космической) промышленностью. При равной стоимости 1 кв. м земли за 1 доллар, с учетом сказанного легко подсчитать, что нераспределенная часть «общенародной» собственности составит приблизительно 100 000 долларов на человека. Если взять за норму принятый в мировой практике доход до 10% от вложенного в банк капитала, то получается, что каждый акционер «Холдинга» (иными словами, каждый россиянин) может получать ежегодно до 10 000 долларов дохода.

Разумеется, доход, гарантирующий каждому социальную уверенность, не означает всеобщую уравниловку, которую провозглашало социалистическое государство. Напротив, предложенная структура экономики дает все возможности самым энергичным и предприимчивым людям стать полноправными владельцами собственности и зарабатывать столько, сколько они смогут. Так же, как нормальная заработная плата гарантирована тем, кто предпочитает оставаться наемными работниками на эффективно действующих предприятиях, выкупленных новыми собственниками, или работниками в государственных сферах деятельности.

Самое же основное — завершенная экономическая и политическая ре-

форма, проведенная не «революционным» путем, а по естественным законам истории, позволит разрешить внутренние проблемы, которые сегодня выглядят тупиковыми, избежать социальных потрясений, которыми нас ежечасно пугают. Наконец, наша экономика окажется совместимой с мировой: в центре ее будет собственность, будет человек, чья свобода ограничена только демократически построенным законодательством, а не смиренной рубашкой «социалистической законности».

Можно предвидеть, что предлагаемая схема приватизации подвигнет многих западных предпринимателей покупать собственность в России, делать многомиллионные инвестиции в нашу экономику. Например, если учесть, что внешний российский долг сейчас — порядка 50 миллиардов долларов, то немало кредитодателей предпочтут в качестве погашения долга приобрести собственность в России на выгодных для обеих сторон условиях. А значит, только на банковском обслуживании этого процесса мы сможем получить очень приличные валютные доходы...

Понятно, что в журнальном изложении все выглядит весьма схематично. Но более подробная, поэтапная разработка предложенных действий тоже сделана. Исходя, конечно, из того, что все ветви власти, прекратив надоевшее людям перетягивание каната, поймут, что общенациональной идеей сегодня может стать именно создание нового государства, где каждый гражданин реально владеет равной долей национального достояния, доставшейся ему по праву рождения в этой стране. Законов мирового развития все равно не обмануть, и перedel собственности неизбежен. Но он может оказаться либо причиной очередных потрясений и питательной средой для преступности и коррупции в невиданных масштабах, либо движущей силой на пути к такому общественному устройству, при котором человек чувствует себя социально защищенным и уверенным в своем будущем.

Предварительный анализ программы, проделанный под руководством Олега Доброчеева, показывает, что на «восприятие» российским обществом предлагаемой концепции потребуется около двух лет — таков «традиционный» срок его реакции на новые идеи. А на практическую ее реализацию и получение ощутимых результатов — еще три года. Если, опять же, нынешние власти поймут, что «национальное примирение» достигается не подписанием бесчисленных протоколов и раздачей амнистий, а рождением объединяющих идей. Поймут и начнут действовать.

Нина ДОРОХОВА

ЖИЗНЬ БЫЛА СЛАЩЕ...

Вид фабрики в 1905 г.

А начиналось все традиционно. Адольф Сиу, скромный сотрудник одной из французских парфюмерных фирм, в поисках счастья прибыл в Россию и скоро достиг здесь положения директора-распорядителя. Однако молодой человек, не лишенный тщеславия и предприимчивости, мечтал завести собственное дело, да не какое-нибудь, а сложнейшее из сложных — кондитерское производство.

24 ноября 1855 года в доме Варгина на Тверской Адольф Сиу с женой открывают кондитерскую, а при ней, в подвальном этаже — крошечную мастерскую с одним мастером и одним учеником. Это было началом торгово-промышленной фирмы «А.Сиу и К^о», воспитавшей с годами целую плеяду высококлассных специалистов-кондитеров.

Первый день работы кондитерской дал прекрасный результат: в кассе насчитали 122 рубля. Правда, следующий день принес разочарование и плачевный доход в 3 рубля с копейками, но начинающие коммерсанты не унывали. За несколько лет, почти из ничего, без всякой посторонней помощи, Сиу создал эффективное, прибыльное предприятие.

Так шли годы... И вот уже взрослые инициативные сыновья посоветовали

В далеком 1905 году догадливые служащие московской кондитерской фабрики «Сиу и К^о» по случаю 50-летнего юбилея фирмы преподнесли хозяевам памятный адрес-альбом с выразительным названием «Что вам сделано...».

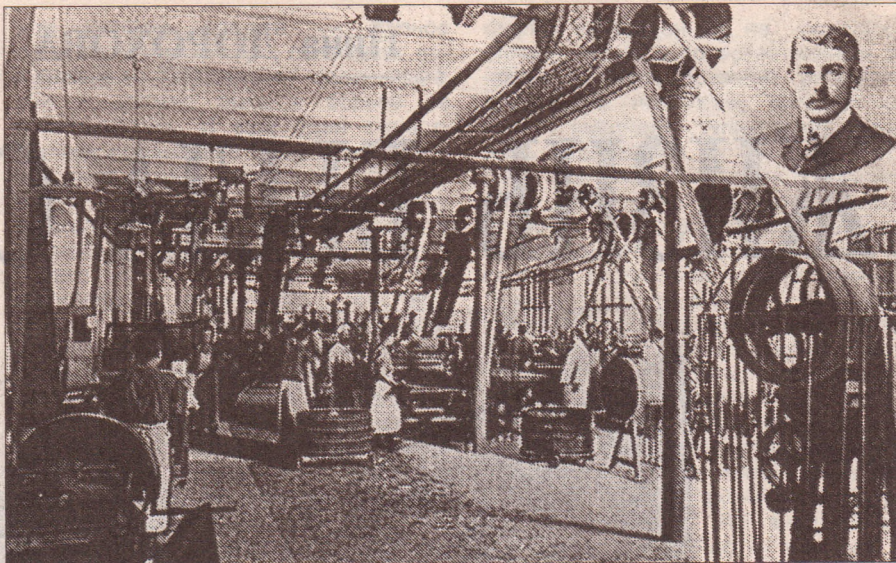
По счастью, этот раритет сохранился, и я хочу пригласить вас, полистав альбом, совершить небольшое, но приятное путешествие во времени: познакомиться с «вкусным» производством известнейшей когда-то всей России кондитерской фабрики, «пройти» по ее цехам, кладовым, мастерским, «посетить» фирменные магазины и кофейни, взглянуть в лица владельцев и служащих фирмы. Есть ли более честный и беспристрастный свидетель, чем старая фотография?

отцу расширить производство, построив большую фабрику с самым современным оборудованием (благо средства к тому времени имелись). Отец уступил их просьбам, но по слабости здоровья отказался от участия в деле.

Но для того, чтобы осуществить столь грандиозный проект, необходимо было изучить мировой опыт и конъюнктуру, и средний сын Шарль отправился в деловое турне по Европе и Америке.

В 1881 году сыновья Адольфа Сиу — Луи, Шарль и Адольф — основывают Торговый дом «А.Сиу и К^о». По желанию отца в состав правления фирмы включили и двоюродного брата Арманда Юльевича Сиу, много лет участвовавшего в деле, — он был бухгалтером. Решение имело самые благоприятные последствия; более строгого охранителя финансовых интересов фирмы было не сыскать. Именно Арманду Сиу Торговый дом был в первую очередь обязан своим процветанием.

Для новой фабрики в прекрасной дачной местности близ Петровского парка приобрели большой участок земли, разработку же проекта поручили талантливому архитектору Оскару Дидо, и в 1884 году строительство главного корпуса было заверше-

Общий вид
бисквитного отделения

но. Его здание из красного кирпича поражало размерами и изяществом фасада, а парадная лестница со скульптурными светильниками, фонтан и цветочные клумбы во дворе довершали впечатляющую картину. Фабрика и в самом деле вышла образцовая: светлые просторные цеха с новейшими оборудованием и технологиями, высокая по тем временам степень механизации производства, четкая и слаженная работа персонала.

Фабрика Сиу имела множество отделений, одно название которых звучит как музыка для гурманов: карамельное, мармеладное, пастильное, конфетное, какао, бисквитное, вафельное, пряничное, варения, мороженого, пирожного, монпасье, саффо, нуги, драже.

«Святая святых» предприятия — шоколадная мастерская — представляла собой громадный зал с невероятным количеством машин. Цех был предметом особой гордости фирмы, ведь именно Сиу первыми в России начали выработку шоколада, а позже долгое время, в жестокой конкурентной борьбе с другими крупнейшими московскими кондитерами Эйнемом, Абрикосовым и братьями Ленковыми, держали первое место в его производстве, приобретая для российского шоколада в Индии и Южной Америке какао-бобы только высших сортов.

Здесь же готовили сейчас, к сожалению, забытый шоколад на гущенном молоке в виде теста в герметично закупоренных «жестянках», что было очень удобно для путешест-

венников, получивших возможность выпить в дороге чашку вкусного и питательного напитка.

Удовлетворял вкусы самых требовательных клиентов и выпускаемый на фабрике Сиу кофе, «сырье» для которого (лучших, естественно, сортов — «Мокко», «Цейлонский», «Менадо», «Каракас») покупали на главных рынках Европы.

Карамельное отделение вырабатывало в день 250 пудов (или 875 тысяч штук) разнообразной карамели, приготовленной на фруктовых и ягодных соках, с начинкой из варенья, кремов и пралине.

В бисквитной мастерской ручной труд был полностью заменен машинным, а роль мастера ограничивалась наблюдением за техникой и точным соблюдением технологии — ведь искусство выпечки бисквита, основы для тортов и пирожных, всегда считалось вершиной кондитерского мастерства.

Вафельное отделение выпекало невероятное количество хрустящих вафельных листочков с кофейной, шоколадной, ванилевой и фруктовыми начинками.

Разнообразие же конфет — от нуги, изготовлявшейся из сахара, белков, муки, миндаля и фисташек, до драже с ликером и мятных пастилок — просто не поддается описанию. К этому следует добавить еще и торты, пирожные, медовые пряники, мороженое с десертом. А кроме того, пригласили иногда на фабрику и парижских мастеров, удивлявших москвичей антреями, петифурами, бриошами, а также пьесс-монте (ей-богу, не знаю,

что это такое!).

Помимо основных производств существовал целый ряд вспомогательных служб: огромные погреба для складирования запасов яблочного мармелада и пастилы, в которых постоянно поддерживалась одна и та же температура, подвалы с искусственным льдом для охлаждения шоколада, а также кузнечная, столярная, механическая, каретная мастерские, столовые для персонала, больница, транспортное хозяйство, как гужевое, так и автомобильное. В обширных кладовых высились коробки с готовой продукцией, а многочисленный штат служащих взвешивал, считал, проверял, сортировал, упаковывал и рассылал «сладкий» товар во все концы России.

Имела компания и собственную, весьма широкую сеть розничной торговли, заведовал которой младший из братьев — Адольф. Главный магазин фирмы располагался на Тверской. Торговля здесь (как, впрочем, и в других магазинах Сиу — на Ильинке, Арбате, Петербургском шоссе) шла превосходно. Да и могло ли быть иначе? Стоит только взглянуть на фотографии этих магазинов — красивые, светлые, с полками, ломящимися от изобилия сладостей, и приветливо улыбающимися барышнями-продавицами в строгих черных платьях.

Если же покупателям хотелось «чего-нибудь эдакого», особенного, скажем, именного пирога или свадебного торта, они могли сделать прямо в магазине индивидуальный заказ, который выполняли с неверо-

Розничный кондитерский магазин

Кофейная

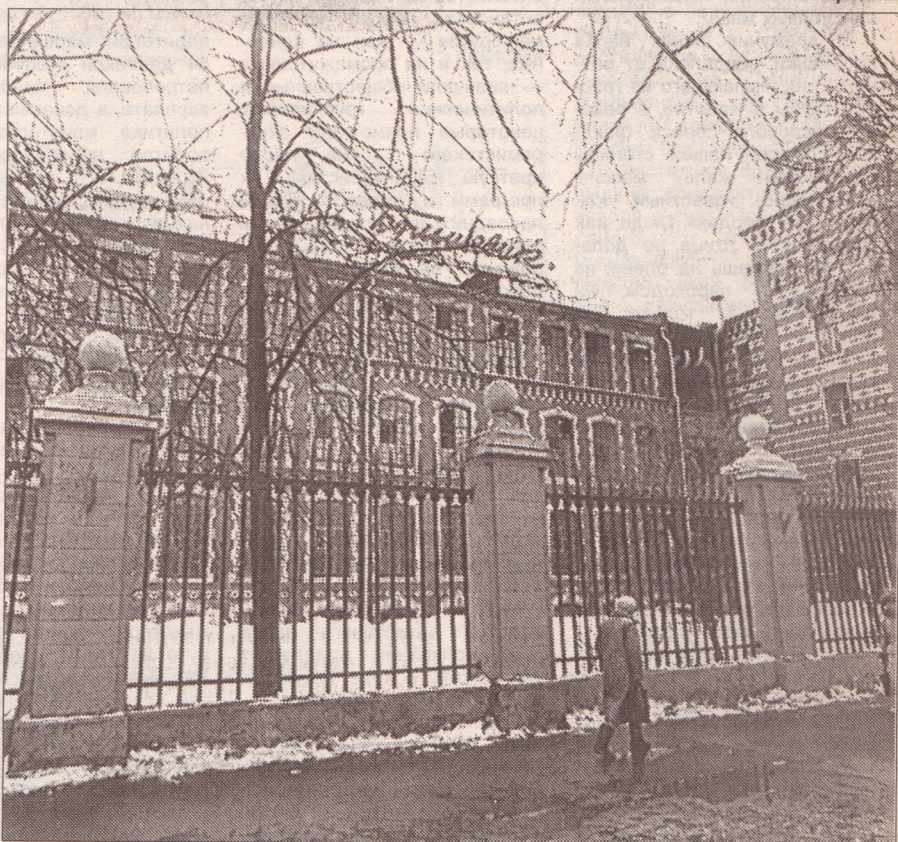
ятной быстротой и специальным автомобильным фургоном фирмы доставляли заказчику на дом прямо к праздничному столу.

Мечтой каждого видного коммерсанта в те годы было иметь свою торговлю на Кузнецком мосту, посещаемом самой богатой и изысканной публикой. Не желали отставать и наши кондитерские фабриканты, открыв поначалу небольшой магазинчик сладостей в знаменитом пассаже Солодовникова. Вскоре успех предприятия заставил искать более обширное помещение. Выбор пал на пассаж Дзамгарова.

Этот магазин решили сделать «визитной карточкой» фирмы «Сиу и К^о», а потому планы и рисунки интерьеров заказали в Париже, исполнение перестройки и оформления поручили лучшим мастерам Москвы. Тогда же пришла мысль устроить в соседнем зале, отделенном от магазина изящной декоративной перегородкой, маленькую кофейню «Tea-room», которая, как сообщает летописец фирмы, «ежедневно посещалась самой избранной публикой, имеющей место, где можно было отдохнуть от суеты большого города, выпить чашечку горячего шоколада, полакомиться маленьким сэндвичем».

Но рамки Москвы становились тесными для фирмы — жизнь настоятельно требовала расширения рынков сбыта. И Сиу открывают, помимо розничной, еще и оптовую торговлю. Наплыв провинциальных покупателей был столь велик, что маленькая конторка на Тверской не могла вместить всех желающих, а потому оптовую торговлю перенесли в самое сердце московского коммерческого мира — на Ильинку.

Хотя первенство в борьбе за покупателя обеспечивалось прежде всего высочайшим качеством товара, Торговый дом имел и большую армию

Бывшая «Сиу», ныне — кондитерская фабрика «Большевик»

вояжеров, которых рассылал по всей европейской и азиатской России. В крупных же городах Империи — Петербурге, Киеве, Варшаве, Одессе — фирма имела свои постоянные представительства, склады товаров и магазины, расположенные на главных улицах и пользующиеся самой лестной репутацией.

Ежегодно в июле и августе Сиу посылали свои товары на Ирбитскую и Нижегородскую ярмарки, где заключали крупнейшие сделки не только с коммерсантами из самых отдаленных

краев России, но даже с фирмами Китая и Персии, приобретая прочную репутацию солидного и надежного партнера.

Дальнейшая судьба фабрики Сиу тоже вполне традиционна: национализированная, она существует и поныне под названием «Большевик», ее красные корпуса можно увидеть, проезжая по Ленинградскому проспекту.

Недавно здесь прошла приватизация... Хотя, видно, из «Большевика» опять сделать «Сиу». Получится ли? ■

В ЛЮБЛИНО ЗРЕЕТ АНТИПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ ЗАГОВОР

(Донесение очевидца и доброжелателя)

Уважаемый мэр Лужков и возглавляемые Вами компетентные и некомпетентные органы! Спешу довести до вашего сведения чрезвычайно важные сведения о подготовке в муниципальном округе «Люблино» антиправительственного выступления с участием широких трудящихся и пенсионных масс.

В дремучих лесах парка Кузьминки, невдалеке от вечного огня, пылающего из газовой трубы в Капотне, в районе массового сброса фекалий со всей нашей столицы расположен жилой массив, всенародно известный как «Военный городок». Сюда, как говорится, и птица не долетит, не доедешь на олене, на собаке, ни пароходом, ни самолетом. А только городским автобусом маршрутов 242 или 54 от станции метро «Текстильщики». Однако по зловещему плану, разработанному в недрах то ли масонов, то ли ЦРУ, то ли чеченской или колумбийской мафии, автобусы ходят настолько редко и нерегулярно, что вызывают бунт несознательных элементов, пользующихся этими маршрутами и попавших на удочку противников прогресса и согласия.

Раннее утро. Еще не опала листва, не стаяли снега, не проснулись рыбки в пруду и птички в лесу. А на автобусной остановке уже толпа. Автобуса нет.

Солнечный пасмурный день. Кипят трудовые будни, страна строит капитализм в одной отдельно взятой стране. Только жители и гости м/о «Люблино» стоят нестройными рядами на автобусной остановке.

Вечер. В Курске небось поют соловьи, в Париже уютно манят кафе, влюбленные парочки нежно сидят, прижавшись друг к другу, у телевизоров за просмотром государственных и частных телекомпаний. И лишь население «Люблино» по-прежнему стоит на остановке, высматривая автобус.

Автобус не идет. Враг не дремлет. И только в пол-

ночь-за полночь, может быть, и приходит долгожданный транспорт, да вот беда: уснули пассажиры прямо на остановке под сиянье луны и безразличных далеких звезд.

Продолжается такое протестное выступление народа против родного московского правительства на первый год. На остановках 242-го и 54-го маршрутов — как на конечных, так и на промежуточных — возникли общественные и политические группировки, некоторые прямо-таки экстремистского толка. Даю краткую характеристику их программ и лидеров. Среди последних не только агенты влияния мирового зла, но и вожаки, выдвинутые самой революционной массой в процессе ожидания общественного транспорта.

Группу пенсионеров-ветеранов возглавляет отставной полковник. Его программа состоит из артиллерийской подготовки (корректировку огня он берет на себя сам) и дальнейшего захвата автобусного парка с последующим судом над водителями и диспетчерами на автобусном кольце «улица Головачева». Руководство автобусного парка этот полковник предлагает уничтожить в ходе операции, чтобы спасти от линчевания.

Еще более экстремистские взгляды высказывает мужчина в пуховой куртке, надетой на голое тело. Один глаз у него красный, другой — коричневый. Его программа: всех членов московского правительства, похожих на евреев и кавказцев, убить и ограбить. Тех же, что похожи на славянина, ограбить и просто побить. В подтверждение своих намерений сей атаман демонстрирует оружие русских революционеров прошлого — кистень.

Отдельной группой выступают на автобусных остановках мужчины в шляпах и женщины в очках. Они уверяют, что автобусы не ходят оттого, что полковник и красно-кареглазый своими призывами и видом устарили

Битва при Автобусной Остановке

водителей маршрутов 242 и 54 до такой степени, что те потребовали прибавку к зарплате, а денег нет, так как политика монетаризма проводится непоследовательно. Идеальным вдохновителем этой группы является женщина (партийная кличка Аспирант-рыночник). С мини-компьютером в руках она доказывает, что в случае победы реформаторов каждый россиянин получит собственный автомобиль и нужда в автобусах отпадет исторически.

Ее с удовольствием слушают, но мало кто ей верит. Широкие круги рабочих, служащих, представителей малого бизнеса (большой проезжает мимо на уже личных автомобилях) и пенсионеры со школьниками готовы к более радикальным действиям. Некоторые рвутся на маршруте 242 и 54 добраться до Индийского океана и помыть там сапоги, испачканные в слякоти на автобусной остановке.

Несколько лиц южных народностей предлагают пассажирам скинуться и набрать для них миллион долларов. За эти деньги они обещают похитить руководителей общественного транспорта и держать их заложниками неопределенно долгое время, т.е. до появления на линии хоть одного автобуса. Предложение не принято по причине отсутствия денег, а то все бы уехали на такси.

Соседка одного из депутатов Думы (то ли городской, то ли государственной — уточняется) предлагает ввести процесс в цивилизованное русло: немедленно провести выборы водителей и автобусов из среды пасса-

жиров. Ее предложение тоже не проходит: во-первых, никто не желает баллотироваться в автобусы, во-вторых, в выборы и выборных уже никто не верит.

...Тем временем на дороге наконец появляется долгожданный автобус, на переднем стекле у которого обозначено: 242, а сбоку — 54. Наш великодушный народ, за исключением кареглазого в пуховике, готов простить правительство и даже на Первое мая нести его портреты туда-сюда. Однако... Автобус проезжает мимо — смена, видимо, то ли еще не началась, то ли уже закончилась. Правда, бензин налогоплательщиков все равно сгорает, а вместе с ним уходят в дым надежды на мирный исход противостояния: пассажиры — власть.

В результате вышеизложенного считаю необходимым прислать в м/о «Люблино», по маршруту автобусов 242 и 54, несколько танков. Одно из двух: либо они развезут пассажиров куда там надо, либо все своей мощью установят демократию и порядок.

Гонорар за данное донесение прошу перечислить семьям членов правительства, rasterзанных на автобусных остановках маршрутов 242 и 54.

**Доброжелатель
(псевдоним)**

P.S. Прошу организовать на остановках автобуса телеграфные пункты, чтобы послать супруге и близким текст: «Не доехал благополучно».

ГИТЛЕР ДЕНЕГ НЕ ПРИНЕС

Издательский центр «Алетейя» известен в Перми и за ее пределами во многом благодаря тому, что в прошлом году выпустил под своей эгидой трехтомное сочинение «Адольф Гитлер». Предполагалось, что удачно реализованные «гитлеры» пополнят издательскую кассу и поднимут планку имиджа. Однако получилось шиворот-навыворот.

После того как выяснилось, что сотрудникам «Алетейи» нечем выдавать зарплату, издатели изобрели новую единицу валюты — «гитлеры». И зарплату выдают теперь в «гитлерах». Стоит подсчитать, сколько же нужно ежемесячных «гитлеров», если трехтомник на московском книжном рынке стоит примерно 10 тысяч?..

Ю.БЕЛИКОВ

ГИМНАЗИСТЫ — ВПЕРЕД!

В городе Заинске неплохо заботятся о безопасности учащихся. Взяли и перекрыли движение по улице, на которую выходит фасад татарс-

кой гимназии. Только вот непонятливые граждане стали выражать недоумение: чем это гимназисты лучше других ребят, чьи школы также находятся на оживленных магистралях? В ответ они услышали, что, мол, незачем педалировать национальную тему.

К. ГЕОРГИЕВ

НА СОБАКЕ ДАЛЕКО НЕ УЕДЕШЬ

Езда на собачьей упряжке — зрелище, привычное для Севера, — в наших средних широтах видоизменилось до запяженного в санки пса Бобика, катающего сообразительного сорванца.

Э.РЫЛОВА

Каждому — свое

Рис. В. Чумачева

ГОНИ ЗАРПЛАТУ ИЗ АППАРАТА

Трехтысячный коллектив А/О «Миассэлектроаппарат» Челябинской области с ноября прошлого года не получает зарплату деньгами. Рабочим в счет зарплаты предлагают товары народного потребления. Кризис неплатежей привел к тому, что потребители продукции этого А/О также расплачиваются за нее своей продукцией, т.е. идет бартер.

На днях по бартеру с Петропавловского завода тяжелого машиностроения из Казахстана была получена партия комплектов, включающих в себя скороварку и пятилитровую приставку-дистиллятор. В инструкции сказано, что дистиллятор предназначен для приготовления в домашних условиях крепких спиртных напитков.

В настоящее время начата выдача комплектов рабочим завода в счет зарплаты. Цена самогонного аппарата промышленного изготовления гораздо ниже среднерыночной — 45 тысяч рублей. Новинка пользуется у заводчан повышенным спросом.

В.ЗОЛОТУХИН

ОЧЕНЬ ЛИЧНОЕ МНЕНИЕ

На съемках, на гастролях театра мне часто приходится бывать за границей — как в ближнем зарубежье, так и дальнем. И еще нигде я не встречал такой потери национального достоинства, как в России. Каждый народ даже в трудные дни своей истории (в том же ближнем зарубежье, например) находит все-таки в себе неоспоримые ценности, из которых создает фундамент для дальнейшего развития. А разве нам нечем гордиться? Неужели в нашем прошлом, в наших традициях и менталитете нет ничего, что могло бы сохраниться и развиваться впредь не только для нашей пользы, но и для всей человеческой цивилизации?..

Потеря национального достоинства не в том, разумеется, заключается, что мало у

Андрей БОЛТНЕВ

ВЗОЙДИ НА ФУДЗИЯМУ ОДИН РАЗ

нас людоедов-нацистов. Дело в другом. В том, что мы хотим быть лишь каждый сам по себе, как бы забывая, что ты еще принадлежишь к великой нации и несешь ответственность за все ее взлеты и падения.

Нас не любят за рубежом. И не всегда несправедливо. Так ведь мы и сами себя не любим, в нашей же стране. Кто плюет в лифте дома, в котором сам же живет? Кто зачитывается иностранными поделками, так и не одолев

«Войну и мир» Л.Толстого — великую книгу, оцененную во всем мире? Кто готов заезжому прощелыге и алкашу продать по дешевке то, что принадлежит всем соотечественникам? Кто засоряет наш прекрасный язык — достоиние и гордость всего человечества — полуграмотным англизированным волапуком?..

Не буду дальше перечислять. Всяк сам найдет в себе то, от чего надо немедленно избавляться. Весь мир, каже-

тся, озабочен нашими проблемами. только мы сами, похоже, не волнуемся.

Чваниться, разумеется, не надо. Я радуюсь, что родился русским, но это не мешает мне любить Париж и Дели, Нью-Йорк и Токио. Кстати сказать, у японцев есть традиция: тот, кто любит свою страну, должен обязательно взойти на священную гору Фудзияму. Однако сходить с ума даже от любви к родине — незачем. Тот же японский народ об этом говорит так: «Кто ни разу не восходил на Фудзияму, тот не японец. А кто восходил на нее дважды, тот дурак».

Будем любить свою родину, сохраняя наши достоинства и избавляясь от недостатков. И все будет хорошо, я уверен.

Елена АВЕРИНА

Фото В. Шишова

...И БУДКА, И МИСКА, И В ЖЕЛУДКЕ СОСИСКА

Екатерина
Георгиевна
Волкова
со своими
подопечными

В коридор вбежала свора разнокалиберных собак. Они принялись лаять, приставать с объятиями и поцелуями, а самая резвая, молодая белая сучка с розовым носом, не давала развязать шнурки и поздороваться с высоким худым старцем. Старец стал разгонять собак деревянной ложкой и что-то скал, но собаки были громче.

Лай, вой и другие собачьи звуки разносятся на несколько этажей вверх и вниз от «частного приюта», давая понять, что там, внутри, кипит беспокойная жизнь, мало кого из соседей оставляя равнодушным. Одни видят в собаках, поднимающих тарарам из-за каждого шороха в подъезде, свою защиту. Другие готовы задушить их своими руками, и иногда делают это, но все-таки руками чужими. А вы, наверное, думали, что собачьи приюты — это теплые и пахнущие сеном вольерчики где-нибудь в экологически чистой деревне... Как это ни удивительно, но единственное подобное заведение в нашей стране находится в далеком городе Братске — настоящий приют для бездомных животных, деньги на содержание которого дает мэрия. Братский приют стал таким уникальным явлением по удачному стечению обстоятельств, по очень субъективной причине. Ну и пусть, главное, что он счастливое исключение, а может быть, в дальнейшем — эталон и пример другим.

Гордым именем «частный приют» сейчас зовутся обычные квартиры в обычных, в нашем случае, москов-

ских домах. Традиционно считается, что бездомных собак подбирают пожилые неимущие люди. Таких большинство.

Профессор Бауманского университета, о котором много раз писали газеты. Подбирает сырых и убогих собак, приводит к себе домой, лечит и пытается всех накормить. После каждой публикации или передачи о профессорском хобби добросердечные граждане подбрасывают ему под дверь новых щенков.

Пенсионерка, на глазах у которой в Киеве во время войны расстреляли всю семью. Долго подбирала всех встречных собак, но перестаралась: идеальный вариант — когда «бродяжек» с улицы выхаживают, подлечивают и отдают кому-нибудь. А она только брала и брала, а отдавать никому не получалось, и собак в квартире скопилось слишком много. Ей взломали дверь, скрутили руки и увезли всех собак по печально известному всем «собачникам» адресу. Женщина кинулась следом. Навстречу ей вышел полупьяный ловец, который, протягивая окровавленные руки, сказал: «Вот твои собаки».

Другая женщина собиралась пове-

ситься из-за того, что соседи «наступали» на ее собак в милицию (якобы вонь из квартиры разнеслась так далеко, что достигла другого подъезда) и приехал участковый вместе с бравыми ловцами. Участковый кинулся вынимать самоубийцу из петли, но от волнения так переусердствовал, что второпях даже придушил ее. В конце концов, женщину спасли, ее «аргумент» подействовал, собак оставили хозяйке.

Екатерина Георгиевна Волкова закончила иняз, училась во Франции и долго работала за границей. С восьмидесяти шестого года она ведет совершенно фантастическую и странную для женщин ее круга жизнь. Как вы, наверное, уже догадались, жизнь ее связана с бездомными больными собаками. Эта светская дама организовала группу «Приют».

Екатерина Волкова: «Я люблю собак, но в разумных пределах, я не нянька какая-нибудь. Но когда больной пес на улице смотрит на меня ТАКИМИ глазами, я понимаю, что сейчас я уйду, а он погибнет. Конечно, я не всех подряд тащу к себе домой, потому что я думаю, как к этому относятся соседи и мои старые родители, которым и так очень трудно. Но я всегда потом вспоминаю, что могла спасти собаку и не спасла».

Все это очень утомительно, хочется остановиться и передохнуть, но остановиться невозможно. Я уже друзей всех растеряла, они не понимают такого образа жизни.

В «Приют» часто звонят, говорят,

что где-то лежит раненая собака. Недавно крупному псу на «Рижской» гребенкой эскалатора раздробило лапы. И вот он, весь в крови, лежал в метро. Милиционеры забинтовали ему лапы, кстати, они потом звонили, беспокоились об этой собаке. Я погрузила пса на тележку и повезла в «собачий Склиф» — ветеринарную клинику на улице Россолимо. Давно уже, после того как мы привезли туда только третью собаку, ветеринары поняли, что мы подбираем бездомных. И они делают нашим собакам бесплатные операции. А вы знаете, сколько сейчас стоят ветеринарные операции? Осмотр и пункция стоят шестьдесят пять тысяч, а всего-навсего купирование ушей — сто пятьдесят.

Я как-то привозила к ним собаку, которой дети выкололи глаз, и ветеринары с Россолимо ее прооперировали, хотя это и дорого, и долго. Мы очень им благодарны».

Да, ветеринарные услуги нынче дороже, чем прием у «человеческого» стоматолога. Некоторые хозяева вдруг обнаруживают, что собаку им иметь не по карману, и с животным поступают просто — выкидывают на улицу. Нередко у таких «замечательных» хозяев породистые суки рожают беспородных щенков: в основном из-за того, что собаку повели гулять в определенный период ее жизни, не потрудившись надеть поводок. Потом месячных щенков, которых не удалось продать, ящиками оставляют на Птичьем рынке. Конечно, собакам весьма повезет, если они попадут в «частный приют», а не на крючки и удавки к ловцам, а впоследствии — на шалки и придорожные шашлыки.

В некоторых случаях много собак в частном приюте — это хорошо. Наверняка никакой вор и грабитель в эту квартиру не сунется. И в соседние вряд ли рискнет. Хотя новые правила содержания кошек и собак в городе Москве гласят, что хозяева должны предотвращать лай собак — дома и во время прогулок — с восьми утра и после десяти часов вечера. Так что собакам придется защищать хозяев молча.

В приютах обычно держат определенное количество собак, которые постоянно меняются. Удастся пристроить в хорошие руки одних — появляются другие.

У Екатерины Волковой сейчас живут восемь собак. Самая красивая и породистая — боксер Кеша. Жизнь Кеши началась было довольно удачно: его купил израильский посол. Но вскоре отдал на усыпление, поскольку кишечник Кеши был изъеден глистами и щенок медленно, но верно умирал. Екатерина Георгиевна его вытаскала с того света, и сейчас очень хочет найти хозяев Кешиной матушки,

которые поставили свою суку «на поток», заставляют ее постоянно рожать, но при этом совершенно не заботятся о ее здоровье. Согласитесь, что раз в полгода избавить собаку от глистов отнимет не так уж много средств и времени.

Кеша платит новой хозяйке трогательной любовью и тихо ревнует ее к остальным собакам. Поскольку хвоста у него нет, а чувства выражать как-то надо, Кеша кокетливо виляет бедрами.

Белая Даша — бывшая калека, кто-то ударил ее ножом, причем так сильно, что разбил тазовую кость. Но на Даше все зажило «как на собаке». Сейчас она явный лидер среди приютских собак. Она сроднилась с приютом и не собираается оттуда никуда уходить. Ее даже нельзя отвезти на так называемое «устройство» — к другим хозяевам то есть. Даша прячется под диван и отказывается выходить.

Рустик — низенький и неказистый черный песик. У него были сломаны обе передние лапы.

В отдельной (от остальных собак) комнате живет старая и толстая Маркиза. Эту мадам нельзя нервировать, потому что у нее сердечная недостаточность, она каждый день принимает кучу лекарств. Маркиза — «бывшая лайка». Сейчас признаки этой породы проявлены в Маркизе очень слабо — так изменила ее болезнь и удары судьбы. Маркиза любит положить кому-нибудь голову на колени и смотреть тоскливыми зелеными глазами, безмолвно жалуясь на жизнь. Видимо, ее последний хозяин был таким же старым и большим.

Недавно во время операции умерла маленькая полуболонка. В свое время ее хозяином был старичок, потом он умер, а ее выбросили. Полтора года она жила на улице. В конце концов у нее выросла огромная опухоль, которая занимала чуть ли не половину собачки.

Дворняжки, скажете вы. Ну и что, те же собаки, ничем не хуже остальных. В Польше вон каждый год проходят выставки беспородных собак, которые собирают зрителей больше, чем выставки каких-нибудь «роскошных итальянцев».

Время от времени группа «Приют» показывает по телевизору портреты собак — с кратким описанием их безупречных, конечно же, характеров. После этого зрители собак «со свистом» разбирают. (Даже для старой толстой Маркизы нашлась новая хозяйка.) Люди, как известно, охотнее берут какую-то конкретную собаку — пусть даже она насквозь больная, без глаза или лапы, — но почему-то не догадываются поехать и взять животное из ветлечебницы на улице Юнатов, где каждый день усыпляют несчастных собак и перепуганных кошек.

Некоторые воспринимают передачи очень странно: загораются мыслью подкинуть «Приюту» своих собак. Как-то раз позвонила некая истеричная гражданка и сообщила, что, если не заберут ее тибетского терьера, она спустит с него шкуру.

В общем, дураков много. Среди самих защитников и друзей брошенных животных преобладают сторонники двух крайностей: одни, как уже было сказано, готовы подобрать всех бездомных собак, накормить их и обогреть. Другие считают, что лучшая помощь бродячему животному — безболезненная и легкая кончина (так одна «подруга животных» не может спокойно пройти мимо какого-нибудь уличного щенка — сразу хватает и тащит усыплять, поскольку иначе «он будет страдать и мучиться»).

У сторонников умерщвления теперь появились союзники в лице правительства Москвы. Постановлением № 810 от 24 августа 1993 года «функции по отлову безнадзорных животных» возложены на префектуры. Раньше этим никто толком не занимался.

«Гуманного» же и безболезненного умерщвления бродячих животных у нас отродясь не было и вряд ли когда-нибудь будет. Ловцами, как известно, идут работать люди с садистскими наклонностями, которым приятно животное перед смертью помучить. Недаром отловы происходят на рассвете, когда вокруг нет свидетелей.

Конечно, смешно говорить о соблюдении Декларации прав животных (принятой еще в 1978 году), когда у нас Декларация прав человека не соблюдается.

Екатерина Волкова: «Если бы правительство думало не об отлове и «использовании» бездомных животных, а о приютах для них, всем — и людям, и собакам — было бы от этого только лучше. Если бы нормальные муниципальные приюты были хотя бы в каждом районе Москвы! И, разумеется, просто необходим закон, защищающий животных».

Безусловно, нужны и приюты, и закон, потому что чем, чем собаки хуже нас? Точно так же все понимают, только сказать ничего не могут. Не могут рассказать, как пострадали и натерпелись и что судьба каждой из них не менее печальна, чем история Белого Бима. Но над книжкой о Биме все рыдают, а мимо их душераздирающих взглядов проходят мимо. Пожалейте их, что ли!

Дмитрий БЕЛОВ

ТРОЙКА, «ВИЗИТКА», ТУЗ

Каждый из нас, хотя бы раз в жизни, играл в карты. Для одних карты — способ «убить время», для других — «наркотик», позволяющий забыть переживания или расслабиться после тяжелой работы, для третьих — вариант общения с друзьями. Есть карточные игры, которые дают достаточно пищи для ума, чтобы не быть названными пустым времяпрепровождением. Бридж, к примеру, вообще игра для избранных.

О роли карт в нашей жизни можно говорить долго, хотя бы потому, что в них играют все — от президентов до заключенных. Вряд ли хорошо известно, что даже визитная карточка, без которой уже трудно себе представить деловое общение, обязана картам своим рождением: в старину во Франции после игры партнеры обменивались адресами, записывая их прямо на «рубашках» карт.

Сегодня играть в карты никто и нигде (или почти нигде) не запрещает. А ведь еще недавно преферансисты, обнаруженные «на месте преступления» оперотрядом в ходе очередной облавы в студенческой общаге, могли запросто вылететь из института.

Впрочем, и это еще цветочки по сравнению с теми гонениями, которым подвергались картежники на Руси в средние века. Еще в Уложении 1649 года без особых премудростей предписывалось беспощадно искоренять карточную игру. Через сто с небольшим лет в Указе от 1761 года картежникам уже делается скидка: игра разрешается, но только в знатных дворянских домах и «на самые малые суммы денег». Чуть позже выходит запрет на выплату всех карточных долгов. Его авторы сами понимали смехотворность всеобщего табу на выплату проигрыша, иначе бы не сделали оговорку, что «отцы и матери детей неотделенных платить за них долгов карточных неповинны».

При Александре I «запрещенная игра картежная» признана за «благовидную отрасль открытого грабительства», виновных в котором надо было всего-навсего брать под стражу и «отсылать к суду». Но и здесь для картежников была, мягко говоря, лазейка — ведь согласно Уставу Благочиния запрещались лишь игры, «основанные единственно на случае или азарте». Соответственно, игры делились на две группы: запрещенные «азартные» и разрешенные «коммерческие».

К концу прошлого столетия стало окончательно ясно, что бороться с картами — дело абсолютно бесперспективное. Стали выходить многочисленные справочники по коммерческим играм (ныне активно переиздаваемые), вовсю заработала индустрия по производству игральных карт — прибыльное для казны дело, если учесть, что ввоз карт из-за границы был запрещен. В одном только хрестоматийном 1913 году в России было продано более 10 миллионов колод (по одной на каждого мужчину-горожанина, считая грудных младенцев и немощных стариков) на сумму свыше 5 миллионов тех еще рублей.

В Советском же Союзе, как написано в весьма серьезном источнике — Большой Советской Энциклопедии (2-е издание), карточная игра не прижилась. Читаем: «В настоящее время карточная игра... имеет распространение только в капиталистических странах». Видимо,

не случайно эти строки появились в БСЭ в начале 50-х, в разгар послевоенных репрессий. Ведь еще Чехов писал, что карты являются единственным духовным наслаждением в местах заключения.

Именно у уголовников достигло своего расцвета шулерское искусство, сопровождающее карточные игры уже много веков. Как писал в очерке «Жульническая кровь» В.Шаламов, не понаслышке знакомый с лагерями, умение играть в карты входит в «рыцарский кодекс» блатного мира. При этом каждый блатной игрок в той или иной мере шулер. Оно и понятно — необходимо уметь не дать себя обмануть, если понадобится — вывести противника на чистую воду. Иначе просто не выжить, ведь игра подчас идет и на одежду, и на еду. В определенном смысле игру в лагере можно было назвать искусным исполнением шулерских приемов под взаимным контролем.

Из утверждения, что все уголовники в той или иной мере шулера, ни в коем случае не следует обратное: «все шулера — уголовники». Напротив, человека, живущего на доходы от карточного мошенничества, правоохранительным органам бывает трудно не то чтобы привлечь к уголовной ответственности, но даже и просто «вычислить». Поэтому не думайте, что если у вашего случайного партнера по игре нет на руках наколок, то он обязательно окажется честным игроком. Вспомните лучше чуть наивно

звучащее сегодня четверостишие, написанное поэтом еще в прошлом веке:

*Страсть к картам в игроке и день, и ночь
кипит,
Для денег честь свою игрок продаст и
купит,
Иной на вид так добр и простяком
глядит,
А сядьте в карты с ним, как липку вас
облупит.*

Лично меня «облупили» в скором поезде «Баку—Тбилиси» в те еще «незапамятные» времена, когда проигранные двадцать пять рублей были деньгами. Впрочем, сегодня, оглядываясь назад, должен признать, что весь разыгранный четырьмя шулерами спектакль (со сценами «неподдельного» удивления при «везении» и дрожащими от «волнения» руками), да к тому же для единственного зрителя-участника, стоил этих денег сам по себе, не говоря уже о плате за преподанный урок.

Собственный опыт, а также имеющаяся информация о других подобных случаях дают мне моральное право встать в «менторскую» позу, а если серьезно — просто поделиться с вами некоторыми наблюдениями, которые, надеюсь, могут послужить своего рода практическим пособием. Быть может, перед тем как приняться за игру с незнакомыми людьми, вы вспомните эти заметки и в последний момент сумеете избежать неприятностей.

Сразу скажем, что экзотические шулерские приемы, заимствованные скорее из арсенала фокусника, нынче редкость. Вот живи вы в веке этак XVII, вы могли бы стать жертвой каких-нибудь там вольфасов (подменные карты при помощи длинных манжет) или чего подобного. Сегодня все проще. Самый расхожий инструмент практикующего шулера — крапленые (меченые) карты. Их подготовка — целое искусство, в тонкости которого мы не будем вдаваться. Отметим только, что благодаря некоторым нехитрым приемам запомнить, где какая карта, намного легче, чем может показаться на первый взгляд. Если в простейших играх (типа «дурака»), где слишком многое зависит от случая, знания карт других игроков или прикупа может быть недостаточно для успеха, то в играх серьезных (бридж, преферанс и пр.) оно наверняка обеспечит выигрыш.

Кстати, опытный шулер запоминает карты в любой колоде. Исключение составляют только новые, неиспользуемые карты; в тех же, что были в употреблении, для наметанного глаза любая несет на себе печать ин-

дивидуальности. Известен случай, когда Н. — шулер с большим стажем, возвращаясь с курорта, где протекла его «трудовые будни», на отдых в Москву, решил скоротать время и согласился расписать пульку с двумя студентами, ехавшими с ним в одном купе. Особо не напрягаясь, Н. проиграл 30 вистов и был немало удивлен, когда с него потребовали 30 рублей. «Мы же договаривались по первому номеру» (вист — копейка), — возмутился он. «У нас принято, что вист — рубль», — нагло заявили студенты (цены, понятно, «застойные»). Не на шутку рассердившийся Н. деньги отдал, но предложил сыграть еще. К этому времени он уже чисто машинально запомнил почти все карты в порядке потрепанной колоды. При чужой раздаче он просто знал, что у кого на руках, а при своей имел приятный выбор: сдать себе крупную игру или же «ввести в искушение» одного из противников, сдав ему карты как бы для хорошей игры (от которой трудно отказаться), но с «дырой». (Это уже «высший пилотаж», но повторим, что речь идет о шулере экстра-класса). В итоге молодые люди были жестоко наказаны: проигранная ими, в конечном итоге, сумма была куда больше их первого выигрыша.

Из вышесказанного следует простой вывод: при игре с незнакомыми людьми необходимое (но, разумеется, недостаточное) условие — новая колода. Еще в начале века такой совет был бы излишним: игра бывшими в употреблении картами категорически воспрещалась в клубах и других «общественных и частных учреждениях», а все правила карточных игр начинались со слов: колоду для игры распечатывают, тасуют, дают снять и т.д.

Еще один шулерский прием имеет ласковое название «маячок». Для него необходимы согласованные действия как минимум двух шулеров. Суть этого вида мошенничества довольно точно отражена в его наименовании: с помощью на первый взгляд ничего не значащих слов или (если «жертва» заподозрит неладное и попросит партнеров, скажем, не говорить то и дело о погоде) специальных знаков происходит обмен информацией об имеющихся на руках картах. Каждый из мошенников составляет представление о картах «жертвы», в результате чего та обречена.

«Маячок» — частый гость курортов. Типичный пример: первые дни у моря, вы лежите на пляже, выделяясь белизной кожи среди других отдыхающих. С вами заговаривает о чем-то малозначащем загорающий поблизости человек. Слово за слово, и вот уже чисто случайно выясняется, что

вы оба обожаете играть в карты. Встает вопрос о партнере (одном или нескольких) — ведь вас только двое. Поискав глазами, вы сами «вычисляете» откровенно скучающего мужчину, ну очень интеллигентного вида (не «клонете» сами — поможет новый знакомый). Для пущей убедительности вас могут даже попросить принести свою колоду. Скорее всего, первую игру вы выиграете, после чего вам почти наверняка предложат значительно увеличить ставки. При этом перед вами могут разыграть целое театрализованное представление. Один из мошенников может «не уметь» играть в ту или иную игру, или же, что чаще встречается, он «умел, но забыл». Ваша бдительность притупляется, и через некоторое время вы, предварительно поставив на кон все старательно накопленные для отпуска деньги, должны выбрать, какую сумму впоследствии просить по телефону у родственников: чтобы хватило только на поезд или еще и на несколько дней курортной жизни.

Еще один на первый взгляд самый примитивный способ мошенничества — подглядывание («он в чужих картах так и ночует»). Действительно, если шулер не пользуется при этом вспомогательными средствами, то он достигнет цели лишь в том случае, когда «жертва» совсем неопытна — не держит карты что называется «к орденам», т.е. прижимая к груди, сидит перед зеркалом или стеклом или играет в хорошо отражающих карты очках. Применение российскими шулерами специальных зеркальных перстней, имеющих хождение на Западе, пока скорее исключение, чем правило.

Разновидностью крапленых карт можно считать заранее подготовленную колоду — шулерский прием, рассчитанный совсем уже на «дурачка» и применяемый чаще всего в электричках: вошли, обыграли и вышли на следующей остановке.

Ну и, наконец, хотя и говорят, что «карты хмель любят» и «карты вино братья», не стоит испытывать судьбу и много пить, играя с незнакомыми людьми, даже если вы опытный игрок. А то ведь может быть и так, что вам поменяют плюс на минус при подсчете очков...

Короче говоря: «Знал бы, что в прикупе, был бы в Сочи».

МАМУЛЯ, УВЯНЬ!

Вспоминаю я частенько такую вещь: когда мне было лет эдак от двенадцати до шестнадцати, ходила я по разным надобностям в детскую поликлинику — то на прививку, то «закосить» от школы денюшка на три, выпросив справку («ну о-очень голова боли-ит!»)... И ходила я туда, подчеркиваю, уже с нежных двенадцати лет одна, самостоятельно. И видела я там мальчиков, своих сверстников. Мальчики были только с мамами. Причем картинка завсегда была такая: по коридору из кабинета в кабинет мечется мама с «историей болезни» дитяти, а сынок с сонным взглядом, лениво шаркая ножками 42-го размера, плетется вслед за мамочкой... Как я, девчонка, презирала их всех, как стыдно мне было за этих мальчишек!

Годы шли, детки росли-росли и выросли. Стали жениться и выходить замуж. Материальные проблемы вставали перед молодыми семьями во весь свой могучий рост — их надо было как-то разрешать. Но на пути истинно мужского порыва очень многих молодых мужей — учиться в вузе вечером, а днем работать или продолжать учиться, а вечерами и ночами подрабатывать — грудью встали мамы. «Вот, женился, и она тебе учиться не дает!», «Смерти ты моей хочешь!», «Я тебя растила, кормила, всю жизнь на тебя работала, а ты...» Не дали наши мамули совершить своим сыновьям первый в жизни мужской поступок. А мальчишечки послушались, сонно и лениво похлопали глазенками и обреченно развели ручонками: мамуля плачет, нельзя огорчать мамулю.

Кто ж скажет, что матери хотят своим детям только добра. Но вот чем это «добро» оборачивается... Они упорно лепят из своих сыновей именно то, что уже имеют рядом в виде мужей, которых упрекают всю жизнь за леность, трусость, за неспособность принимать решения и обеспечить семью. А чем им, бедным, в преклонные годы может помочь такой очередной немужчина — сын? Разве это опора? И кого же упрекать, когда тридцатилетний переросток все с тем же ленивым и сонным взглядом бесконечно «стреляет» деньги из небольшой пенсии и, конечно же, никогда долга не отдает, а на все причитания и замечания раздраженно цедит сквозь зубы: «Мамуля, увянь!»

Сейчас я уже совсем не презираю вас, бедные мамы, мне вас безумно жаль, потому что, на самом деле, жизнь вас никогда не баловала, и все лучшее вы действительно отдавали детям, искренне веря, что когда-нибудь вы будете гордиться ими, что ваша старость будет согрета любовью, теплом и споконьем... Хотя все то, что произойдет, легко угадывалось тогда, много лет назад, когда вы носились с пятнадцатилетними сыночками, как с младенцами. Грустно это. Я хотела бы пожелать

моему поколению мам не совершать той же ошибки. Есть в этом и мой большой интерес: у меня растет дочь, и я хочу, чтобы, когда она вырастет, ее окружали настоящие мужчины, а не мальчики с сонным взглядом.

P.S. Недавно узнала, что в других странах, оказывается, тоже есть, как и у нас, организации, занимающиеся защитой прав призывников, только создают эти организации не солдатские матери, а... сами призывники. Они сами отстаивают свои права, честь и достоинство, а не зовут на помощь мамочку.

Санкт-Петербург

А.РУДИНА

АХ, ЭТО «ФАЙН»!

Приехали в Москву два американских туриста — муж и жена, очень преклонного возраста. И что-то с ними случилось неприятное: то ли отравились чем, то ли заразились, придумывать не хочу, ибо это — реальная история, а я доподлинно диагноза не знаю. Но не в этом суть... Итак, оказались эти туристы в одной знаменитой московской больнице, причем в отделении интенсивной терапии, под капельницами. Но в полном сознании. И вот чем поразили они персонал отделения: когда бы к ним ни подошли врач или медсестра, эти старички всегда находили в себе силы улыбнуться, а на вопрос о самочувствии непременно отвечали: «Файн! Сэнк ю!» — «Прекрасно, спасибо!» Это они-то — «прекрасно»?!

Но с этим, к счастью, ничего уже нельзя поделать. У американцев это, видимо, в генах, они впитывают с молоком матери или с молочной смесью, что никому до твоих проблем нет дела, у всех своих хватает, что стыдно и неприлично скучить и жаловаться на жизнь, что правило номер один хорошего тона — это улыбаться людям, а на распросы о делах и самочувствии всегда отвечать: «Прекрасно! Спасибо!» Многие же из нас с вами полагают, что мрачная физиономия — признак ума и серьезности, а улыбка — глупости и безделья. Что жаловаться на жизнь — просто необходимо для собственного здоровья (это называется «поделиться»), и вообще: мрачность — норма жизни.

Вы скажете: так ведь жизнь такая, отнюдь не солнечная. Господа, а кто делает эту жизнь? Дядя? Супрефект? Президент? Чувь — мы сами ее и творим такую, множа наши проблемы и дурное настроение бесконечными рассказами о них всем встречным и поперечным, портя жизнь тем, кому, может, и не так уж плохо... Мы портим свою и чужую энергетику, если хотите, засоряем атмосферу на нашей земле злобой и тоской. Вы думаете, это не сказывается на всеобщем здоровье, работе, даже погоде! Ах, как вы ошибаетесь! Ибо мы, хотим этого или нет, находимся в постоянном контакте с матушкой-природой, являясь частью ее, причем, увя, не лучшей частью.

Похоже, американцы (да и не только они) этим своим «файном» иногда помогают себе выкрутиться из неприятно-

стей, а также справляться с болезнями. Потому что улыбка сама по себе, даже с сугубо материалистической точки зрения, вызывает в организме человека процессы, способные увеличивать силы для борьбы с болезнями. А уж как улыбка влияет на окружающих людей и, соответственно, на атмосферу в обществе, я думаю, и говорить не стоит. Так где же голова, а где — хвост? Что от чего? «Файн» и улыбка от хорошей жизни или хорошая жизнь от «файна» и улыбки?..

Недавно по телевидению показывали американку, временно живущую и работающую в Москве. Так ей, представьте, слегка надоела эта «неискренность» (вечный «файн») ее соотечественников и нравится наша «откровенность». Правда, при этом, приходя домой, она часто плачет... Но — нравится, и все тут. Имеет право, конечно, но я сильно подозреваю, что чувства эти у нее от спокойной уверенности в том, что в любой момент она сможет сесть в самолет и улететь в Страну Неискренних Улыбок из Страны Искренней Мрачности. А поскольку у нас с вами такой возможности нет, то я только хочу пожелать всем нам, чтобы как можно скорее каждый из нас, если он, конечно, склонен к мазохизму, мог сказать: «Надоело мне эти улыбающиеся физиономии! Поеду-ка я в какую-нибудь зарубежную тмударакань искать «искренних» и «открытых» нытиков и хамов. А то ску-учно мне, ну-удно...»

...А те старички-туристы выздоровели, все с ними в порядке. Они уехали домой. С улыбкой...

Е.КЛИМ

Москва

ГДЕ НАХОДИТСЯ ХРАМ?

Есть, безусловно, много людей, кто искренне поверил в Бога или хочет поверить; кто строит Храм в своей душе и ищет церковь, так сказать, «внешнюю», где хорошо думается, а молитва, кажется, идет прямо к Нему.

К Богу приходят по-разному. В современной России, увя (а быть может, и не увя), чаще уже будучи взрослым и отнюдь не в лучшие периоды жизни: болезнь, несчастье, стресс поворачивают нас к Богу. И что же происходит? Душа рвется к молитве — а молиться-то мы не умеем. Ноги сами идут в церковь — а как там себя вести, мы не знаем, мы испуганы и растеряны, а если еще какая-нибудь злобная старуха зашипит: «Нехристь!», то совсем отчаяние берет... Да что говорить: перекреститься перед иконой стесняемся, рука точно свинцом наливается!

Нет, сколько ни ставь свечки, сколько ни слушай службы на непонятном старославянском языке — легче не становится. Бежишь, задыхаясь от собственных пугающих мыслей, страхов, изматывающих сомнений, затыкаешь уши от собственного крика и чуть не падаешь на пороге церкви в полной уверенности, что здесь ты найдешь успокоение, — и все напрасно. Сто раз проверенный безнадежный путь.

Фото Ю.Шукина

Но самое печальное, что человек в такой ситуации начинает винить себя и думает: это конец — дорога к Богу для него закрыта, раз в церкви он чужак! Есть ли выход? Я думаю, что да. Действительно, нам, взрослым людям, видимо, трудно уже научиться всему этому и не удастся преодолеть какие-то комплексы. Даст Бог, дети наши вырастут другими. Ну а для нас... Кто сказал, что Богу непременно нужны наши коленопреклоненные челобитья и осенения себя крестным знамением? Сядем в свое любимое кресло, удобно сядем, закроем глаза (ведь не обязательно смотреть при этом на потолок) — и будем молиться. И, наверное, не обязательно «Отче наш», а можно своей собственной молитвой, в которой, конечно, не молясь о прибавке жалованья, а прежде всего, как мне кажется, наши размышления, ибо, рискну предположить, что Богу интересны не наши нужды, а наши мысли. Когда это станет привычкой, такое занятие может сделать человека философом, что само по себе интересно и для души весьма полезно.

Наш дом — наш Храм. Пусть нам будет удобно, комфортно, спокойно. Истинно верующему ясно, что Бог пребывает с ним всегда и везде, а не только в стенах церкви.

Так где же находится Храм? Да там, где мы захотим. Только надо захотеть! И молиться. Но не забывая слова американского мыслителя Дж. Сантаяны: «Смысл молитвы — в готовности получить отказ». Я думаю, речь идет об отказе в немедленном удовлетворении наших нужд. Так давайте учиться размышлять, обращаясь к Богу...

А.КНЯЗЬКОВ

Владимир

ПУСТЬ БУДЕТ ТАК

В статье «О жидомасонском заговоре Голливуда и великой российской духовности» («Столица», № 3, 1994) Сергей Лаврентьев пишет: «Авторское кино мертво. (...) И не нужно искусственно поддерживать жизнь в бездыханном теле». А еще он пишет: «Не верьте революционЭрам!», то есть тем, кто «поднимает

знамя защиты национального киноискусства... Они хотят спасти не национальное кино вообще, но АВТОРСКОЕ национальное кино».

Кстати, сам С.Лаврентьев выступает здесь в роли некоего «революционЭра» духа, эпатирует помаленьку. И потому перегибает палку. Это нормально.

Но, тем не менее, несмотря на приговор Лаврентьева, авторское кино вовсе не умерло. Искусство — не наука. И не техника. Дух не умирает, он лишь расширяет свои границы. То, что прожило век, проживет и другой, и третий, и далее везде. Выживет и авторское кино — куда ж ему деться?

А спасти авторское кино надо. Говорить и кричать об этом на каждом углу. Нет, конечно, запрещать указом раздражающие интеллигенцию и кажущиеся ей бездуховными проявления культуры не стоит — это уж явно без толку. А кричать надо. Просто потому, что кому-то авторское кино в кайф. Потому что спрос на него все же есть и будет.

Атмосфера-то ведь душная. Интеллектуальную книгу сейчас купить трудно — не издают: дорого и не нужно. Интеллектуальный фильм тоже не так просто найти в кинотеатрах — вон и Лаврентьев не пускает, возражая против интеллекта со страшной силой.

А раньше, между прочим, никто подобных фильмы и не навязывал. В Москве для «авторских» картин существовало всего три кинотеатра — «Рекорд», «Встреча» и «Киев». Только там и шли «Скорбное бесчувствие» и «Перемена участи» (а вовсе не везде, как по Лаврентьеву) — тут я голову даю на отсечение. А «Храни меня, мой талисман» — да, шел, но ведь наверняка потому, что предыдущий фильм того же режиссера, «Полеты во сне и наяву», имел определенный коммерческий успех. И рекламировали «Талисман» как «кинодраму с участием Олега Янковского, Татьяны Друбич и Александра Абдулова» (прокат тогда вполне нормально соображал, и, кстати, в провинциях никто народ «бесчувствиями» не мучил).

Теперь же (сейчас я уже триюзмы начну тут выдавать) кругом идут плохие американские фильмы, а наших вообще нет. «Окно в Париж», о котором пишет Лаврентьев, — крайне редкий пример. Да, фильм шел, и как он шел! Божь мой, как удивительно реагировал зал, превращая просмотр в какой-то хепенинг единения, — я смотрел в «Художественном». Нет, еще шли замечательные коммерческие ленты В.Сергеева — «Палач» и «Гений». Хорошо шли. «Анкор! Еще анкор!» П.Тодоровского тоже шел. Лишь прокатились по стране «Небеса обетованные» Э.Рязанова, почти догнав американских «Пляжных девочек». И все.

А вот лучшая картина В.Сергеева «Странные мужчины Семеновны Екатерины» не шла нигде (хоть и зрительская!). А интересные, талантливые триллеры и мелодрамы неизвестных режиссеров («Призрак» Н.Орлова, «Час оборотня» И.Шевченко, «Когда мы умрем» В.Москаленко, «Номер люкс для генерала с девочкой» А.Александрова, «Женщина для всех» А.Матешко, «Меченые» В.Сорокина) тоже оказались где-то вне проката.

Зато везде и всюду идет редкий по огроменности вал дерьма — как амери-

канского, так (в меньшем количестве) и нашего.

Это говорит только об одном — о крайней, чудовищной несбалансированности духовной ситуации вообще. Да, мне тоже безумно жаль, что революционЭры и иже с ними не знают и не хотят знать наше коммерческое кино. Но мне жаль и нормальных московских интеллектуалов (не киношников) — тех, что именуются эстетствующими снобами, — забывших о том, что такое кинотеатры. Мне жаль и более нормальных (по Лаврентьеву) людей, не видящих хорошие наши и американские триллеры и боевики на большом экране.

Так что, по-моему, народ «послушал, почитал, посмотрел и прекратил ходить в кино» (цитата из С.Лаврентьева) не потому, что там «посетители музеев» разгуливают (кстати, именно фильм «Посетитель музея», приведенный Лаврентьевым в пример, уже вообще нигде не шел, хотя его-то как раз только на экране и можно смотреть), а просто потому, что не показывают приличных картин. А может, потому, что мало российских? (А может, просто цены на билеты дорогие?)

Уж кинотеатр в Москве типа «Иллюзиона» некоммерческого (хотя бы один) надо б создать. И показывать там в первую очередь не «С Новым годом, Москва!», а «Счастливые дни», «Пустыню», «Мать» Г.Панфилова, «Рой», «Макаров» и «Патриотическую комедию», «Дюбу-дюбу», «Духов день», «Острые мертвых»... а заодно и классные российские боевики и мелодрамы. Я специально назвал общепризнанные ленты. А сколько непризнанных! Я б, ей-богу, особый указ ввел для режиссеров — всем пытаться показать свой фильм в таком кинотеатре, а то сидят себе тихо и в ус не дуют, это только Соловьев шустры! И не торжественные одноразовые премьеры надо в этом кинотеатре устраивать, а крутить фильмы потоком, но с хорошей рекламой. И бюллетень бы нормальный с фильмографиями, обязательный для всех профессионалов (а то ведь ежемесячник «Новые фильмы» освещает лишь 20—40% выходящих картин, да и то — кто его читает?). Тогда, может, и не пришлось бы критиком, отвечая на вопрос «Лучший фильм года», судорожно припоминать нечто приличное, виденное в последний месяц. И не пришлось бы выдавать талоны на право раздачи «Ник» только избранной кинотусовке никому не ведомых «лучших людей от кино».

И последнее — не худо бы побольше ретроспектив западных элитарных фильмов, но не таких убогих, на которые напоролся Лаврентьев, а получше — ведь есть кино там, на Западе, есть.

Наверно, то, о чем я тут размечтался, кажется утопией. Но ведь не такой уж неосуществимой? И неужели не подписался бы под моим предложением столь заядлый киноман и, если хотите, подвижник и организатор подобных вещей (примером является его кино клуб «Как в зеркале», ежемесячно проводимый в Доме кино), как Сергей Лаврентьев?

Александр ШПАГИН

Москва

Людмила МЕДВЕДЕВА

ТРИ КИЛОМЕТРА ТАЙН

Телесериалы любят не только у нас. К Пасхе западный зритель с нетерпением ожидает появления на малом экране многосерийного фильма «Ура-патриоты», снятого по мотивам шпионского романа «Постель львов» известного английского писателя Кэна Фолле. Сценарий написал сам автор, изменив, согласно требованиям момента, место действия. Если в оригинальном произведении речь шла об афганских событиях, о борьбе против русских вообще и против КГБ в частности, то место действия телефильма — современная Армения.

Сериалу прочат успех уже потому, что имя автора широко известно читающей публике, которая увлекается триллерами, сочинениями о разведке и контрразведке. «Шпионская» литература привлекает не только рядового любителя историй о тайных агентах, но и интеллектуалов, и представителей избранных слоев общества (вот уже несколько десятилетий) темой двойной игры, разведки и контрразведки», — пишет итальянский критик Серджо Пероца в статье, посвященной выходу в Италии романа Элизабет Боуэн «Хит дня». Действие книги разворачивается в период второй мировой войны, и одним из главных героев является подозреваемый в шпионаже скромный министерский служащий Роберт.

Теперь же, после открытия архивов, любители шпионских страстей получили отменную дополнительную пищу. Из «ящиков» вот уже несколько месяцев одну за другой вытягивают занятные рассказы и любопытные сведения. Например, о том, что история шпионских служб Великобритании неразрывно связана с историей самой империи. Что и несколько столетий назад государственные чиновники рассылали по всему свету осведомителей, вербуя их среди бродяг, богомольцев, цыган. Что и в те далекие времена умели подкупить

Шпионская тема в английской литературе стала особенно популярной после того, как в прошлом году Англия наконец-то решила снять запрет с некоторых документов, хранящихся в архивах Ее Величества и касающихся деятельности секретных служб. Правда, были «открыты» только те бумаги, которые касаются периода от 1791 до 1906 года. И обыватель узнал, что английская разведка и контрразведка — чуть ли не самые старые в Европе. Что Англия наводняла секретными агентами и свой, и другие континенты еще в XV веке. «Родина писателя Ле Карре хранит слишком много тайн, — писали западные газеты. — Если поставить рядышком все ставшие теперь доступными секретные папки, они образуют линию длиной в три километра. Три километра тайн, о которых до сих пор практически ничего не знали ни историки, ни общественность, или двадцать четыре ящика, к которым не притрагивались много десятков лет!»

кого угодно — и деньгами, и подарками. Диапазон этих последних был особенно велик — от коробки чая до... индийского слона. Один такой «подарочный» слон был закуплен в 1903 году в Бомбее и отправлен затем в Аддис-Абебу как подарок эфиопскому монарху, чтобы он в период назревавшего тогда на Африканском континенте политического кризиса «вел себя хорошо». И много иного, не менее интересного.

Хотя многие западные историки считают, что, если бы англичане открыли еще несколько ящиков, возможно, прояснилось бы и кое-что более близкое к нашему времени. Например, зачем летал в Шотландию в самый разгар второй мировой войны Рудольф Гесс и с кем он встречался. Или — правда ли, что знаменитое покушение на Гитлера осуществлялось с помощью английского оружия? Документы, касающиеся этих событий, «закрыты» соответственно до 2010 и 2020 года. ...Очевидно, можно было бы узнать кое-что и о том, какие переговоры вели английские представители с лидерами югославских усташей, куда эти последние вывезли югославское золото, действительно ли Ватикан помогал настроенным пронацистски усташам избежать справедливого возмездия... Все эти попытки, как подозревают сегодняшние историки, могли предприниматься ради внедрения спасенных усташей в послевоенную Югославию.

Не только факты, но и многие документы, письма становятся теперь достоянием гласности. Например, такое: «Мой крольчонок, вспомни, как мы были счастливы в нашем гнездышке во Флоренции!» Это писал во время второй мировой войны один агент-гомосексуалист другому — того же «цвета». Что и свидетельствует старый принцип вербовки сотрудников среди бродяг, мошенников, сомнительных личностей современная

Кристофер Марло

Джон
Ле Карре

английская разведка свято соблюдает...

Все из тех же 24 ящичков явилась на свет и некая Тереза Хилтон, проходившая под кличкой Томми. Красавица шпионка, вариант Маты Хари, орудовала в Европе в период первой мировой войны. Кто знает, может быть, история Терезы еще станет поводом для написания романов или создания интереснейших фильмов!

И, конечно же, выплывает на свет кое-что, касающееся вербовки агенты среди журналистской братии. Например, документы об истории договора, заключенного в 1894 году П.Ю. Рейтером. У него не было денег, и в «ящичках» хранится по этому поводу некое письмо. Рейтер спрашивает у английского правительства 500 фунтов стерлингов в обмен на «конфиденциальные» сообщения, которые сотрудники его агентства могут переписать соответствующим службам. Договор о секретном сотрудничестве был заключен, но, увы, расторгнут всего через четыре года, потому что, как мы бы сейчас сказали, корреспонденты агентства «такого наработали»... Иными словами, их сообщения слишком часто были игрой богатой журналистской фантазии и не соответствовали настоящему положению дел.

А вот агенты-писатели к своей работе в аппарате разведки относились куда как серьезней. Кто знает, может быть, именно поэтому имена многих получили всемирную известность.

Первым английским литератором,

работавшим на тайные службы, считается драматург Кристофер Марло, по одной из версий, убитый в таверне во время драки в 1593 году. Было ему тогда 29 лет. Марло, автор пьесы «Тамерлан», служил тайным агентом Ее Величества королевы Елизаветы и разворачивал свою шпионскую деятельность против протестантов. Именно они и спровоцировали драку, закончившуюся столь трагически.

Нет никаких сомнений в том, что и знаменитый Даниель Дефо был шпионом, хотя прямых доказательств тому не так уж много. Считают, что завербовал Дефо в 1704 году королевский министр Роберт Херли, который освободил из тюрьмы отца Даниеля, взяв с любящего сына обязательство, что тот будет его тайным агентом и информатором.

Плодовитый Сомерсет Моэм оставил после себя лишь несколько рассказов на шпионскую тему. Однако об агентурной работе знал не понаслышке. В своих мемуарах хвастался, будто однажды получил секретное задание съездить в Петербург и убедить Керенского в том, что Россия не должна выходить из войны.

Разочарованным в жизни — и в своей шпионской работе — был всемирно известный тайный агент и писатель Грэм Грин. Одним из памятных для него заданий оказалась командировка в Нигерию. Хотя за время своего пребывания в этой стране он все-то выяснил, на каком судне отправился в Европу некий важный шпион, но по возвращении в Лондон получил

повышение по службе и был отправлен в Португалию, где под его контролем находилась вся местная агентурная сеть. И где он познакомился с не менее знаменитым Филби... И все же, судя по всему, служба в разведке не доставляла Грину особой радости. Он выместил свое разочарование на страницах романа «Наш человек в Гаване». Роман был опубликован в 1958 году и оказался в некотором смысле пророческим — автор предугадал Карибский кризис, который и разразился четыре года спустя...

Шпионская деятельность Яна Флеминга была не менее интересной, чем приключения его детища — Джеймса Бонда. В 1933 году Флеминг, работавший тогда в агентстве Рейтер, был послан в качестве сотрудника корпункта в Москву. Кроме корреспонденций направлял в Англию и секретные рапорты. В 1939 году директор военно-морской разведки адмирал Годфри взял его на службу в свое ведомство. Во время второй мировой войны, будучи сотрудником этого «департамента», Флеминг снова попадает в Москву — под «крышей» военного корреспондента. Наверно, именно в это время он услышал колкое слово «Смерш». И назвал им могущественную и страшную организацию, с которой Джеймс Бонд будет потом бороться на протяжении нескольких романов.

Затем Флеминг попадает в Вашингтон, где участвует в похищении японского шифровальщика. Глава службы стратегической разведки

Приключения **П**и Фантастика

Автор «Робинзона Крузо» сочинял не только романы, но и проекты об организации всеобъемлющей шпионской сети для борьбы с врагами Англии. Образцом такой борьбы в наши дни стал агент 007

отделении М-15 — это служба безопасности, потом — в М-16, служба разведки. Но никогда и никому не стану рассказывать, какие конкретно задания выполнял. Не имею права делать это!» — твердо заявил Джон Ле Карре, крупнейший английский прозаик, автор нескольких популярнейших современных шпионских романов, начиная со знаменитого «Шпион, который приходит с холода».

О его причастности к разведке говорили давно, да он и сам не отрицал, что сотрудничал с тайными службами. А теперь заявил открыто: да, был агентом, да еще с лицензией на убийство, совсем как знаменитый 007.

Ле Карре дал пространное интервью газете «Гардиан» в связи с выходом в свет его новой книги. Упомянув о «лицензии на убийство», поспешно добавил: «Этим правом не воспользовался ни разу, вообще не применял на практике усвоенные мною уроки стрельбы. Не люблю насилия — я человек незлобный».

Как и во всех других романах Ле Карре, в его новой книге тоже описан мир шпионских страстей, секретных дел. «Да, я продолжаю писать о том, что знаю, рассказываю обо всем на

основании собственного опыта, приобретенного за долгие годы работы в секретных службах. Многие в моих романах — чистая фантазия. Да, я придумал, будто наши секретные службы занимаются подпольной торговлей оружием или что наши агенты во всех странах мира подкупают нужных людей — деньгами и подарками. Конечно, все это — выдумка. И в то же время все это — правда».

О чем знают теперь не только тайные агенты. Особенно после того, как были рассекречены двадцать четыре ящика.

которая позже была преобразована в ЦРУ, подарил англичанину именную кольт — это оружие будет фигурировать в одном из романов о Джеймсе Бонде. А после этого Ян Флеминг попадает в Канаду, где проходит специальные курсы шпионской подготовки и подводного плавания... Все очень пригодится ему потом — когда он будет описывать подвиги своего героя. Однако в отличие от Джеймса Бонда Флеминг везде демонстрировал свое упорное нежелание проливать кровь противника. А поэтому, как свидетельствуют документы, так никогда и не получил «лицензию на убийство».

Неизвестно, как повели бы себя сегодня упомянутые знаменитости в связи с тем, что англичане открыли часть секретных архивов. Ведь в этих ящиках могут быть и касающиеся их документы. Увы, и суперагенты тоже смертны. А те, что живы...

«Да, было бы излишней скромностью не признавать, что я работал на секретные службы. Сначала был в

КОНКУРС КРАСОТЫ СРЕДИ ТОЛСТУШЕК

Все было так же, как и на обычных конкурсах красоты: эмоциональная, нервная атмосфера, много света и музыки, ажиотаж и надежды, «суровое, но справедливое» жюри. Единственное отличие — формы претенденток. Они поражали своими размерами. Да и не мудрено: ведь девушки оспаривали звание «Самой привлекательной толстушки Бразилии».

Из 600 участниц конкурса в финал прошли лишь шесть. «Я всю жизнь мечтала быть манекенщицей и в один прекрасный день выиграть конкурс «Мисс Бразилия», — заявила журналистам одна из финалисток 24-летняя Элизабет Алвис, которая при росте 165 см весит ровно 100 кг. — Но мое тело всегда было сплошным «преувеличением». Однако теперь пришел и мой час».

Победила же на необычном конкурсе 20-летняя Жулиана Ллупиу (рост — 169 см вес — 90 кг). На церемонии

С МИРУ ПО НИТКЕ

награждения, выйдя на сцену в длинном черном платье, самая привлекательная толстушка страны получила подтверждающую это звание ленту и чек на 1 тыс. долларов из рук «короля музыки» Бразилии популярнейшего певца Роберту Карлуша.

С именем Р.Карлуша и связана идея проведения этого забавного и трогательного конкурса красоты. Месяца три-четыре назад хитом номер один здесь стала очень мелодичная песня, сочиненная «королем». Называется она «Красивая, вкусная штука». Карлуш посвятил ее пухленьким женщинам, их красоте и грации. Компакт-диски и кассеты с песней шли нарасхват, радиостанции были завалены пись-

мами с просьбой еще раз «прокрутить» ее в эфире. И тогда у владельца одной из радиостанций родилась идея провести такой конкурс.

На церемонии коронации победительницы Роберту сказали: «Мы живем в стандартизированном мире. Есть уже и принятые стандарты женской красоты, измеряемой в сантиметрах: рост, объем груди, талии, бедер. Но все это чепуха. Ведь настоящая красота не определяется ростом женщины, худобой или длиной ее ног. Теплое, ласковое сердце, доброта и человечность, верность и готовность поддержать в трудную минуту — скорее, это и есть самые главные слагаемые женской красоты».

И В ИЗРАИЛЕ НАШИ БОМЖИ

Указание оперативно изучить положение тех новых граждан страны, которые оказались без крыши над головой и приступили к самому элементарному «бомжеванию», дал соответствующим компетентным службам израильский министр абсорбции иммигрантов Яир Цабан. Как сообщили информационные агентства, заняться вплотную этими вопросами министра побудила недавняя гибель в Тель-Авиве бездомного иммигранта из бывшего СССР. Полиция обнаружила его мертвым в одном из заброшенных домов. По данным тамошних судмедэкспертов, скончался этот бедолага от алкогольного отравления.

Согласно последним данным полиции, только в Тель-Авиве на сегодняшний день замечено более 50 бездомных иммигрантов из бывшего СССР, не считая тех, которые на глаза пока еще не попались. Попрошайки, атакующие водителей на остановках у светофоров или примостившиеся у входов в торговые центры, стали в последнее время обычным явлением на улицах столицы и других городов Израиля. Как утверждают очевидцы, не нужно проводить специальную экспертизу, чтобы увидеть в них зачастую неизлечимых алкоголиков, а по своеобразной манере одеваться в них нетрудно угадать выходцев из СНГ.

С последней иммигрантской волной Израиль приобрел не только талантливых врачей, ученых и артистов, но и «импортировал» некоторые социальные пороки, порожденные советской действительностью. Среди них, безусловно, алкоголизм, болезнь, в целом не свойственная израильтянам. Гибель трех иммигрантов из бывшего СССР, отравивших себя алкоголем, стала для страны настоящим ЧП.

ОДЕТЬСЯ ИЗ... БУМАГИ

Пока одни специалисты по одежде спорят с другими относительно преимуществ синтетики и натуральных тканей, третьи, не мудрствуя, взяли и стали шить весьма и весьма неплохую одежду из бумаги. Но не из простой бумаги, а из тутовой. Не так давно показ самых различных моделей «бумажной» одежды прошел в Корее.

По утверждениям одного из создателей платьев и костюмов из бумаги Хо Чон Сон, этот материал, который мы привыкли применять несколько иначе, вполне подходит для изготовления высококачественной одежды. По словам этого «модельера от бумаги», помимо многих практических преимуществ он обладает еще и уникальными эстетическими качествами.

По мнению специалистов, тутовая бумага прочнее других, но в то же время хорошо носится, легко шьется и без проблем поддается окраске самыми различными красителями. С ней прекрасно сочетаются и другие

Лист бумаги? Нет, «без пяти минут» платье
Фото из журнала «Сеул»

материалы, например нить, веревки, проволока и другие украшения декоративно-прикладного характера.

Конечно же, бумага не столь долговечна, как ткань. Ее нельзя носить, например, в дождь или в снег. Однако это далеко не самые главные проблемы. Сложнее найти способ безболезненно для состояния бумажной одежды выстирать ее, и желательнее не один раз.

Кое-какие успехи в решении этих проблем уже имеются, а учитывая энергичность и работоспособность модельеров и исполнителей новой легкой и элегантной одежды с Корейского полуострова, можно смело предположить, что скоро она займет свою нишу на этом сложном для покорения и очень требовательном рынке.

Санаторий-профилакторий «Дружба» БЛМЗ предоставляет возможность НЕДОРОГО приобрести путевки для отдыха и лечения как отдельным гражданам, так и организациям на 24 и 12 дней, а также на выходные дни.

Санаторий-профилакторий «Дружба» располагает большим арсеналом современного физиотерапевтического лечения:

- водолечение,
- грязелечение,
- ингаляций,
- электросветолечение, лазерная терапия,
- квантовая аутогемотерапия,
- иглорефлексотерапия, фитотерапия,
- массаж и др.

Лечение проводят опытные врачи и медицинский персонал, проживание в 1—2-местных номерах. В санатории-профилактории «Дружба» имеются: зимний сад, кинозал, бассейн, сауны, зал эмоциональной разгрузки, библиотека. Возможно приобретение абонементов для коллективного посещения сауны и бассейна.

По всем вопросам обращаться по адресу:

143970, пос. Салтыковка-1, Вишняковское шоссе, д. 135, профилакторий «Дружба».

Проезд: от станции метро «Измайловский парк», автобусами №№ 322, 336, 337, 385 до остановки «Горсовет» и далее автобусом № 22 до остановки «Профилакторий «Дружба».

Телефоны для справок: 521-76-88, 521-01-94.

МЯГКАЯ МЕБЕЛЬ В «КУЗЬМИНКАХ»

АО «Кузьминки» это:

- торговля отечественной и импортной мебелью;
- проведение международных выставок и ярмарок;
- дизайн-центр и опытное производство;
- создание совместных производств с иными фирмами по наиболее конкурентоспособным моделям мебели;
- создание международного мебельного центра;
- предоставление складских площадей для реализации продукции.

Возможно создание совместных производств по сборке мебели и ее продаже на отечественном и зарубежном рынках.

Наш адрес: Москва, 2-й Грайвороновский проезд, д. 40-а
Тел. (факс) 171-25-72, 171-05-62
Телетайп 207119 «Декор»

ИЗГОТОВЛЕНИЕ НАРУЖНОЙ РЕКЛАМЫ

ФИРМА **Инвар**

ОФИСНЫЕ ВЫВЕСКИ

широкий выбор исполнения

КАБИНЕТНЫЕ ТАБЛИЧКИ

именные и номерные (металл)

ФАСАДНЫЕ ВЫВЕСКИ

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ

ИСПОЛЬЗУЮТСЯ ЛУЧШИЕ
ИМПОРТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

ГАРАНТИЙНОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ

Приглашаем

к сотрудничеству

рекламные агентства

Тел. 289-97-54

ПРОИЗВОДСТВЕННО-
КОММЕРЧЕСКАЯ
ФИРМА **КГК**

МЕБЕЛЬ ДЛЯ ОФИСА

СТУЛЬЯ ОТ	30\$
СТОЛЫ ОТ	100\$
КОМПЬЮТЕРНЫЕ СТОЛЫ ОТ	100\$
КРЕСЛА ОТ	90\$
КАБИНЕТЫ ОТ	2000\$

Настольные лампы, торшеры,
картины известных московских художников,
цветы, деревья и даже пальмы.

Наша фирма по Вашему желанию
доставит и соберет все купленное Вами.

Оптовикам скидка. Оплата в рублях.
Поставка со склада в Москве.

НАШ АДРЕС:

Выставочный зал. Тел. 973-90-57, 973-90-56.
Делегатская, 7, м. «Цветной бульвар»
(за Театром кукол).
ОФИС: Последний пер., 21, оф. 7,
м. «Сухаревская». Тел. 207-83-77.

ПРЕДЛАГАЮ:

Комплексный ремонт квартир.
Тел. 413-48-60.

Составлю индивидуальный астрологический гороскоп. Без компьютера. Срок исполнения 1 неделя.
Тел. 354-11-42, Вера.

Визы, ЗП.
Тел. 958-03-15.

Гербалайф-центр.
Дешево. Работа.
Тел.: 236-52-89 днем, 153-90-04 вечером.

Лазерный центр предлагает эффективное лечение сосудистых, легочных, воспалительных и других заболеваний.
Ул. 1-я Сокольническая, д.8 (рядом с м.«Сокольники»)
Тел. 269-43-54

ПРОДАЮ:

Щенков бойцовых пород. Клуб «Зоопрактика».
Тел. (095) 541-68-84.

Часы «Cardi-Vostok» механические, водонепроницаемые, противоударные, с кожаным ремешком, в футляре, гарантия.
Тел. 187-13-47.

Щенка афганской борзой. Подорожного, привитого.
Тел. 426-51-67.

Гербалайф — 5-компонентный, американский. Дешево.
Тел. 941-38-45.

Обои, облицовочную плитку, плитку АГШ, товары народного потребления, автомобильные аккумуляторы. Недорого. Вторник, среда, четверг.
Тел. 905-33-27.

Высокопородных щенков БЛАД-ХАУНДА от всероссийских победителей уникального коричнево-подпалого и чепрачного окраса. Бладхаунд — это экзотическая величественная внешность, надежная защита, ласковый и преданный друг. Это спокойная, уравновешенная собака с устойчивой психикой, любит детей, хорошо уживается с другими животными в доме. Бладхаунд — великолепная гончая в работе по холодному и кровяному следу, выдающаяся ищейка и хорошая охрана. Очень недорого!
Тел. 403-03-71.

Инвалидную коляску рычажную.
Тел. 563-78-93.

МЕНЯЮ:

3-комнатную квартиру со всеми удобствами в Алма-Ате на одно-, двухкомнатную квартиру в Москве или дом усадебного типа в близком Подмосковье.
Тел. 366-37-24.

Уютную однокомнатную квартиру на 5-м этаже 5-этажного кирпичного дома без лифта, тихий Центр (Угловой пер., м.«Белорусская» — м. «Новослободская»), на однокомнатную квартиру (можно 1-й этаж) рядом с м. «Беговая» — м.«Полежаевская».
Тел. 941-38-45.

КУПЛЮ

Книги русских футуристов. Дорого.
Тел. 256-34-65.

ВНИМАНИЕ

Создаю службу знакомств для людей с нарушением опорно-двигательного аппарата. Живу в Подмосковье, в Дмитрове.
Тел. (222) 312-05, Ольга.

Православный Центр солидарности при церкви Святителя Николая Московской епархии предлагает консультации и помощь желающим избавиться от алкогольной зависимости (алкоголизма). Работа проводится по си-

стеме сербского психиатра В.Худоллина с привлечением членов семьи. Конфиденциальность гарантируется.

Приглашаются добровольцы для работы операторами семейных клубов трезвости.

Тел. 591-95-81, священник Алексей Бабурин.

Инвалид детства просит финансовой помощи для покупки коляски. Благодарю Вас.
Тел. 326-17-40.

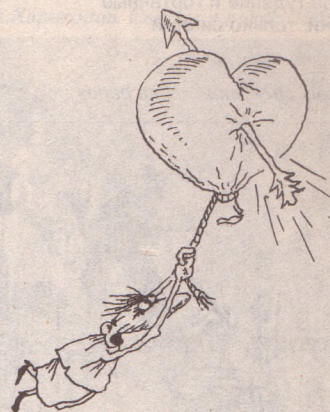
Хочу помочь тем, кому совсем плохо: одиноким, пожилым. Приглашаю за город на отдых, могу принять несколько человек в благоустроенном доме. Уход обеспечен, помогает благотворительный фонд. Живу в Малаховке.
Тел. 392-17-04, Людмила Валентиновна.

Народный целитель международного класса Чистякова проводит индивидуальный курс лечения различных заболеваний: кожных, урологических, гинекологических, дыхательных путей и желудочно-кишечного тракта. Снятие порчи, сглаза.

Тел. 476-90-69, Татьяна, с 16.00 до 22.00.

Мне 37 лет, абсолютно одинок: семьи и детей нет, недавно умерла мать. Нахожусь в местах лишения свободы, был прописан и проживал в Санкт-Петербурге. У меня спокойный характер, к спиртному равнодушен. Хотел бы переписываться с женщиной 35—40 лет.

Адрес: 186431, Карелия, Сегежский р-н, ст. Надвоицы, «УМ»-220/4, 7 отряд. Сукеник Валерий Рэмович.

ТЕЛО-ВОДА

«Nota bene»

Класс экспрессивной пластики,
реж. Г.Абрамов

Изошренное пластическое мастерство студийцев Геннадия Абрамова выражает столько же, сколько скрывает. Мы видим — и не можем наглядиться — молодые, сильные тела, полубоженные или, напротив, убранные с азиатской пестротой. Их изумительная гибкость, текучесть линий, выпысываемых ими в пространстве подвала с теплым, матово блестящим деревянным полом, исполнена той прохладной, целомудренной чувствительности, которая присуща представлениям гуманистов о Древности — условной эпохе мудрой простоты и цельности человечества. Не случайно поводом для пластических ассоциаций послужил «гуманизированный миф» — роман Т. Манна «Иосиф и его братья»: спектакль Класса, согласно названию, представляет собой «заметки на полях» библейской истории, рассказанной свидетелем фашизма. Достоинно восхищения, что за каких-нибудь два часа десять студийцев, нигде не иллюстрируя роман, дают поразительно объемное представление о его тучном многогласии, сюжетной пестроте, о полове его стиля и лучистой иронии. Только странные тягучие звуки музыки; только носовое гудение и гортанные выкрики; только сиплый

свист хлестко секущей воздух металлической ленты — вот и все подпорки для рук, ног, корпусов, ткущих нить к нити узорочье спектакля. Описание фактически здесь бессильно. Ни на акробатику, ни на танец (в том числе «свободный»), ни, тем более, на мимодраму или пантомиму это не похоже: названные роды, как известно, легко разлагаются на элементы и описываются через них, а здесь выделить что-то элементарное можно лишь с большой натяжкой. И постепенно, проникая взглядом как бы сквозь непрерывно движущиеся тела и пристальнее всматриваясь в сосредоточенные, умиротворенно-отрешенные лица, начинаешь видеть невидимое — мысль, лежащую в основе пластической работы. Это — мысль-стремление к полной, совершенной неслучайности, фатальности любого движения, к всего-со-всем-связанности в теле. Тело — не машина, а вода: так, пожалуй, можно остановить эту текучую мысль. Ведь о воде точно известно, что она состоит из двух атомов водорода и одного — кислорода и что наливать ее в серебряную чашу, чтобы выискивать на дрожащей поверхности зыбкие образы, есть суеверие. Это известно, и это правильно. Но гадательная чаша, найденная у Вениамина, вернула Иосифа братьям и отцу, а влага, стекающая по восторженным лицам студийцев, предвещает бравурный апофеоз спектакля.

Михаил СМОЛЯНИЦКИЙ

Сцена из спектакля «Nota bene»

Фото О. Чумаченко

ГАЛИНА
ВИШНЕВСКАЯ
В ОЧКАХ И КИЧКЕ«За зеркалом»,
МХАТ им. Чехова,
Российское театральное
агентство совместно с
компанией
«Диалог—Оптим»,
реж. В. Долгачев

По популярности у себя на родине с четой Ростроповичей в последние годы может сравниться только семейство Великого Князя. И это понятно: формула «самодержавие, православие, народность» реанимирована, лишь видоизменилась последняя ее составляющая. На место «народности» пришел «дух нации», выраженный в творчестве, совокупном с гражданским служением обществу. А потому осенившая режиссера Вячеслава Долгачева идея пригласить великую певицу на роль самой любимой русской императрицы витала в воздухе. Существовало, правда, одно «но»: сюжет пьесы Елены Греминой раскручивался вокруг альковной истории. Разменявшая шестой десяток и оплакавшая смерть графа Орлова, Екатерина получает по протекции князя Потемкина очередного юношу для любовных утех. Им оказался двадцатилетний поручик Александр Ланский (арт. С.Шнырев) — существо столь же невинное, сколь и невежественное, и при этом невероятно привязчивое. В силу этого он и стал особо дорог Матушке и провел в бедуаре за зеркалом четыре года. Как собирался режиссер соединить величие самодержавия с некоторой фривольностью фабулы, остается неясным, ибо выход на сей раз предложила сама актриса. Вместо державного символа она предстает в роли комической старухи, точнее — немолодой женщины, которая совсем не боится показаться смешной. Обреченная всю жизнь кого-то изображать, здесь, за зеркалом, она становится сама собой — чуть сентиментальной, слегка нелепой интеллектуалкой, которая никак не может понять, как справиться с

Фото И. Александрова

Галина Вишневская в роли
Екатерины II

проблемами мрачноватой страны России и собственной судьбы. В конце концов Екатерина Вторая, царствовавшая через два века после Ивана Грозного и за двести с лишним лет до истории с Ипатьевским домом, могла позволить себе ненадолго расслабиться. А Галина Вишневская, одна из самых красивых русских актрис, может себе позволить и смешные очки, и седую кичку на голове, и появление на сцене в роскошных туалетах XVIII века с таким видом, будто на ней домашний капот. Ее роль здесь почти целиком скомпилирована из высказываний самой императрицы, среди которых есть и такое: «Тот, кто не умеет писать комедий, вызывающих смех, и трагедий, заставляющих плакать, пишет только драмы». Основа лицедейства — талант «заставлять смеяться и плакать» — оказалась для Вишневской гораздо важнее идеи торжественного несения собственного величия. Актриса взяла верх над нашими представлениями о ней. Трудно сказать, как соотносится это с гражданским пафосом и монархическим духом. Впрочем, возможно, нам хватит юмора и здравого смысла понять, что самодержавие с лицом Екатерины-Вишневской — метафора ничуть не хуже «революции с лицом Ростроповича».

Лариса ЮСИПОВА

ЖИВОПИСНОЕ «АРБАТСТВО»

«Из истории
Староконюшенного»
Выставка в галерее «А-3»

Меня всегда интересовало, по какому принципу художники объединяются на той или иной групповой выставке. Самое первое, что приходит в искусствоведческую голову, — это стилистическая общность, единство направления или принадлежности художников к одному поколению.

В кратком предисловии к буклету-приглашению в галерею «А-3» сказано про «метафизическую связь». Метафизика — дело серьезное, особенно метафизика географическая. Это как судьба. Раз жил на Арбате или в его окрестностях или работаешь в полуподвальной мастерской на Сивцевом Вражке, стало быть, ищи соседей и делай выставку — «мистическая аура Арбата» поможет.

Впрочем, если не вдаваться в лирику, то, пожалуй, единственное, что всерьез объединяет художников, так это высокий профессионализм. Каждый яркая индивидуальность, хорошо знакомая любителям искусств: это Д.Лион, Г.Басыров, Н.Нестерова, Ю.Ващенко, И.Чуйков, В.Умнов и С.Верховский. Так что живописное и графическое «арбатство», как сказал бы Б.Окуджава, пошло вишь и вглубь.

Особого внимания на выставке заслуживает отдельный зал недавно умершего Дмитрия Лиона, который предваряет цикл великолепных рисунков Верховского — «Разговоры с Лионом». Это легкое, искрящееся юмором рисование идеально передает и атмосферу дружеского общения художников, и личность большого мастера, оставившего богатое наследие.

Вообще, нужно отдать должное художественной политике галереи «А-3», экспонирующей в своих небольших залах выставки хорошего европейского

уровня. Не скатываясь в коммерческую суету, она в последние годы напоминает нам о возможности достойной культурной жизни в некогда славной своими традициями арбатской местности.

Вильям МЕЙЛАНД

КУДА ТЫ СКАЧЕШЬ?

«Конь белый»
«Лада-банк», «Диапазон»
реж. Г.Рябов

Безумству храбрых пою я песню. Безумству храбрых финансистов из «Лада-банка», не пожалевших своих миллионов, чтобы накормить десятисерийного «Коня белого», которого Гелий Рябов привел под уздцы из Апокалипсиса в постперестроечную Россию, чтобы поведать об апокалиптической России времен гражданской войны. Безумству храброго драматурга-режиссера, который в первой своей ипостаси несколько уступает себе самому времен «Рожденной революцией» и «Государственной границы», зато во второй своей ипостаси нисколько не уступает в глубине постижения кинематографических таинств лучшим режиссерам времен изобретения камеры. Безумству храброго оператора, который в поисках новых средств выразительности время от времени включает свою камеру на общем плане минут на пятнадцать — двадцать и отлучается в неизвестном направлении. Потом возвращается, выключает камеру и переносит ее на другое место. Безумству храбрых актеров, которые взвалили на свои плечи нелегкую задачу изображать живые муляжи императора Николая, адмирала Колчака, благородных белогвардейцев и безродных космополитов-комиссаров. В том, что происхождение

комиссаров именно таково, убедиться несложно: их имена-отчества произносятся смачно и отчетливо. Их деятельность в мирное время — на подхвате у лучшего таки гинеколога города Киева — рассеивает всякие сомнения в их ненасытной кровожадности. Как известно, великий комбинатор Остап Бендер решил однажды переквалифицироваться из неудачливого миллионера в управдома. А вот великий гуманист Гелий Рябов решил однажды переквалифицироваться из удачливого референта незабвенного министра внутренних дел Щелокова в кинорежиссеры (драматургией он баловался и до этого в свободное от работы на благо внутренних дел время). Право же, это было лишнее.

Александр ШКЛЯРИК

НОВАТОР, ХРАНИВШИЙ ТРАДИЦИИ

Выставка А.Харитонов
Государственная
Третьяковская галерея

Александр Харитонов — один из самых ярких представителей авангарда 60-х годов. Он стоял у истоков нонконформистского искусства, но занимал среди

друзей и соратников — Целкова, Рабина, Немухина, Зверева, Плавинского — особое место: если другие — диссиденты в жизни и творчестве — показывали, как не надо жить, то Харитонов обращался к православной культуре, к истории Руси, то есть к тому, как жить надо. Мир его живописи и графики — фантазийный мир христианской сказки, которому нет аналогов в русском искусстве второй половины XX века. Уникальна и его точечная техника, отсылающая память к древней вышивке бисером или византийской мозаике. Нищенская выставка в Третьяковке приурочена к годовщине со дня смерти художника. Семь лет Харитонов тяжело болел, его разбил паралич, писать он мог только левой рукой, но не переставал работать и каждую картину начинал с изображения облаков и ангелов, повторяя, что будет рисовать, пока сможет, чтобы показать людям, что наша жизнь — божественный дар и вечный праздник. Можно называть Харитонova великим романтиком, можно говорить о том месте, которое он занимает в классической плеяде русских пейзажистов или изысканных графиков, но, видимо, самым важным для истории останется то, что он новаторски продолжил нить православного искусства, которая, казалось, оборвалась на творчестве Михаила Нестерова.

Татьяна СОКОЛОВА

А.Харитонов. Святые в лодке. 1969

фото А.Эпштейна

Михаил ПОЗДНЯЕВ

ОТДАЙТЕ ГОЛОС ШИЛОВУ

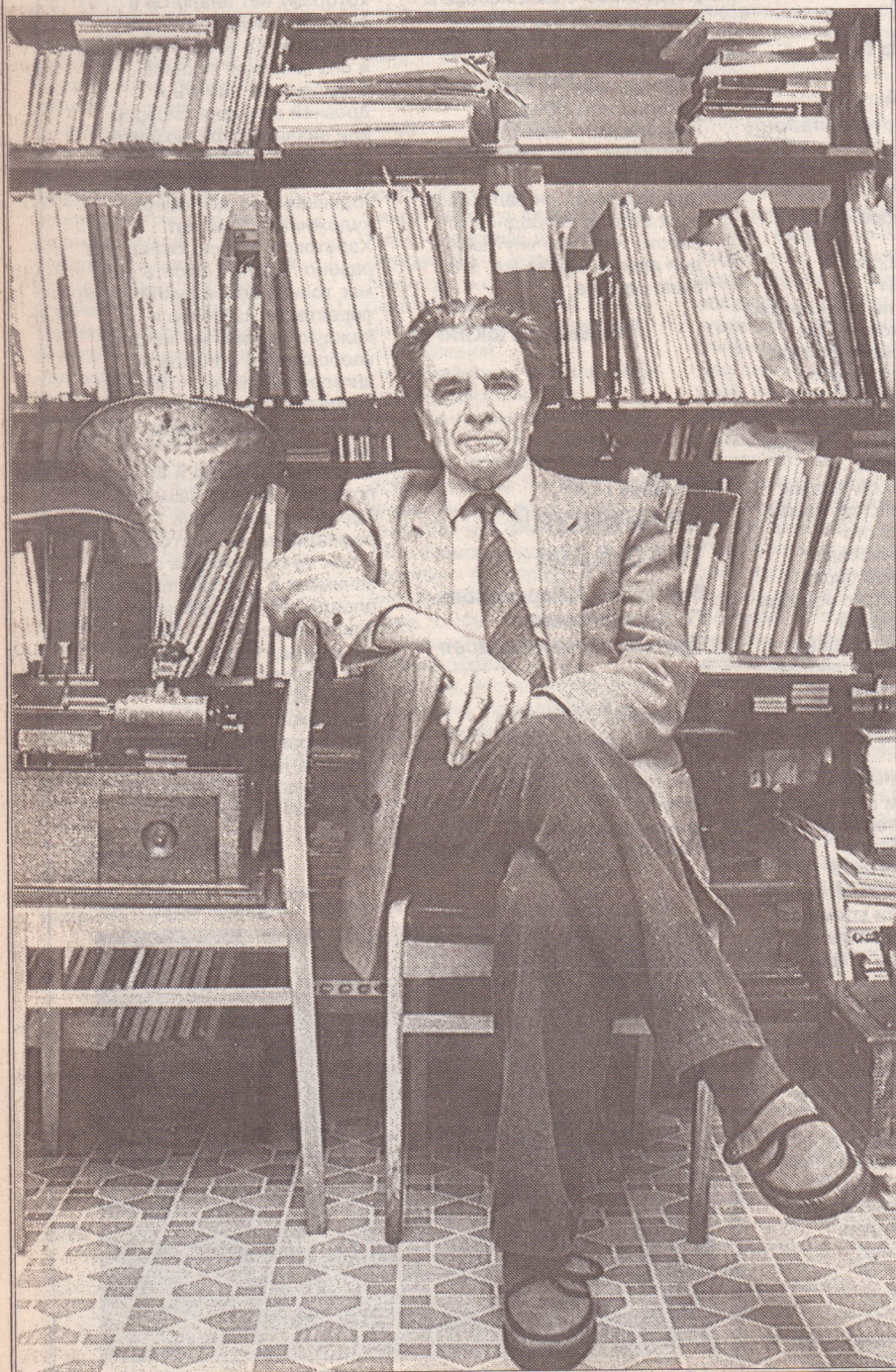

Фото В. Шишова

Время одиночек. Не смертельно. Дело и нормальное, и привычное. А все равно поганое. Прежде, по крайней мере, развлекались перестукиванием да рытьем подземных ходов из своей камеры в соседнюю. Мало кому удавалось выбиться в Монте-Кристи. Жили себе поживали в крепости Иф, ползали по ночам друг к другу в гости, выбирали самых достойных в управдомы, в противовес балбесам-надзирателям. И круг узок, и от народа страшно далеки, но окажись ты в командировке в каком-нибудь Ангарске — тебе, хоп! ставят пленочку, а там концерт Высоцкого в НИИ (ты у себя в столице на него не пробил-ся); а потом — вообще подсовывают «День поэзии», где, в братской могиле, и твой куцый стишок... «Надпишите, пожалуйста!» А уж у себя-то, в Первопрестольной — вообще бог весть что. Например, примчишь с вечера в Политехническом на Котельническую, в «Иллюзион», отмечаться в очереди за билетами на Курасаву — а там все те же лица.

Помню, еще, скажем, паломничество на Смоленщину (поездом, автобусом, попуткой и еще пять верст пешком, через лесочек) — в сельпо, куда, как будто нарочно для нас, завозили все до одной книжки и из «Философского наследия», и из «Мастеров зарубежной прозы» — так, пачками, мы их обратно в Москву и везли.

Идешь из Дома книги на Калининском, прижимая к сердцу последний сборник Кушнера (из-под прилавка, из рук с а м о й Н а д и... у нас — Надя, а в Ленинграде, вот так же точно, одаривает книжкой Чухонцева великая Люся), приятель тебе что-то заговорщически на ухо — про Набокова, взятого у Лёхи на один вечер, и вдруг столбенеет, и пихает в бок локтем, и — раззяв рот:

— Смотри, кто идет! Ф о г е л ь с о н!!!
И — слушать, в клуб на окраине, Льва Шилова: ходят слухи, он должен сегодня привезти записи Волошина и Гумилева...

Виктор Фогельсон, редактор лучших поэтических книг 60—70-х; Владимир Медведев, их оформитель; Надежда Ивушкина, их продавец. Где они — нынче? Где эти люди? Где эти книги? Где стихи? Где их авторы? И где все мы?

Никого. Ни-ко-гошеньки. Ни в этом зале с триколором над сценой. Ни в этой толпе под красными стягами, с портретами усатого в кителе и безусого с трубкой. Ни в этой тусовке, где каждый стоит сам по себе, с пластмассовым стаканчиком и с сигаретой на отлете, и не поймешь, чего это он: инсталляция, хеленинг или просто так зашел, на халяву.

Где Шилов — со всеми его сенсационными записями, с Толстым и Блоком, восстановленными из воскового праха, с Ахматовой, записанной в Комарове в последний год жизни, с Окуджавой, которого он первый начал серьезно фиксировать на пленку в конце пятидесятых?

Да вот — в Переделкине, в Доме творчества, в одиночке под номером 12...

— Лев Алексеевич, я робею задать вам самый первый и, возможно, самый главный вопрос... И смотрите, что с диктофоном: он на вас тоже, кажется, по-своему реагирует... Сейчас я попробую батарейки поменять.

— А вы зря адаптером не пользуетесь. Включил в сеть — и забыл про него, — великодушно терпит мою возню Шилков, вонзая в казенную розетку кипятильник.

— Вопрос такой. Если бы у нас издавался словарь «Кто есть кто» или нечто вроде «Лексикона» Казака, то какой была бы там статья о Шилкове?

— Тут я раздваиваюсь. Потому что много раз встречался с тем, что человек считает себя одним, а на самом деле славен другим.

Ну, скажем, — просто чтобы мысль вам была ясна, а не то что я равняюсь с великими, — скажем, Чуковский. Замечательный литературовед и текстолог. Этим он себя ощущал и потратил на это процентов восемьдесят времени и энергии. Только представьте себе — он вернул чуть ли не четверть текстов Некрасова! Но никто этого не знает — все знают «Муху-цокотуху».

Никуда не денешься — обо мне если и напишут в каком-то словаре, то напишут, что Шилков отыскал и реставрировал такую-то запись, или издал такую-то пластинку, или записал голоса таких-то поэтов... Что же — я на это не обижусь: мне повезло вот так реализоваться. И вы, пожалуйста, не пишите обо мне, что вот, мол, «энтузиаст», «подвижник» — я всю жизнь этим занимаюсь исключительно ради удовольствия. И мне повезло еще вот почему. Я как-то совпал со временем, удивительно благоприятным для занятия звукозаписью. Лет двадцать назад я любил повторять в своих лекциях, что истинная ценность звукозаписи определяется через двадцать лет. Я об этом говорил скорее в шутку, чем всерьез, — но вот эти двадцать лет минули, и я увидел подтверждение моей догадки, к которой тогда пришел эмпирическим путем.

Людям трудно угадать, что встретится даже через двадцать лет. Звукозапись обычно не делается специально. Парадокс — и это не только у нас, так во всем мире, — но в хранилищах откладываются в большинстве случаев «отходы производства», то есть радиопостановки, интервью, репортажи... А как это воспринимается — в другом, новом времени... И моя работа каким-то образом являлась слабой попыткой угадать, что и как будет звучать, слушаться сегодня, в это новое время.

Коль скоро вы мне предложили сочинить автобиографическую справку — я начал бы ее с того, что в 1949 го-

ду... я говорю это — и смеюсь, изумляясь своему возрасту, я к нему никак не привыкну... да, в сорок девятом, поступив на филологический факультет МГУ, Шилков пошел в семинар по теории интонации профессора Бернштейна — и вскоре с него сбегал: семинар очень высокого уровня, нужно читать на немецком специальную литературу, в общем, я испугался... Потом только я понял, что это был за человек и почему он вел этот единственный семинар и более ничего, ни одного курса...

Я сбегал с его семинара, но продолжал туда заходить иногда, к моим друзьям, поинтересоваться, как дела. И вот там был магнитофон.

— Трофейный небось?

— Нет, уже наш, студийный, правда, с какой-то необычной, нестандартной скоростью записи. С него и со знакомства с очаровательным человеком Сергеем Игнатьевичем Бернштейном и началось...

После университета, в пятьдесят четвертом, я пришел работать в музей Маяковского, и там уже был «МАГ-8». И на нем я начал записывать музейные вечера. Я был научным сотрудником, читал лекции, принимал участие в работе над первым академическим собранием сочинений Маяковского, были у меня свои маленькие текстологические открытия. Вечера в музее я записывал с удовольствием, но не целенаправленно, сверх программы. Хотя — могу похвастаться — там я записал тогда Бурлюка, когда он приезжал из Америки, где жил с двадцатых годов; потом довольно много — Крученых, замечательный вечер памяти Блока... Вот так.

Подобных вечеров там было много, и вообще музей за Таганкой был редким исключением в нашем музейном деле, почему его и уничтожили. Как белую ворону.

— А кто был первый поэт, записанный вами в музее, так сказать, «не по службе, а по душе»?

— Вот я как раз об этом сейчас хотел рассказать... Не помню точно, с чем было связано, но однажды в музее пришел Слуцкий — очень авторитетный, «широко известный в узких кругах», но почти не печатавшийся. Его я записывал уже не к случаю, а всерьез, и довольно много. В одну из встреч он посоветовал мне записать молодого Евтушенко, кажется, тогда автора всего одной книжки и еще не знаменитого, он, видимо, понимал, что вечер в нашем музее, эта запись полезны будут и нам, и Евтушенко.

И вот посмотрите. С одной стороны — мои записи: Асеев, Хикмет, Слуцкий. С другой стороны — научная работа: для академического собрания

Маяковского я готовил звуковые варианты стихотворений, отличающиеся от печатных текстов. Этим никто, по-моему, вообще раньше не занимался — звукозапись как текстологическим источником. Наверное, тоже можно включить в справку о Шилкове для словаря «Кто есть кто». И вот тогда я все больше стал задумываться над тем, что звукозапись — похоже, какая-то отдельная, самостоятельная отрасль знания и в применении к литературе она имеет совершенно особое значение — другое, чем в применении к музыке или к исторической науке.

Звукозапись сохраняет голос автора. А голос — важнейший выразитель самых потаенных духовных, эмоциональных качеств человека. Голос подтверждает или опровергает какие-то основные наши представления о личности писателя...

— Ой, как любопытно! Тогда, простите, я вас сейчас перебею вопросом почти интимным. У Андрея Битова есть рассказ о сумасшедшем пушкинисте, съездившем на машине времени в 1837 год. Он берет с собой фотоаппарат, и цель у него одна: запечатлеть кумира. Но кумир занят дуэлью, и наш бедолага невольно в эту историю вляпывается, и уже начинает бегать за Александром Сергеевичем с тем, чтобы его спасти, а только во вторую очередь сделать снимок. Пушкин, естественно, ему не дается, и герой, погнавшийся за двумя зайцами, с этой своей охоты возвращается ни с чем... Вот вам кто-нибудь, извините, показал такой язык — как Пушкин герою Битова?

— Очень конструктивный вопрос. Думаю, самая большая моя неудача — то, что не нашел я записи голоса Цветаевой. Это очень печально. Ее чтение — если бы мы нашли такую запись — было бы нам для понимания стихов Цветаевой столько же, сколько и чтение Маяковского. Если не больше. Были сведения о любительской записи Цветаевой, был даже след ее — но увя.

Когда я задумался однажды, а кого бы мне еще записать (такое было редко, обычно я писал, как писалось), — я вдруг вспомнил о сестре Цветаевой, Анастасии Ивановне. Это было интересно: ведь известно, что они читали с Мариной в унисон, и даже вроде бы тембр голоса был один, и все модуляции. Я надеялся, одним словом, расслышать в голосе Анастасии Ивановны голос ее сестры. Переговоры я вел через Ариадну Сергеевну Эфрон (Анастасии Ивановны, кажется, не было в Москве). Наконец запись состоялась. Получилось любопытно — но не настолько, насколько я надеялся. Ожидал точной копии, а в

том, что получил, голос Марины... ну, скажу так, прослушивался очень слабо.

Тут — понимаете что...

Вопрос тонкий, специфический, и вкратце объяснить, в чем секрет, трудно. Наверное, так: у одних людей есть абсолютный слух на чтение (как и на музыку) — а у других его нет. Вот, допустим, читает Асеев Маяковского — и все другое: и характер, и тембр голоса, юношеский тенорок асеевский — но вы точно можете сказать, что именно так читал Маяковский. Абсолютный слух, вот и все. А Лиля Юрьевна Брик — слышавшая, как читает Маяковский, пожалуй, побольше, чем Асеев, ну, о степени ее близости к Маяковскому, о ее понимании характера Маяковского что и говорить, и музыкальный слух у нее превосходный — но вы совсем не слышите в ее чтении голоса Маяковского. Вот такая тайна. И в случае с Цветаевой — было то же самое. Хорошо, что я записал Анастасию Ивановну, это, повторяю, любопытно... но моя колоссальнейшая, ужасная ошибка — что я не записал Ариадну Сергеевну. А как раз там — что-то могло отозваться... Не успел — все думал, что еще успеется. И потом: «Ну, дочь. Ну, сама литератор, переводчица. Ну, в младенчестве учила стихи мамы с маминого голоса. Но что там дочь — когда я сестру могу записать!» Ариадну Сергеевну я плохо знал, она была человек занятой, не очень контактный, и потом, я тогда просто понятия не имел о силе ее личности, о ее таланте, о ее судьбе, по трагичности сравнимой с судьбой Марины Ивановны... Понял — когда ее уже не стало...

Многих не записал. Например, ничего не сделал, чтобы остался голос Вампилова. Тоже потому, что размер этого таланта стал ясен лишь после его смерти. Только один раз я записывал Шукшина. Тут — к общераспространенному «Еще успеется» — примешалась странная иллюзия, что уж он-то записан много. И потом — он в кино, он и там, и сям, уж тут-то, казалось!.. А оказалось — очень мало. Радиозапись — вообще одна всего.

— А госпожа удача? Самая большая?

— Большая удача — безусловно, Ахматова. И потому еще, что запись была сделана, в общем-то, случайно. Я, работая над фонотекой Союза писателей — я попал туда после разгрома музея Маяковского, с подачи все того же Слуцкого, — иногда выезжал в командировки. И вот в шестьдесят пятом году, в самом начале мая, я поехал в Ленинград записывать вечер авторов журнала «Москва». Это было шестого или седьмого числа, потом еще у меня были какие-то дела, а де-

вятое — праздник. Выходной. Знакомых у меня в городе почти не было, дел уже тоже, и я решил наугад позвонить Ахматовой. Позвонил, мне сказали: «Она в Комарове». Я и поехал. Без договоренности, без предупреждения. Делать было нечего. Выходной...

Паустовский. Тоже я свалился ему как снег на голову в Тарусу. Его до меня не записывали. Потом уже немножко записали — для «Кругозора». Был такой журнал с пластинками.

Немножко... Вот в чем беда! Если кого записываем — для «Поэтической тетради» на радио или для «Кругозора» страничку, минут пять. А так чтобы не спеша, помногу, впрок, просто на будущее — этого нет.

Почему-то еще вспоминается Исаковский, который очень смущался, робел, читая стихи, — как школьник, читающий Исаковского...

Огромная удача была — Дельмас! Возлюбленная Блока. Героиня. Вдохновительница. Все мало, даже и слова не подберешь. Просто сам себе не верил: Дельмас... Блок... и я со своим магнитофоном.

Записи поэтических вечеров в Политехническом, когда там несколько дней подряд снимался фильм Худиева «Застава Ильича»: Светлов, Ахмадулина, Окуджаву, Вознесенский, Евтушенко, Казакова и Рождественский. Ах, как они тогда все читали! И какой был зал — им под стать!.. В фильм вошли крошечные кусочки, а у меня-то на целый час! И очень хорошая запись, качество почти студийное — наверное, я держал микрофон в руке близко к динамику.

— Лев Алексеевич, а как вы в первый раз Окуджаву записали?

— Я был сам хотел это узнать. Я знаю только, что это было в пятьдесят девятом году...

— Он говорит, что дело было в вашей студии, в подвальчике, во Вспольном переулке.

— О-о-о! Это вот тот самый случай, когда и да и нет. Там была его первая профессиональная запись, которая потом гуляла по стране в тысячах копий, задолго до пластинок.

Мне кажется, самая первая запись была сделана все-таки в музее Маяковского, на одном из вечеров. Но я не берусь это доказать — не потому, что в памяти что-то сдвинулось, а потому, что сегодня абсолютно точно известно, кто делал в ту пору запись. Это был Лев Аннинский. А на первую — несколько кандидатов, и с этим уже ничего не поделаешь.

Что касается его пластинки, на которой указано: «Составитель Шилов», — ее история длинна и увлекательна. Я записывал Окуджаву несколько лет подряд, он приходил, когда ему хоте-

лось, пел сколько хотел, иногда больше, в другой раз одну-две песенки, и это были чудесные минуты, потому что ничего из нашей работы не простекало, кроме обоюдного удовольствия.

И вот однажды мы записали все, что хотели, и положили пленку на студию грамзаписи — они тогда много выпускали пластинок с голосами поэтов, и этот голос тоже попал к ним. И они об этом забыли. До середины семидесятых.

Как раз в то время готовился большой диск Высоцкого. Об этом прослышали его недоброжелатели, не то в московском горкоме партии, не то в Министерстве культуры, — и выход ее приостановили. Высоцкий занервничал и нашел способ пожаловаться в ЦК. И дальше происходит такой трагикомический сюжет. На «Мелодию» звонят из ЦК: «Почему не выпускаете Высоцкого?» — «Да вот, было нам указание». — «Нет, нет, никаких сомнений, надо выпустить»... Это все я рассказываю со слов очевидца — то есть в кабинете директора присутствует редактор, поклонница Окуджавы и Высоцкого. Директор вешает трубку и спрашивает редактора: «И что же мне делать?» — «Как что?! Вам же сказали — выпускать». — «Но разговор к наряду не пришьешь!» И тут она говорит: «А давайте мы перед Высоцким выпустим Окуджаву. Шилов дополнил ту старую запись новыми песнями, Евтушенко написал аннотацию, опять же юбилей Победы». «Да кому он нужен?» — морщился директор — и... выпустил. Пробным тиражом в восемьсот штук.

И тут уже я постарался, чтобы эти восемьсот пластинок попали на съезд писателей. Ее, конечно, на всех не хватило, и писатели самого разного ранга стали засыпать студию «Мелодия» письмами, все на голову этого бедного Владимирского, директора студии, кстати, вполне достойного человека, культурного, с хорошим вкусом к классической музыке; например, он записывал в фонд все концерты Рихтера... В общем, очень скоро дали хороший тираж, потом еще один массовый — и тираж скоро перевалил за миллион. Но все равно ее было трудно достать. Поскольку я к ней имел прямое отношение, то ко мне все кто мог обращались, а у меня у самого была всего одна пластинка или две. Они уже на заводе, говорят, пропадали — прямо коробками!

И вот, я хорошо помню, как вышел из «Арбатского» метро, а мне навстречу идут люди с пластинкой Окуджавы. «Где купили?» — «В «Мелодии». Я прибежал туда...

— А там, как пел Галич, «в три хво-

ста черед, все с пластинками», только не с речами Сталина, а с «Последним троллейбусом».

— Да, вот именно что в три хвоста: ее продавали в отделе поэзии, в отделе эстрады и еще в отделе народной музыки. Я купил сколько смог, вышел на Калининский проспект — и... вижу, что по нему, туда-сюда, идут люди. И все с этими пластинками! Демонстрация такая в честь Окуджавы!.. Я стоял — и, может быть, плакал, может быть, и не плакал, но это было очень трогательно.

— Таких минуточек в вашей жизни много было?

— Таких — больше и не было, пожалуй. И я не знаю, поймет ли кто из современных читателей причину той моей радости...

— Как часто вам приходилось слышать: «Да кому это нужно?»

— Наверное, часто. Но я на это не обращал внимания. Да и потом, при всем непонимании, мне особенно не мешали. Тот же Владимирский — я на «Мелодии» одно время был фиктивно оформлен на полставки — давал мне аппаратную, где я восстанавливал записи Гумилева и писал в наряде, в графе «Вид работы»: «Поэт Николай Степанович»...

— Нет ли у вас сегодня ощущения, что все, чем вы занимались, не просто история, но в полном своем объеме принадлежит времени минувшему?

— Есть. Конечно. Но в этом нет и ничего странного. Конечно, то, что делалось в начале шестидесятых, — история. История, уже завершившаяся, куда-то от нас улетающая. Потому что должна начаться совсем другая история, другая жизнь... другие люди, другие занятия. Очень многое другое.

— Сегодня вам не хочется записывать голоса поэтов, как хотелось тогда?

— Нет, не хочется. И сегодня я в основном записываю людей моего времени, тех, кто еще с нами. Опять-таки прикидывая на двадцать лет вперед. Я много писал в 60-е и надеюсь еще много писать Ахмадулину. Я с печалью думаю о том, что по-настоящему очень мало записана Новелла Матвеева. Совершенно загублены были ее студийные записи. Они получились сухие, холодные. Недавно я записал большие вечера «Лианозовской школы» — Сапгира, Некрасова, Холина, всех, кто жив... А из современных авторов — формируя фонд, я еще и еще раз напоминаю сам себе, что современник не всегда может вполне оценить писательский талант. Значит, и мои оценки могут быть неверными. Я прислушиваюсь к мнению других людей — и записываю Нарбикову. Она, безусловно, талантлива. Хотя мне ее

читать трудно.

— Как выхватываются «голоса из хора» сегодня, я имею представление. А как восстанавливаются голоса, записанные в начале века? Ведь и техника была примитивная, и записи повреждены, и все меньше живых свидетелей...

— Это и сложно — и в то же время достаточно просто. Свидетельства современников — они дают, разумеется, какой-то ориентир. Хотя, скажем, родственники Есенина в один голос отрещивались от его записей — но те, кто был отделен от него большей дистанцией, говорили: «Да, очень похоже». «Эти хриплые выкрики никакого отношения к голосу Блока не имеют», — утверждал ближайший его друг Пяст (который после «Двенадцати» не подал ему руки), а Корней Иванович Чуковский, слушая со мной эти записи, указывал на те места, которые звучат близко к живому голосу, и очень точно вел всю работу. Неузнавание голоса в записи — это уже нечто из области психологии: люди отстаивают, быть может, невольно, свое право на истину в последней инстанции. Ну а нам-то с вами как быть? Спрятать — и не прикасаться?

Мария Степановна Волошина писала мне большие и подробные письма и очень меня поддерживала в надежде вернуть голос Макса. Ей сделала сюрприз ко дню рождения: не сказали, что я прислал кассетку. Отвели ее в другую комнату — и включили магнитофон. Она упала в обморок...

— Узнала.

— Да. Потом она прислала мне еще одно письмо, где, уже придя в себя, буквально построчно указывала на необходимые поправки.

Для специалиста нет ничего невероятного в подобной работе. Он чувствует, «куда вести» реставрацию. И знаете... Это очень похоже на текстологию: прежде чем разобрать темные места в тексте, ты в него вживаешься. Идти механически — бесполезно, нужно к этому привыкнуть, сжиться с этим неразборчивым текстом — и вдруг читаешь его почти безо всякого труда... Так же и с голосом.

Все, в конце концов, держится на твоей совести. На понимании поэта. И на чувстве меры. Реставрация, как и запись, зависит от того, кто ее делает. Это, наверное, похоже на интервью: каков вопрос — таков ответ.

— У вас есть ученики?

— И да и нет. У меня есть коллеги, люди младше меня. Скажем, Елена Волкова — она работает на радиостанции «Эхо Москвы» и делает многое так, как и я бы сделал. Она замечательно записала поэта Василенко, проводшего долгие годы в лагерях.

Другой мой коллега — Сергей Филиппов. Он воссоздал из очень плохой фонограммы голос Олега Дала, его программу лирики Лермонтова, доведя черновые, домашние записи до уровня, на мой взгляд, превосходного. Есть и еще люди, я изредка сталкиваюсь с некоторыми из них. Но они, как правило, вспыхивают и остывают. Не могут этим заниматься долго. Тем более всю жизнь.

— Что со всей вашей коллекцией? И что с ней будет?

— Она в музее. Где и будет, надеюсь, храниться в приличных условиях.

— Вопрос «копирайта» для вас существует?

— Нет, нет... Пока нет. Нет — и я не успею, наверное, дело с этим иметь.

— Вам не странно это?

— Нет. И мне, повторно, удивления такого рода уже не грозят. И потом, в нашей стране «копирайт» по отношению к звуку — о-о-о, до этого еще очень далеко. А тем более — по отношению к литературным записям. Они пока не имеют ни малейшей коммерческой ценности. Так что мои сегодняшние заботы — иного рода. Во-первых, как-то обезопасить фонд, завершить его описание и кое-что еще отреставрировать, привести в порядок. А во-вторых, подготовить к изданию собранные и восстановленные мною записи Толстого. Удастся ли мне их издать?..

Зимнее поле. Лыжник бежит. Как заводной. Все ближе, ближе. Шапка-ушанка, запотевшие очки, выдавший виды спортивный костюм. Пролетает мимо. Узнав с опозданием, догоняю: «Георгий Дмитрич!»

Это Гачев. Философ, культуролог, лингвист, музыковед, историк... Один из последних живых, слава Богу, в России живущих энциклопедистов. Сколько в мире ученых такого класса? Может, десять, а может, и десятки не наберется. Написал десятки томов, если не сотни. Издал — десятую, если не сотую часть.

— Георгий Дмитрич, а что «Национальные образы мира»?

— А что с ними будет? Стоят себе в шкафу.

— Неужто издателя нет до сих пор?! Да как же...

— А кому это нужно, милый мой!

И — пропустил через поле, оставляя за собой ровную прямую лыжню.

Я вот вдруг подумал. А что если бы кто-нибудь в минувшую либо в грядущую выборную кампанию отдал все свое время на телевидении и радио Шилову. Или Гачеву. Только одну фразу бы произнес: «Не обещаю вам златых гор, но обещаю, если отдадите мне свои голоса, что вот таким людям буду помогать!» Что — если бы он так поступил, воображаемый, идеальный кандидат?

Он бы проиграл.

Рубрику ведет Николай МАЛИНИН

Бам-book

НА БАЛУ У ЭДМУНДА ФЕЛИКСОВИЧА

В ЦДЛ «Литературные новости» справляли юбилей; два года безуспешной конкуренции с «Литературкой»; безуспешной потому, что одна газета выдохлась, а другая так и не задышала.

Лауреаты—93 получали премии: Борис Рахманин — миллион; Казанова нашего времени Николай Климонтович — полмиллиона за «верность традициям мировой эротической литературы»; Мария Арбатова — 333 тысячи за «глубину исповедальности» (роман назывался «Аборт от нелюбимого»; почему-то вспомнилась довла-товская героиня, автор романа «Вернись, сперматозоид!»); в своей «нобелевской» речи разговоры о второсортности женской прозы припечатала «стилем како-го-то совкового секретариа-та».

Арсений Прохожий, «на черта похожий, но чем-то немного похожий на Бога», от своих 333-х отказался в пользу бездомных кошек; заявил

также, что «подлее человека зверя нет», на что из зала было гаркнуто: «Нас оскорбляют!»

Скандал все равно не удался. Потом Лев Щеглов долго защищал главного: Эдмунду Феликсовичу Иодковскому одни не могут простить лояльности («Едем мы, друзья, в дальние края!...»), другие — диссидентства (кошунственно перевернутое имя-отчество). Издатель газеты Глеб Поздняков делится мечтой сделать газету «одновременно элитарной и популярной»; главный же распространитель Ахмет Саттар поведал, какие ищет пути: выглядывает в метро интеллигентные лица и «распространяет». Потом почему-то добавил, что Высоцкий «был бы сегодня с нами, и даже в редколлегии «ЛН». Конечно, с вами, ведь лозунг газеты: «Талант — единственная новость, которая всегда нова», а Высоцкий — талант.

Старый book лучше новых двух

НЕ ПУСТОЙ ДЛЯ СЕРДЦА «ЦЫК»

Пусть и в мягкой обложке, но двухтомник; Аделаида Герцык: стихи («отзвуки пувильского плача Ярославны» по Вяч. Иванову), эссе, очерки; вот, собственно, и все наследие тишайшей «се-

ребряной» поэтессы, любовно собранное внучкой — Татьяной Жуковской.

Когда-то критика поминала Герцык рядом с Ахматовой и Гиппиус, ее хвалили Бальмонт и Анненский, Брюсов и

Волошин; потом забыли; старое судакское кладбище снесли в 70-х; имя ее растворилось в молчании полынных плоскогорий Крыма; зазвучало вновь благодаря Дому Марины Цветаевой и Обществу «Возвращение».

На презентации говорили о муже Герцык — Дмитрие Жуковском, меценате и издателе «Вопросов жизни», приятеле Врубеля и члене «Освобождения», «брате» Кучуко-Коя; о сыне — Данииле Жуковском, чьи оригинальные работы по поэтике напечатаны в № 4 «НЛО»; маленький Даня спрашивал: «Мама, почему мне так плохо?» Мама отвечала: «Потому что у тебя нет творчества».

Смотрели слайды с видами

Судака: «таяние гор в голубом плену», «пепельная земля», «лиловые звездочки иммертелей»... «Из этих откровенней пустынного мира выщепывались ее стихи, — пишет Глеб Шульпяков, — и кто знал ее — называл пророчицей, вещуньей, Сивиллой, и когда она шла, то мостовая под ее ногами зацветала побегами тайн и мистери-й».

Судьбы «женской поэзии» — причудливый ткацкий узор литературы. Киммерийским кантом проходят по ее образу ритмы и рифмы Герцык — и степные узоры шатров перекликаются здесь, на стыке, с греческим стройным орнаментом. Таковы привилегии женского рукоделия».

Вookалея

ПОНТЫ, ПОНТЫ, ПОНТЫ...

«ИМА-пресс» издала величайшую книгу XX века: Рэмон Кено, «Упражнения в стиле». Сюрреалист и теолог, автор пресмешной «Зази в метро», решил как-то поприкалываться и рассказал одну и ту же историю на сто ладов: кратко и обстоятельно, между метрами и отрицаниями, сонетом и синкопой, в стиле Кортасара и в стиле графомана; Маше Головановской, переводчику — наши соболезнование и преклонение.

Но вот ужас: история-то совершенно неинтересная. Пересказы забавляют до пятого, далее просто впечатляют, наконец, утомляют. Идея грандиозна: сколько людей — столько и стилей, сколько стилей — столько и искусства. Вывод блестящий: можно написать еще сто вариантов. И все они будут также скучны. Упражнения проходят в школе, чтобы потом суметь найти каждому слову его единственно верное место. Это, конечно, некоторым образом тоталитаризм, но кто сказал, что искусство имеет что-нибудь общее с демократией?

Кено попытался похоронить критерий; когда стилей сто — количество приобрета-ет значение качества; са-

Рис. А. Черякова

ма эта возможность оказывается эстетикой. Когда в книге как бы ничего нет, это самое «ничего» провоцирует дальнейшее размножение, пустота затягивает. Вокруг «никакой» книжки устраивается грандиозная пляска: блистательный Андрей Бильжо рисует сотню «никаких» рисунков плюс нестандартный формат, белейшая бумага, супер, соответствующая цена (10 тыс за «ничего» — это уже «что-то»).

Очаровательно пустую метафору так приятно набивать чем заблагорассудится: из контекста тащат пуговицу (хотя мог бы быть взят вок-

Book — это третье мое плечо

«НО ЗАТО ДУЭТ ДЛЯ СКРИПКИ И АЛЬТА!»

Компания у Давида Самойлова была дай Бог; напитки соответствующие; суета, увы, тоже наличествовала. Но зато: какие дуэты для Никитиных! Правда, на вечере памяти поэта, устроенном «Русским лицеем», Сергей справлялся один; пел глубоко милые нашему сердцу песни про зиму, что звали Анной...

Юрий Левитанский призывал не беспокоиться, что поэзия сменила адрес (Лужники на Трубники); Исай Кузнецов заметил, что в «борьбе» Самойлова со Слуцким

(интимного с общественным) всегда побеждал первый; Анатолий Черняев, сообщник Горбачева по «форосскому сидению» и одновременно одноклассник Самойлова, трогательно рассказал о том, как «Дезик» уводил у него девушек...

Лидия Либединская назвала поэта «знаменем своего поколения»; Андрей же Вознесенский ратовал за «внепоколенность» и вообще ужасно растрогал публику, молча высидев на не своем вечере два часа и помянув себя в речи всего три раза.

Если book оказался вдруг...

ОБРЯД ПО КАРТОЧКАМ

Нынче мы начинаем отсчет новой эры для всего, что так или иначе связано с именем Льва Рубинштейна. Необалет Саши Пепеляева «Время идет» восполняет в одиночку всю ленивую холодность науки и прессы к Каталожных Дел Мастеру. Труппа Кинетического театра играет не карточки, не сюжеты и не темы; квазиталмудическая (Д.А.Пригов) литература Рубинштейна находит квазирелигиозное визуальное воплощение (чего стоят хотя бы экзотические фрагменты балета, с очевидностью, пусть и опосредованно, ориентированные на сектантскую пластическую практику).

Воля цадика святая и ненарушима, все — от понимания атомарности мира до порядка в колоде — должно быть благоговейно сохранено. Развивая и продолжая до размеров двухчасового балета собственный жест Рубинштейна, переключившего карточку за карточкой, Пепеляев строит новый обряд, в котором бумажные прямоугольнички — абсолютная модель: игральные

карты и карты Таро, опадающие листья и экзаменационные билеты в рай.

Перебор рубинштейновских атомарных ситуаций адекватно воспроизведен перебором атомарных практик пластических дискурсов, если угодно. Северный миманс а-ля Ярмольник здесь не лучше и не хуже, не более и не менее представительен, чем прямые цитаты из Бежара или классической постановки «Кармен-сюиты».

Рубинштейн — автор либретто в новом смысле. Неправда, что А.Лучков играет, а Е.Хмара танцует нечто, имеющее касательство к изначальным текстам. Основа балета — философия, преподанная Львом Семеновичем потомкам. С тем же успехом (и столь же адекватно!) могут существовать кабаре «Рубинштейн», завод им. Рубинштейна или система-фуд «Время идет».

Чего с нетерпением и остаемся ждать.

Александр ГАВРИЛОВ

зал Сен-Лазар и все действие устроено не на Котельнической набережной, а на Римской площади), пуговичная фабрика приглашается в спонсоры, пуговицы начинают пришивать, открывать, метать, покупать, запекать в пироги... Как намечено в прог-

раммке, «публика веселится». Танцует, пьет глинтвейн, лениво внимает Битову, Глоцери, Иртеневу; утомившись и измещавшись, падает в кресла, и тут ее добирают «Скромным обаянием буржуазии».

Book от семи недуг

ВЕТЕР СИЛЬНЫЙ, «СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ»

«Северо-Запад», который был всегда вчера и только по пять, наконец-то материализовался в Москве. Раздача слонов началась: книжки «СЗ» продаются в 15 магазинах; только что открыт офис; официальный представитель издательства в Москве — Денис Веселов; прием идей, похвал и по личным вопросам — круглосуточно, на Пятницкой, в редакции «Иностранной литературы».

Едва акклиматизировавшись, «СЗ» устроил презентацию книги Арсения Тарковского «Благословенный свет» (первенец серии «Библиотека русской классической литературы» новой программы «1000 лет русской литературы»). Цветаевский дом был полон; Лариса Миллер, как водится, предавала анафеме «духовную атмосферу нашего времени»; выступала дочь — Марина Арсеньевна, составитель книги (в отличие от трехтомника Тарковский представлен здесь хронологически; восстановлено много цензурных правок); ну а подлинным, не побоимся этого слова, откровением вечера стала «Бабочка», положенная на музыку Галиной Ларской.

Вторым номером в той же серии вышли «Столбцы»; в предисловии Алексей Пурин зачем-то клеймит позднего Заболоцкого «постмодернизмом»; зачем-то дает куцые примечания — лишь где да когда впервые; во всем остальном книга прелестна.

В этой же серии, но уже большим форматом, вышел том прозы Брюсова. Публика стосковалась по большим книжкам, а тут — 70x100, да

в 900 страниц: красота. Книга занятно оформлена, есть и первопубликации, и Ходасевич довеском; и пусть вас не вводит в печаль траурная рамочка вокруг фамилии составителя: историю этой мистификации мы надеемся вам еще рассказать.

Мощную конкуренцию этой серии составила «Сфера»: ее открыли «Песни невинности и опыта» Блейка и «Стихотворения» Киплинга. Сергей Степанов попытался перевести Блейка принципиально цельным, сочтя маршаковские переводы «упрощенными», а двуязычный том 1982 года — составленным «без учета единой концепции»... Дай Бог, чтоб «Северо-Запад» и впредь мог позволять себе подобную «вкусовщину», но все же «немонополизированный» Киплинг смотрится лучше. Впрочем, и тут можно спорить, кто точнее справился с его сленгом; мы бы, например, предпочли «Молитву влюбленных» в пронзительном переводе Симонова... Отметим блестящее предисловие Валерия Дымшица: актуален ли «милитарист» Киплинг в наше демократическое время?

В наимоднейшей серии «Ex Libris» вышел последний том Кортасара и первый том Гессе; на очереди — Музиль и Кафка: тоже четырехтомники. В «Зарубежной беллетристике» изданы забавные романы перуанца Марио Варгаса Льюсы... Впрочем, более подробно о планах и людях «Северо-Запада» мы расскажем в одном из ближайших номеров.

Михаил СМОЛЯНИЦКИЙ

ОПРАВДАТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО АЛЕКСАНДРА ФЕКЛИСТОВА

«Он у нас оригинален, ибо мыслит» — так, словами Пушкина о Баратынском, вполне уместно начать разговор об актере Александре Феклистова. Пожалуй, можно сказать, что в Феклистова нет почти ничего актерского — ничего манкого, пóлого, женственного, зыбкого, расплывчатого, скользкого, раздвоенного, подмигивающего, хихикающего, глумливого, обезьяньего; никакого «актерского обаяния»: голос — как сухих крошек набрал в горло, фигура плотная — но атлетом напоказ не назовешь. Ничего актерского — в актере: возможно, язык нищ, и стоит обогатить его другим определением.

Он родился в 1955 году в Ленинграде, отец — военный, мама — инженер. Детство прошло в Коломне, в 1969 году семья переехала в столицу, а в 1971-м старшеклассник Феклистов пришел в студию на Красной Пресне, к Вячеславу Спесивцеву. После школы ни в один театральный вуз его не приняли. Он работал на заводе, учился в педагогическом институте, а в 1978 году все же поступил в Школу-студию МХАТ на курс Олега Ефремова. В 1982 году был принят во МХАТ, где проработал шесть лет. Еще во время учебы вместе с однокурсниками Михаилом Мокеевым

и Романом Козаком сделал спектакль «Эмигранты» — московскую легенду, символ подпольного, подвального театра 80-х. Снимался в кино, в том числе в популярном фильме о первых днях войны «Отряд», в «Странной истории доктора Джекила и мистера Хайда», где был партнером-«двойником» Иннокентия Смоктуновского, в советском телесериале о БАМе «Лучшая дорога нашей жизни», в «перестройку» — в лентах «Плюмбум, или Опасная игра», «Шура и Просвирияк», после «перестройки» — в «Прорве». Покинув МХАТ, работал в театре-студии «Человек», затем — в Пятой студии МХАТ и в театре им. Станиславского, играл в спектаклях Романа Козака «Маскарад» и «Дон Кихот». В прошлом сезоне в антрепризе агентства «Богис» сыграл с Олегом Меньшиковым спектакль «N — Нижинский». В этом сезоне в той же антрепризе играет спектакль по «Шинели» Гоголя — «Башмачкин». Играет один.

Не снискал никаких призов, премий, ни званий, ни популярности у пионеров и школьников. Заработал безупречную профессиональную репутацию и кое-что сверх нее. Об этом «сверх» и речь.

— Вы почти не даете интервью. Почему?

— Не очень люблю. Я... плохо формулирую. Вне живого контекста выходит глупо. И вообще я считаю... мое глубокое убеждение, что даже спектакль должен выходить без фамилий. Со мной никто не хочет соглашаться, но свою фамилию я бы не давал.

— Это средневековый какой-то под-ход: анонимное творчество.

— Ну а что? Мы ж не на свои имена работаем. Для другого работаем.

Замечательна его интонация. Передать ее сложно, а между тем в ней вся суть. Этот тихий голос, этот полувнятный придыхающий смехок, которым смягчается любое утверждение, хоть в малейшей степени отдающее непреложностью. Смехок звучит очень-очень часто — потому что Феклистов говорит всерьез все, что говорит. В сущности, он дидактик и моралист, этот светловолосый человек с лицом русского разnochинца: высокий лоб с залысинами, жесткая лепка щек и скул, твердый, но и чуть мечтательный взгляд, полные «добрые» губы. О хороших актерах известно, что, взрываясь на сцене, в повседневном общении нередко кажутся они

людьми невыразительными. Лицо Феклистова, на сцене являющее чуда подвижности, в разговоре почти статично. Но никакой противоположности нет: ведь и на сцене, вне зависимости от роли, сквозь любую мимику, сколь угодно гротескную, проступает тот же отблеск. «Он у нас оригинален, ибо...» — ибо пытается думать, да притом не навязываясь.

— Вам приходится в последнее время отказываться от работы?

— Ну, сейчас все меньше, особенно в кино, где раньше я отказывался часто, иногда с сожалением: не люблю совмещать кино и театр. Теперь предложений сниматься гораздо меньше. А от театральной работы приходится отказываться и сейчас.

— Почему?

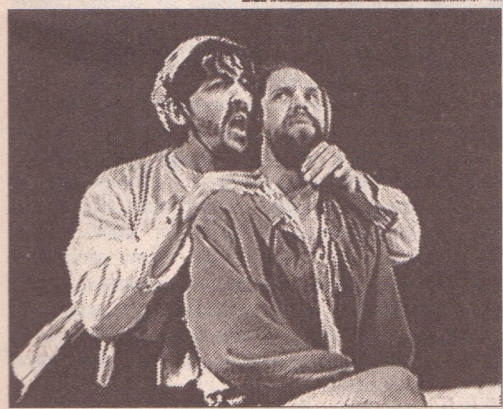
— Я придумал себе такую формулировку для отказа — она очень хорошо действует. Я говорю, что хочу не «играть роли», а «оформлять идеи». То есть это на самом деле близко к истине. Не хочется исполнять роль, хочется ну... жить в ней. Интересно каждый раз пытаться создавать не новый спектакль, а новый театр.

Если считать с начала, с отрочества, то Феклистов уже больше двадцати лет на сцене. Это очень долго, и он отдает себе отчет в том, как много видел. Истовое, почти исступленное сектанство спесивцевской студии; Школа — не столько Ефремова, сколько — шире — грузного мхатовского умирания; подвал на Бауманской, куда внутренние эмигранты, передаваемые из рук в руки, добивались смотреть пьесу «про себя»; студийное братство с однокурсниками-друзьями; неудачная попытка прижиться в театре Станиславского; наконец, продюсерский гений Галины Боголюбовой, руководителя агентства «Богис»... как много способов делать театр перепробовал Феклистов! Почитай, все возможные. Поразительно, что весь этот опыт сказывается в его теперешней игре — причем в позитивных, утвердительных своих сторонах. Редкий пример способности к отбору и усвоению лучшего. В его Башмачкине виден и мрожековский работяга, и крутолобый мученик сыдыли Арбинен, в круглых очках и неловко сидящем фраке, и бродяга Владимир из «В ожидании Годо», и сердитый скептик Санчо из «Дон Кихота».

Да, Феклистов — актер конца века, и его работа чрезвычайно искусна. Да, ему знакомы ухищрения ремесла, с помощью которых зрите-

А.Феклистов (X) и Р.Козак (У) в спектакле «Эмигранты» по С.Мрожеку

И.Золотовицкий (Дон Кихот) и А.Феклистов (Санчо Панса) в спектакле «Дон Кихот» по М.Булгакову

А.Феклистов в спектакле «Башмачкин»

Фото В.Баженова, И.Кравченко, В.Плотникова

ля щекоочут или тормозят. Но он не щекоочет и не тормозит, и это необычно. Раз за разом эпоха вынуждает его играть людей, пребывающих, так сказать, за гранью человеческого. Эпоха, которая от рождения больна: мир силы и чувственности она считает скверным и разрушительным, а мир морали и разума — обанкротившимся, если, конечно, имеет о нем понятие. Но Феклистов-то здоров — вот в чем дело, и болезненная раздвоенность для него не данность, а проблема. И там, где другие вязнут в домодельном подсознании, либо в «валтасаровых пирах» нарисованной плоти, либо, того хлеще, пускаются печь в прокопченной «духовке» жесткие моральные пышки, — там Феклистов с упорством начинает свой кропотливый поиск положительных начал. Минутами в Феклистова и впрямь виден его учитель Ефремов: актер, способный говорить с людьми со сцены от своего лица. Все то, что было и есть в шестидесятиничском, вообще русском интеллигентском театре достойного и привлекательного — тонкость чувства без слащавости, интеллектуальная напряженность, готовность говорить о существенном при отсутствии подлой боязни показаться неуклюжим — все это оживает в игре Феклистова с удивительной естественностью. Интеллигентский пафос вмещающий вновь получает оправдание — и как раз тогда, когда особенно нуждается в нем. Именно таким оправданием было существование Феклистова в «Нижинском» — спектакле талантливым, но ощущению тронутым порчей и едва-едва не соскользнувшим в неоправданную пошлость. Чего бы стоил блестящий Олег Меньшиков, чей Нижинский потакал пресловутому представлению о «художнике-гении-безумце» слишком явно, чтобы не вызвать желания дернуть за эти торчащие уши, когда бы рядом не было феклистовского героя с его настороженностью, с его основательностью? Феклистов играл Сальери — не завистливого отравителя гениев, а их истинного поклонника, в конечном счете — создателя. Такого Сальери воспел Манделштам, от такого почитателя, оттолкнувшись, совершил свой прыжок в свободу Нижинский Меньшиков.

— Вы не входите ни в какой театральный коллектив и в новом спектакле играете один. А между тем десять лет назад корпоративный дух был очень для вас значим, идея поколения была своеобразным «тараном» в борьбе с рутинной. Долгое время имена — ваше, Романа Козака, Дмитрия Брусникина, других ваших соратников по Пятой студии МХАТ — почти всегда упоминались вместе. Теперь времена изменились?

— Внутренне мы не разрушили связей. Продолжаем, там... встречать праздники вместе. Преподаем вместе в Школе-студии. Но вообще, наверное, да — дух ушел, все подразвалилось. Раньше мы группировались вокруг Козака, а теперь Брусникин сам ставит, Игорь Золотовицкий преподает в Париже, Егор Высоцкий в Германии живет... Мы, конечно, ощущаем себя людьми одного поколения, хотя... все сильнее и сильнее чувствую острые углы друг в друге. Поскольку творческие инте-

ресы часто расходятся. Впрочем, не исклочено, что мы можем сойтись опять — есть такие планы.

А что касается коллектива... Я все время талдычу в своих редких выступлениях, что меня совершенно не устраивает нынешняя система театрального производства. Она складывается таким образом: в 11 часов приходят люди на репетицию, в два-три все заканчивается, вечером спектакль — или его нету, и репетиции тоже часто нету. Все растягивается на месяцы, декорации вовремя не готовы, играть уже ничего не хочется, и энергия уходит в буфет. Я вот встретил тут Станислава Андреевича Любшина, и он спрашивает: «Ты не хочешь во МХАТ вернуться?» Я говорю: «Нет, как-то не хочу играть раз в месяц». А он: «Вот я тоже — как выйду на сцену раз в месяц, так думаю: умру или не умру сегодня?» Ну — как это? А в агентстве мы по 8—10 часов репетируем, и вся жизнь фактически посвящается этому: весь досуг, все книги. Полноценная жизнь. А выпустив спектакль, играем каждый день. Удачно, неудачно — но спектакль становится крепким.

— А то, что ваш камерный спектакль видит лишь узкий круг людей, не удручает?

— Камерность — не причина: на «Нижинского» было невозможно попасть, хотя мы и не старались подладиться под интересы публики. И тут не старались. Я хотел говорить на своем языке, был готов даже к конфликту со зрителем. Вообще, «мир» для меня — прежде всего друзья, и в этом смысле я как раз спокоен: «Башмачкин» не прошел для них незамеченным. Но то, что зрителей пока мало, все же удручает. Это болезненная ситуация, я ее еще не проанализировал.

«Башмачкин», авторами («сочинителями») которого вместе с Феклистовым значатся, как и в первом проекте «Богис», Алексей Бурыкин и Олег Меньшиков плюс Игорь Золотовицкий, — событие с «Нижинским» просто несоизмеримое. Говорю — пользуясь различием Феклистова — не о качестве исполнения, но о степени проживания. Разница наглядна: она — между массивными с виду, но дутыми, легко валяющимися колоннами (декорацией «Нижинского») и уникальным, вручную собранным Сергеем Якуловым крохотным павильоном «Башмачкина». Акакий Акакиевич заключен в пределы тесной платформы, поделенной надвое; открывая дверь своей комнаты, он сразу попадает в хождий на стоячий гроб закуток своей службы. Ящики его шкафа с другой стороны суть канцелярские ящики; невыразимо пыльный, червиво-землистый цвет жилища сменяется ядовитым серо-стальным с прозеленной прозеленью цветом «одного департамента» — вот и все отличие. Прочее сходно: Башмачкин беспробудно пребывает во власти незримых сил. Его замкнутый мир совершенен, как смерть. Или как гротеск — художник Якулов и актер Феклистов, возможно, читали работу Бориса Эйхенбаума

«Как сделана «Шинель» Гоголя», где как раз трактуется об удушающе-суженном гротескном пространстве. Ужас, но и гробовая привлекательность этого мира — в полной завершенности и доскональной изученности мировых законов. При топании о такую-то половицу распахивается вон та дверца, а при надевании очков больно цепляется правая бровь; в течение служебного дня бумаги лезут из ящиков с ускорением известной величины, а в конце дня сверху сыпятся бумажные клочки и следует сказать: «Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?» Бумажная шинель «какого-то рыже-вато-мучного цвета» поистерлась на плечах, но делу можно пособить, поставив заплаточку.

Что-то вроде «единства с природой», что-то похожее на «естественного человека» — не так ли? Башмачкин есть лишь один из предметов мира, равнозначный остальным: до поры Феклистова так и ведет игру, сдержанно пользуясь мимикой, обращая внимание на себя не больше, чем на отлаженный механизм мироздания.

Хрупкий «золотой век» рушится — весь, сразу; он и не может погибать по частям. Собственно, спектакль — о рождении человека. В Библии эта история связана с женщиной и называется грехопадением. Но, может быть, познание и соитие как раз утвердительно? как раз оправдывают? Может быть, белая струящаяся ткань новой шинели (эмблема женственного), которая возникает внезапно в дверном проеме, — может быть, она — благо? Ведь лишь с нею всегда согбенный Башмачкин смог выпрямиться, смог почувствовать полет, раскачиваясь на огромных нестрашных чучелах, а затем, ограбленным, все потерявшим, — встать на сундук и потянуться куда-то вверх. За вычетом мира остается человек: простая арифметика, если решиться.

Феклистов тонкими, четкими линиями вычерчивает кривую чувств своего героя: не актер, а осциллограф. «Мимика смеха сменяется мимикой скорби» совсем по Эйхенбауму, но понята и выходящая за пределы внешнего приема подоплека гоголевского текста. Башмачкин, изъяснявшийся «большею частью предлогами, наречиями и, наконец, такими частицами, которые решительно не имеют никакого значения», прислушивается к чистому детскому голосу, диктующему алфавит: вот и надежда, вот и просветление со спасением. Безыллюзорное, современное понимание таинства человека — без метафизических сусальностей: тайна — в языке, язык — и есть человек. Грандиозная мистерия языка, инсценируемая Гоголем, получает исполнителя. Нет — оформителя идеи. Вновь Феклистов рассказывает о человеке, находящемся за пределами человеческого, и вновь помогает ему родиться.

— Я знаю, что лет десять назад вы с друзьями хотели сделать спектакль «про себя» — что-то вроде исповедального хепенинга: европейскому театру такой жанр известен. Вы записывали на магнитофон свои воспоминания, суждения. Тогда оформить материал не получилось. А если взяться за подобное дело теперь — в чем будет разница? О чем пойдет речь?

— Да, думаю, о том же самом. Ведь предполагалось, что наши «сценарии» начинаются с детства. В принципе, сегодня можно к этой идее вернуться. Дело в том, что... (Долго молчит.) Театр — это, кроме всего прочего, такая жизненная ниша. Поэтому поиски и выбор театрального языка — это выбор способа жизни. Тот спектакль предполагал стирание грани между сиюсекундным собой и театральным представлением. Мы думали о том, чтобы можно было делать ошибки, оговорки, смеяться во время спектакля, не держась за роль. Как бы пытались разрушить грань между ролью и человеком. То есть пытались вслепую подойти к тому, чем занимается Анатолий Васильев. Как рассказать о себе объективно? Как найти для себя театральную форму? — на этом лезвии очень трудно удержаться

всегда. А разница?.. Ну что ж, раньше «Эмигрантов» мы играли в подвале, нас не пускали за границу и водили в КГБ. Но и тогда мы занимались чем хотели. И теперь я, в общем, в том же положении, что и в 83-м году. Не хожу ни на какие «Знаки Зодиака», почти не езжу на кинофестивали. У меня есть друзья, есть режиссеры, которые продолжают звать меня в свои работы... Трое детей моих пока по лавкам от года не плечут. По-моему, достаточно.

Он еще вспоминает, как отец всего два года назад решил рассказать, что его семья была репрессирована («Ну, отделались легким испугом — выслали их с Украины на три года на Север»). Рассуждает о том, что «чернуха» — уже не только пройденный, но и подзабытый этап и теперь было бы интересно взять «фон «чернухи» — и показать, где же мы красивые, доб-

рые и умные...». В небольшом зале на малой сцене Театра им. Гоголя слышны мелодичное бульканье, какие-то призрачные переливы и трезвый стук — прогоняется фонограмма и одновременно ладится сложная машина декорации. Бригада агентства «Богис» за работой; меньше чем через час Феклистов на утлом лоскутке пространства оформит одну простую идею. Ту, что человек есть странное животное — прямоходящее, двуногое и без всяких перьев. Ту, что человек есть. «Он был бы оригинален и везде, ибо мыслит по-своему, правильно и независимо, между тем как чувствует сильно и глубоко. (...) Никогда не старался он малодушно угождать господствующему вкусу и требованиям мгновенной моды, никогда не прибегал к шарлатанству, преувеличению для произведения большего эффекта...» (Пушкин. «Баратынский»). Дальнейшее — по тексту.

ДИКИЕ ЖИВОТНЫЕ СКАЗКИ

АЛАЛИЯ

ЛЮДМИЛА ПЕТРУШЕВСКАЯ

Бывало-живало, как говаривала козлова бабушка Маланья, таракан Максимка потерпел поражение на чисто профессиональной почве, то есть по недосмотру принес домой пакет с новыми химикалиями для перепроявки негативов и спросонья сам же и съел.

Начал галлюцинировать, т.е. ему все казалось не так: жена с усами, дети голодные орут, в доме все как с городской свалки, посуда не мыта с обратной стороны, игрушки под столом, сандалики на столе, в ванной вообще белье засолено с прошлой весны, занавески вверх ногами изначально, обои пожрали двое домашних животных, карликовые муравьи Хна и Сенна.

Потолок с какого-то праздника вообще на голову лезет (казалось таракану Максимке), пол, наоборот, всходит пузырями, как поверхность Луны, таракан Максимка даже бессильно плакал ледяными слезами, накрывшись подушкой.

День плакал, на работу не ходил, перешел жить под кровать к карликовым муравьям Хне и Сенне, и они, Хна и Сенна, жалели его и облизывали, топтали его, как родную мать.

Врач-ветфельдшер кондор Акоп, придя уже в раздражении, под кроватку не полез, ответов на вопросы не дождался, поставил диагноз «алалия», то есть хрен знает что, а таракан Максимка после такого разговора лег вообще за обои, так ему влетело в голову, алалия есть алалия.

Однако жена, таракан Сильва, не сдалась и вызвала бабушку-костоправушку жука-солдата тетю Лиду.

Жук-солдат тетя Лида пришла с бидоном гнилушочки, растерла больного, сплюнула над ним, подала внутрь стакан, пошептала заговор «уон ту цри о клок фор о клок, рог» или что-то вроде того, поклонилась на левый Толика козла рог, висящий на обоях вне досягаемости детей (нашелся в лесу под ракитовым кустом), и взяла гонорар химикалиями.

И только после этого таракан Максимка крепко заснул, потом проснулся как ни в чем не бывало, обнял жену, пощекотал усами детшек, погулял с Хной и Сенной и побежал на работу.

Все-таки народная медицина на подъеме.

Предыдущие «Дикие животные сказки» читайте в №№ 22—52, 1993 г. и в №№ 1—12, 1994 г.

Андрей ВОЛОС

МУРЗИК

Шумела весна, стояла теплынь, солнце светило с яркого неба, а у нашего Мурзика была чумка, и он умирал.

Он расслабленно лежал в углу дивана на сложенном вчетверо байковом одеяльце. Нос был сухой и горячий. Полузакрытые белой пленкой глаза безучастно смотрели куда-то в стену.

Я осторожно касался пальцем потускневшей, свалевшейся за время болезни шерсти.

— Мурзик! — тихо звал я. — Мурзик!

Глаза все так же смотрели в стену. У него была чумка, а коты от чумки умирают.

Чтобы не нагнетать лишнего напряжения, скажу сразу, что он, слава богу, не умер. То есть что значит не умер? Теперь-то его все равно уже нет на белом свете — слишком много прошло лет...

А к нам Мурзик попал совсем маленьким, чуть только не слепым. Не буду распространяться о том, каким он был славным в этом нежном возрасте. Котята все смешны и похожи: все они примерно одинаково скачут за бумажкой на ниточке, валяются по полу, кувыркнувшись с разбегу через голову, охотятся за тапочками, горбятся, грозно идут боком вприпрыжку и, припрыгав почти вплотную, вдруг, дико вытаращив глаза, совершенно по-человечьи встают на задние лапы, широко раскинув передние, точно как делают это старые друзья, случайно встречаясь на улице.

Потом он вырос и превратился в большого боевого кота. В сущности, ничего примечательного в нем не было — самый обыкновенный кот самой плебейской тигриной расцветки. Серенький в полоску.

Жить ему у нас было хорошо. Холеный, закармливаемый, летом и осенью он был толст, медлителен и вальяжен, ступал с достоинством. Окном в мир, равно как и дверью, ему служила форточка. Он часами сидел на ней, рассматривая шевеление листьев и прыгающих в пыли воробьев, а потом вылезал наружу.

Все окна первого этажа в нашем большом доме были забраны решетками. Нагулявшись, Мурзик молча вспрыгивал с земли на оконный карниз, несколько времени топтался на нем, глядя вверх, на форточку, примеряясь и нервно перебирая лапами, наконец отталкивался, норовя попасть головой в одно из ромбических отверстий ре-

шетки, а затем неистово продирался внутрь, скребя когтями, мучительно сплющиваясь, кособочась, на воровской манер протискивая сначала одно, а потом и другое плечо.

В середине зимы Мурзик начинал гулять. Скоро бока западали, глаза на сухой морде начинали светиться сумасшедшим огнем, весь он покрывался какими-то болячками и шрамами, заработанными в полном соответствии с дуэльным кодексом: он совершенно терлал рассудок и превращался в жалкое безмозглое существо, способное только пьяно орать по ночам.

Зато когда он теперь ненадолго заглядывал домой — вроде как на побывку: помыться, побриться и вообще передохнуть перед новыми боевыми действиями, — решетка уже не представляла для него серьезного препятствия — он змеился сквозь нее словно куница.

Мать встречала его попреками:

— Пришел! Явился не запылится! Где шлялся три дня, дурак старый?! Гуляешь все! Смотри, догуляешься! Прибьют тебя где-нибудь!..

Мурзик ковылял за ней по кухне, с яростным мурлыканьем бодал ноги. Наконец она ставила на пол мисочку. Сиротски выставив острые лопатки, он припадал к ней, косясь по сторонам, глотал, давился, жевал, хрустя попадающимися на зуб жилами и выворачивая голову то на один бок, то на другой. Когда миска пустела, он некоторое время одурело сидел перед ней, потом отходил пошатываясь, садился возле шкафа. Начинать было послеобеденный туалет, вылизывал один бок, но тут силы его покидали. Он плелся в комнату и засыпал по-солдатски — то есть где сон сморил, там и повалился...

Надо сказать, что сейчас, много лет спустя, вспоминая его и, значит, зримо представляя себе, как он ходил, как вспрыгивал на колени, как щурился и вытягивал пушистую шею, если кто-нибудь из нас почесывал ему подбородок и горло, как ярился, как суживал глаза и бил лапой, когда я, играя с ним, доводил его до такого бешенства, когда в его злобном взгляде сквозило горестное сожаление о том, что он не может стать на минуточку тигром, чтобы сожрать обидчика, — представляя себе его сытую степенность, невозмутимую холодность, барскую походку и то искреннее изумление, которое неизменно воцарялось на усатой физиономии, когда он об-

наруживал, что опять кому-то до него есть дело, — представляя себе все это, я не могу отделаться от ощущения, будто речь идет не о коте, а о человеке.

Так устроено воображение. Наверное, мы не смогли бы испытывать к животным ни любви, ни жалости, если бы не полагали, что они мыслят и чувствуют так же, как мы сами: как люди, но люди небольшого роста и не вполне самостоятельные, забывчивые, требующие нескончаемых напоминаний и повторов одного и того же даже в тех случаях, когда, казалось бы, все можно отлично запомнить с первого раза; людьми, о которых всегда приходится заботиться и наставлять на путь истинный. Людьми — но не взрослыми. Короче говоря, мы числим их детьми.

Примеров тому — легион, хоть никто, как правило, не отдает себе в том отчета. Мне рассказывали об одном человеке. Он, твердо зная, что у него живет не ребенок, а шотландская овчарка, которая с течением лет, скорее всего, так и не научится говорить по-русски, по причине чего ее активный словарь не будет иметь большого значения, тем не менее жутко расстраивался, если в ее присутствии звучало бранное слово, и за квартал обходил пивной ларек, хотя был большой любитель пива, и вдобавок кратчайшая дорога к парку, где они каждый день гуляли, лежала именно мимо ларька. Другого я знал лично, и он, немного подгуляв в дружеской компании, под занавес просил пару-другую зерен кофе, чтобы зажевать запах спиртного: истово жуя, то и дело безнадежно махал рукой и сокрушенно повторял: «Черт возьми, вот ведь не хотел пить, не хотел... Все равно ведь Семен учует... Его не проведешь... Неприятно, знаешь... Будет думать, что я алкоголик...» Поясняю, что Семеном звался его доберманпинчер.

Или, например, третий рассказывал, как они вдвоем с шофером поймали сурка. Это ведь довольно большой и смысленный зверь, толстый в зад; вид у него чрезвычайно мирный, будто он только из-за праздничного стола. Я их много видел. Всегда они сидят возле нор и посвистывают. Из рассказа я не помню, как его поймали. Может, замечтался, уши развесил на солнышке, а когда спохватился — поздно, его уже в мешок сунули.

Принесли к машине. Солнце садилось, степь розовела, холмилась, тени вытягивались по траве. Оба они были возбуждены и радостны — еще бы, удача такая, дуриком сурка поймать, — громко хлопали дверцами, переговаривались, и голоса по равнине летели далеко-далеко.

Машина у них была закрытая — УАЗик. Сурку все равно убежать некуда, поэтому его вытряхнули из мешка. Он забился в угол, стал озираться. Они посмотрели на него, еще немного посмеялись, а шофер даже подразнил палкой, и он бросался и фыркал. Потом шофер сел за руль, тот человек, что мне рассказывал, тоже уселся, и машина поехала. Поначалу медленно, переваливаясь и подпрыгивая на кочках, скоро на дорогу выбралась, прибавила ходу и стала уезжать все дальше и дальше от того места, где жил этот сурок. И было все это для него, должно быть, очень страшно. Сурок сел столбиком, как возле норы, это ему с трудом удавалось, сидеть столбиком, потому что машину трясло и качало, и он то и дело чуть не падал набок, переступал и горбился, — прижал передние лапы к глазам. А из глаз градом текут крупные частые слезы. И вот он сидит таким манером, трет кулачками глаза и горестно вскрикивает:

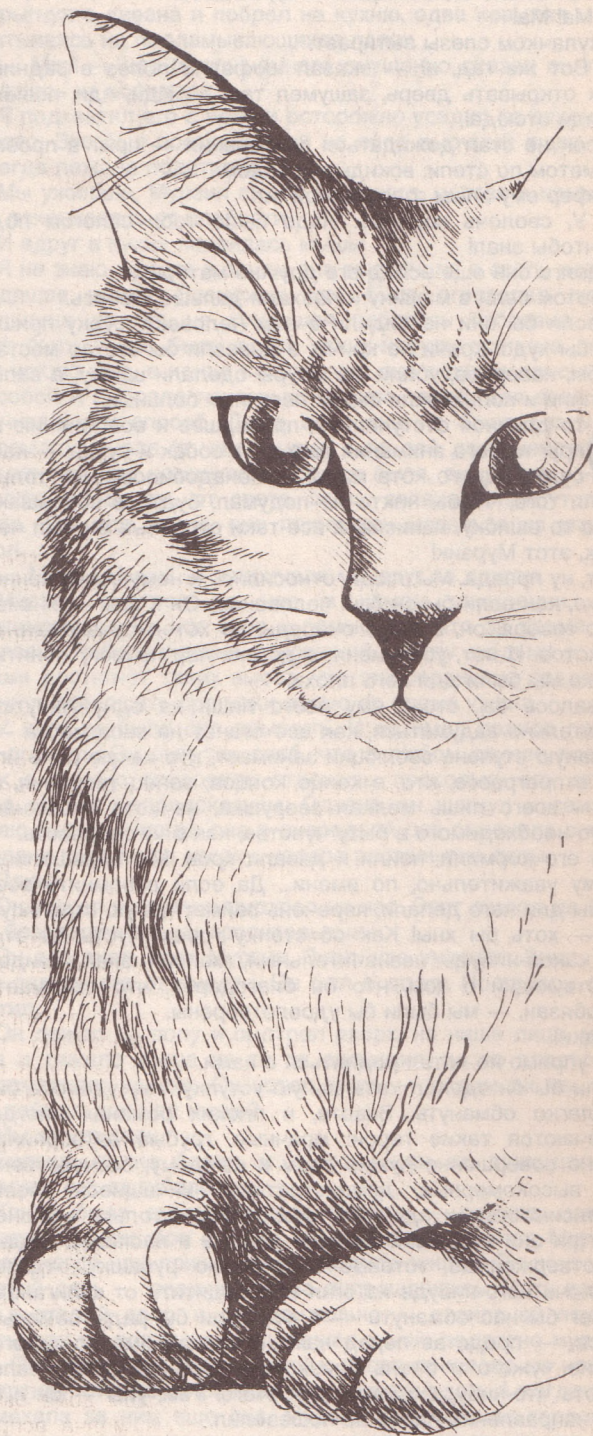
— Ma! Ma! Ma!

Ну просто все равно что «мама»!

Так они ехали минут пятнадцать или даже меньше, а потом шофер — суровый, даже жестокий человек, много всякой гадости повидавший на своем шоферском веку, — вдруг остановил машину:

— Да ну его к черту, крикуна! Давай выгоним!

И тот, что мне рассказывал, тут же согласился:

— А правда, ну его к черту!

А все дело было в том, что, когда они за ним охотились, он только царапался и бился и вовсе не был похож на человека. А теперь стал, да так, что мурашки по коже. Они оба его пожалели, но друг перед другом, как это бывает, жалости своей показывать не хотели. Поэтому вылезли из машины нарочито шумно, чертыхаясь — вот, мол, из-за всяких дурацких сурков то и дело останавливаться, когда времени нет, — грубо затопали по сухой пыльной земле сапожниками. А сурок свое:

— Ma! Ma!

И кулачком слезы вытирает.

— Вот же гад, а! — сказал шофер и полез в задний отсек открывать дверь, зашумел там: — Иди, иди, пошел вон, иди отсюда!

Сурок не стал дожидаться повторения — прыг в проем и шеметом по степи, вскидывая задом.

Шофер ему злым голосом кричит:

— У, сволочь жирная!.. Надо было тебя сапогом под зад, чтобы знал!

И долго они еще вслед его дружно материли.

А потом сели в машину и поехали дальше, смеясь.

А если бы они не видели в нем человека, сурку пришлось бы худо: кричи не кричи, а доездили бы его до места, там бы, наверное, убили, из шкуры сделали шапку, а сало вытопили и пользовали бы им легочных больных.

Это длинное отступление, приведшее к вовлечению в круг нашего внимания еще двух собак и сурка — как будто одного кота мало! — понадобилось мне только для того, чтобы никто не подумал, будто я совершаю какую-то ошибку, написав: а все-таки странный он был человек, этот Мурзик!

Нет, ну правда. Мы, люди, относились к нему совершенно так же, как если бы он был человеком. Он к нам — иначе. Грубо говоря, он, в свою очередь, не хотел признавать в нас котов. И вот, убей меня, я до сих пор не могу понять, чем же мы были для него плохи.

Казалось бы, стоит ему всего лишь на одну минутку внимательно задуматься, как все станет на свои места — кто какую ступень эволюции занимает, кто какую роль играет в прогрессе, кто, в конце концов, венец творения, а кто — всего лишь мелкая зверушка, начисто лишённая такого необходимого в быту чувства, как благодарность.

Мы его кормили, поили и давали кров. Мы обращались к нему уважительно, по имени... Да если вспомнить все, что мы для него делали, перечень займет целую страницу.

И — хоть бы хны! Как об стенку горох! Пусть бы это был какой-нибудь незначительный, мелкий знак, свидетельствующий о том, что он благодарен, что понимает, чем обязан, — мы были бы удовлетворены.

Дудки!

Он упрямо не хотел родниться с нами.

Если бы он сделал хоть малую уступку, ему удалось бы нас легко обмануть. Знаете, в плохих романах иногда встречаются такие герои: мрачные, грубые затворники, внешне совершенно чужие всем и каждому, бесчувственные, высокомерные, демонстративно кичащиеся своей независимостью и одиночеством... Но это только внешне, а внутри они в высшей степени добрые и ласковые люди, самоотверженные, готовые последнюю рубашку отдать, выволочь кого-нибудь из огня или защитить от хулиганов. Он мог бы нас обмануть — а мы были бы рады обманываться, — представ перед нами в образе именно такого внешне чужого и очень близкого внутри существа, если бы хоть что-нибудь сделал для этого! Увы, увы — он и в этом направлении лапой не пошевелил.

Он не хотел иметь с нами ничего общего, кроме еды и дома, не собирался уступать, и ни лести, ни ветчина не могли склонить его к признанию того факта, что все-таки мы немного похожи.

А если кто-нибудь начинал громко выговаривать что-нибудь в этом духе ему, дремлющему после сытного ужина, Мурзик, прекрасно понимая, о чем идет речь, едва разлеплял свои наглые, рассеченные грифельными зрачками глаза. Но отнюдь не поворачивал головы в сторону говорящего, не удостаивал его взглядом, а смотрел в эти свои щели туда, куда бог привел, — на пол так на пол, на миску так на миску. На его недовольной насупленной морде отчетливо читалось: когда ж ты замолчишь-то наконец! Если поток беспokoящих слов не прекращался, он, так и не раскрыв глаз хоть немного шире, лениво приподнимался, затем вспрыгивал на форточку и был таков.

На чем основывалось это бесконечное превосходство? Может быть, он был — или считал себя — умнее? мудрее? Не зря же, в конце концов, бытует убеждение, что кошки — мудрые животные. Один мой приятель любит рассказывать о своем коте историю, которая якобы свидетельствует о его (кота) безграничной мудрости и в какой-то степени о мудрости кошек вообще. История сама по себе очень простая. Уж я не знаю, какая в том была нужда, но как-то раз этот мой приятель лежал среди бела дня в постели с женщиной. Излагая историю, он всегда умалчивал о том, что и в какой последовательности выделял, только когда в конце концов перевернулся на спину, с понятным стыдом и трепетом заметил вдруг, что кот сидит прямо над его головой на шкафу и с ленивым любопытством наблюдает происходящее. «И в его глазах, — говорит мой приятель, и голос его начинает подрагивать от нешуточного волнения, — я увидел такую мудрость, такую ласковую снисходительность, такую мягкую насмешку, которую можно было бы прочесть разве что во взгляде отца, следящего за тем, как резвятся его глупые дети! Казалось, он говорил: да-а-а, что делать, жизнь такова, она и впредь будет подсовывать вам множество самых никчемных занятий!.. Что делать!.. Как мне винить вас, несмышлениши! Все пройдет со временем, а пока... пока вы юны, глупы и беззаботны, кровь туманит ваш слабый мозг, опыт еще не остудил сердце!.. Что делать, гуляйте, ребята! Хотелось бы, конечно, чтобы вы не плодили ненужных иллюзий и не думали, будто занимаетесь каким-то важным делом... Это пройдет, как прошло многое, слишком многое...» Вот каким содержательным взглядом смотрел кот со шкафа. Во всяком случае, так утверждал мой приятель.

Не знаю. Мудростью мы не мерились, а вот ограниченность своего ума Мурзик выказывал неоднократно. Так, например, он панически боялся кофемолки. Зато, как только представлялся случай, ярился и вопил, порываясь вступить в честный поединок с маминой мутоновой шапкой, коей то ли запах, то ли цвет приводил его в неистовство. Должно быть, он полагал, что им двоим — ему и шапке — тесно на земле, почему и стремился ее немедленно задушить. Шапку прятали, тогда он немного успокаивался и начинал горделиво рассказывать, словно боище уже состоялась и он вышел из него победителем.

Или вот нашел я однажды в горах здоровущий выполок — змеиную шкуру, сброшенную во время линьки. Она была длинная, сухая, полупрозрачная, блестящая и при каждом прикосновении издавала скрипучий шорох. Я скатал ее рулончиком и сунул в карман.

Когда я дома бросил ее на пол, где она стала с опасным похрустыванием разворачиваться, Мурзик взлетел на стеллаж и повис на самой верхотуре.

— Ну что ты, дурак, — сказал я, — это же просто шкура, она не кусается!

В качестве доказательства я пошевелил ее ногой, отчетливо она снова захрустела и зашевелилась. Мурзик обреченно напрягся и завел боевую песнь. Судя по всему, он решил живым не даваться и готовился продать жизнь подороже.

Но даже и в этот момент, изготовившись к самому худшему, он все же предпочел остаться независимым: не бросился ко мне за помощью, не прижался к ногам, как сделала бы в подобной ситуации собака... Что говорит? Собаки видят в людях себе подобных, и такой взгляд ничуть не оскорбителен, а кошки — нет, и почему-то это обидно.

В конце концов он спустился и подошел, обнюхал и даже потрогал лапой — сделал все это сам, без моей помощи, о чем недвусмысленно напомнил мне победно задранный подергивающийся хвост, когда Мурзик отвернулся и пошел прочь. При этом он подарил меня таким взглядом, словно это не он, а я битый час висел на стеллаже.

Вот такой он был странный человек, этот Мурзик: просто глупый сноб, презирающий людей за то, что они не являются кошками!

И лишь один-единственный раз он выказал нам свою благодарность искренне и преданно, как благодарят равных. Один раз за всю жизнь! Для того, чтобы рассказать об этом, мне придется вернуться к началу.

Итак, у Мурзика была чумка, и он умирал. Немного утешить нас могло только то, что сам он, по крайней мере, не знал об этом, ведь животные не имеют представления о смерти.

Иногда мне приходит в голову, что эта мысль выдумана людьми для того, чтобы снять с себя вину и оправдать ту легкость, с какой мы относимся к их жизни.

Ну, в самом деле, у кого бы смогла подняться рука хотя бы даже на барана, если определенно знать, что хоть и бессмыслен этот баран, косящий в сторону ножа розоватым выпуклым глазом, а все же и он, помертвев от испуга, возносит сейчас последнюю молитву, потому что знает: человек, нарочно повязавшийся заскорюзлым покоробленным фартуком, подойдет к нему, повалит наземь, больно придавит коленом и станет с силой водить ножом по горлу, пока наведенное только что лезвие не прорежет кожу и не вошьется в плоть; там уж недалеко до артерии, и кровь пылко ударит на воздух — в первый момент позванивая, словно молоко в подойник, а уж потом широкой свободной струей разбредаясь по соломе. Кто бы смог это сделать, если бы подозревал, что мохнатое четвероное так же боится смерти, как и он сам? Кто бы смог это сделать? Только убийца.

Но животные о смерти не знают. Смерть всегда где-то в будущем, а будущего они представить не могут. Будущего у них просто нет. Есть только настоящее — вот это мгновение удовольствия или муки. И, конечно, прошлое — правда, очень размытое, неясное, довольно убогое прошлое, все перепутанное, скомканное, перегородженное бессмысленными радужными пятнами, в которых время от времени пробегает нечто опасное или съедобное. В общем, смерти они не знают, не представляют себе, что это такое — смерть, поэтому и причинить ее им нельзя. А раз нельзя, люди легко обращаются с их жизнями — растят, растят, лечат, а потом возьмут и зарежут. Даже и поговорка есть на этот счет: скотина нож любит.

Вот и Мурзик — умирает, но не знает об этом. И хорошо, что не знает. Его жалко, очень жалко. Но все же не так, как было бы жалко человека. Потому что человек — знает, он — лицом к лицу. А Мурзик — нет, он не может этого знать. И хорошо.

И вдруг однажды Мурзик заплакал.

Он лежал в углу дивана на сложенном вчетверо байковом одеяльце. Дыхания не было слышно. Глаза, полусжатые белой, перламутровой на свету пленкой, смотрели куда-то в стену. Веки подрагивали. Вот еще две слезинки выкатились и сбегали по шерстке, оставляя влажный след.

Он умирал и плакал, хотя должен был оставаться равнодушным, и это было необъяснимо...

Плакал он зря, потому что на роду ему было написано выдороветь.

Не знаю, что оказало свое действие, — таблетки ли, котормы его пичкала мать, или молоко, которое она влила в него пипеткой, или то, что мы не забыли о нем, не бросили одного бороться с хворью, — но тонкая, очень тонкая ниточка стала понемногу крепнуть, утолщаться; вот он перевалил какой-то рубеж, что-то переменялось, вот начал пошевеливаться, вот стал широко, как раньше, раскрывать глаза... Однажды вечером он самостоятельно прыгнул с дивана и побрел на кухню, едва ковыляя и пошатываясь на подпалывающихся лапах.

— Мяу! — как будто немного смущенно сказал он, появившись из коридора.

Я подхватил его с пола и осторожно усадил на законное место. Это был поставленный на попа выючный ящик, где всегда лежала подстилка.

Мы ужинали, Мурзик сидел на ящике, моргая и немножко покачиваясь от слабости.

И вдруг в кухне появилась мышь!

Я не знаю, откуда и зачем она выскочила в столь неподходящее время. Возможно, это была оголтелая любительница котлет, не сумевшая побороть соблазна. Может быть, у нее были здесь какие-нибудь срочные дела. Не исключено, в конце концов, что она решила покончить с собой и выбрала почему-то именно такой, для всех нас мучительный способ. Даже если она не была безумной с самого начала (в чем у меня и по сей день некоторые сомнения), она неминуемо должна была, выскочив из-под шкафа, обезуметь от света, шума, запаха и присутствия кота. Так или иначе, она принялась метаться из угла в угол.

— Мышь! Мышь! — закричали мы друг за другом.

Мурзик смотрел на нее в немом изумлении. По-видимому, он не мог себе и помыслить, что за время его болезни либерализация отношений между людьми и мышами достигнет таких высот, что эти серенькие создания начнут совершать прогулки прямо во время ужина.

У него не было сил прыгнуть. И он имел полное право не прыгать. Он был так слаб, что в любом случае поеденок с мышью следовало отложить, поскольку его исход был сейчас непредсказуем. Однако он шагнул к самому краю ящика, и когда она в очередной раз семенила вниз, Мурзик повалился сверху, нелепо растопырив лапы.

Лапы!

Он лежал на полу и смотрел на нас. Этот взгляд не был ни безразличным, ни просительным.

Он все знал, этот Мурзик. Знал, что умирает. Знал, что мы спасли его от смерти. Он был в долгу. Но теперь отплатил.

Он лежал на полу и смотрел вверх, на наши лица, моргая и тяжело дыша не то от волнения, не то просто от чрезмерного усилия. Он хотел знать — видим ли мы, что он поймал для нас мышшь?

Мы это видели.

Больше он не болел, и поэтому нам не приходилось спасать его от гибели.

Какой была его настоящая смерть — сказать невозможно. Прожив бок о бок с нами двенадцать лет, Мурзик ушел, когда нам пришлось переменить жилье. Он исчез на третий день — разумеется, не попрощавшись. Мать пришла в старый двор, и действительно — стоило ей покликать, как он появился и подбежал к ней, радостно мурлыча. Она посадила его в сумку и снова привезла на новую квартиру, откуда он сбегал этим же вечером. А когда она приехала за ним еще раз, Мурзик выглянул из зарослей пыльного палисадника, приветливо посмотрел на нее, извинительно мурлыкнул, но в руки уже не дался.

Анатолий МЕДВЕДЕНКО

ПОСЛЕДНИЙ ХУДОЖНИК ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Старинная испанская поговорка гласит: всему начало — случай. Именно случай помог мне встретиться с Сальвадором Дали.

В январе 1977 года Ассоциация печати Барселоны проводила семинар, в котором участвовали корреспонденты ведущих иностранных агентств, наиболее крупных зарубежных газет и журналов. В их числе и автор этих строк, представлявший ТАСС, то есть нынешний ИТАР—ТАСС.

Семинар, продолжавшийся три дня, закончил работу, но нам предложили остаться еще на день и съездить в небольшой городок Фигерас в музей Сальвадора Дали. При этом президент ассоциации Антони Понс сообщил, что из США только что прилетел маэстро и не исключено, что представится возможность организовать с ним встречу, хотя тут же оговорились, что стопроцентной гарантии дать не может.

Надо ли говорить, что неожиданное предложение тут же было принято. Нас особенно прельщала перспектива встречи с Дали, который тогда жил в основном в Нью-Йорке и лишь изредка наезжал в Испанию. Тем более было известно, что в последнее время он не жаловал журналистов своим вниманием. Наибольшее же нетерпение при этом испытывал я, что, впрочем, вполне объяснимо.

Сальвадор Дали и в те годы

Дали
и Галá

был известен в нашей стране. Но известность эта была, мягко говоря, скандальной. Вернее, ей хотели придать скандальный оттенок. Не видя ни одной работы художника, мы, тем не менее, знали все или почти все, что было связано с его «похождениями», газеты уверяли, что он параноик, циник, паяц, а главная цель его эпатажного искусства — делать деньги.

И вот теперь я смогу впервые увидеть подлинники произведений Дали и, чем черт не шутит, самого художника. Фигерас находится всего в двух часах езды на автомобиле по автостраде, ведущей на северо-восток от Барселоны: чуть ли не к самой испано-французской границе. Небольшой провинциальный, несколько сонный, хорошо ухо-

женный городок, утопающий в зелени. Именно здесь, на улице Монториоля, 11 мая 1904 года родился Сальвадор Дали (его полное имя — Сальвадор Хасинто Фелипе Дали Даменеч Кузи Фаррес). Есть здесь и музей-театр, который среди испанских музеев (а их в стране не так уж мало) по посещаемости уступает только прославленному столичному Прадо.

Почему музей-театр? Дело в том, что музей расположен в здании муниципального театра, где в 1918 году состоялась первая выставка 14-летнего художника, который Дали потом купил и полностью переделал. Сейчас это внушительное здание с глухими каменными стенами, увенчанными частоколом из оранжевых яиц значительных размеров и обна-

женными женскими фигурами. У входа в музей развевается черно-белый флаг страны Дали — Далиландии.

Впрочем, музей своего рода культурный центр, в котором есть сценические площадки, залы, где выставлены не только работы Дали, но и произведения некоторых каталонских скульпторов и художников.

Картины самого Дали находятся в центральном овальном зале. Не скрою, в этот зал я вступал с предубеждением, заранее рассчитывая увидеть там картины-галлюцинации, «произведения, рожденные большим воображением Дали» (как писала какая-то советская газета), «ничего не говорящие ни уму, ни сердцу» (по выражению одного журнала).

Но вот неожиданность: я ходил по залу, переходил от одной картины к другой, вглядываясь в них, отходил, возвращался, снова останавливался, и предубеждение постепенно улетучивалось. Оно уступало место сначала удивлению, смешанному с восхищением и даже потрясением — неужели так можно писать! — а затем стремлению вжиться в атмосферу художника.

В зале были разные полотна. Конечно, известные сюрреалистические: «Атомная Леда», «Предчувствие гражданской войны», «Размышления над арфой»... Но рядом «Корзинка с хлебом», «Девушка у окна», «Портрет отца», которые могли сделать честь самому взыскательному художнику-реалисту. («По сути своего искусства я был и остаюсь реали-

стом, — заметил однажды Дали. — Но писать лишь в традиционной манере для меня невозможно. Это означало бы, что я повторяю других. Потому я убежден, что художник должен идти путем полного раскрепощения собственной личности творца и человека. Прежде всего ему необходимо освободить мысль от мертвых догм и канонов, комплекса нерешительности и робости...»

Вдруг к нам подошел Антони Понс и чуть ли не шепотом сообщил, что из Кадакеса (небольшая деревушка на берегу Средиземного моря в нескольких километрах от Фигераса, где обычно останавливался художник, когда приезжал в Испанию) прибыл Дали и Энрике Саватер, секретарь маэстро попытается уговорить его принять нашу группу хотя бы на 10—15 минут.

Пройдя через несколько залов, мы вошли в небольшую комнату, где нас ждал Энрике Саватер. Секретарь Дали попросил нас оставить в комнате магнитофоны и фотоаппараты, заметив, что «маэстро сегодня не в форме и не хочет, чтобы его фотографировали. Объяснив, что наша встреча будет непродолжительной, он порекомендовал четко формулировать вопросы, задавать их громко и ясно. «Можете спрашивать, о чем пожелаете. Запретных тем нет», — заметил он.

Дали — чуть выше среднего роста, довольно стройный и подтянутый для своих 73 лет, опирался на трость из красного дерева с массивным набалдашником (утверждают, что ее владельцем в свое время был Виктор Гюго). Знаменитые своей экстравагантностью нафиксатуренные и закрученные вверх усы несколько обвисли. Длинная до пят белая туника, накинута на темный костюм. На босых ногах — сандалии, похожие на те, что некогда носили римские легионеры. На голове островерхая шапка из красного сафьяна со свисающей кисточкой. Из-под шапки выбиваются длинные, гладко расчесанные седые волосы. Рядом с ним Галá, супруга художника. Она выглядит старше Сальвадора Дали, но держится более уверенно. Ее морщинистое некогда красивое лицо отра-

жает властный и сильный характер.

Мы представились: каждый из нас должен был назвать свою страну и орган печати, от которого аккредитован в Испании. Сальвадор Дали в ответ изображал некое подобие улыбки и протягивал чуть дрожащую руку, усыпанную коричневыми пятнами. Представляется и Галá. Она руки не подает, лишь склоняет голову, как бы приветствуя нас. Когда доходит очередь до меня, я представляюсь супруге художника по-русски, в надежде, что она, быть может, обратит на меня внимание (Галá, или Елена Дьяконова, родилась в 1893 году в Казани. Незадолго до революции вместе с родителями эмигрировала во Францию) и удастся завязать с ней разговор. Но, увы. Она лишь кивает.

Возвратившись в Барселону, я по привычке записал эту встречу в блокнот, стараясь как можно точнее воспроизвести ответы Дали на наши вопросы. Вот как это выглядело.

— **Маэстро, несколько слов о вашем распорядке дня.**

— Последние годы я придерживаюсь установленного мною режима. Просыпаюсь в 8.30, но два часа провожу в постели — читаю или размышляю о предстоящих планах, обдумываю картину, над которой работаю. После завтрака, на который уходит не более 10 минут, весь день работаю, за исключением 45 минут на обед и снесту. Перед сном снова читаю, потом в постели что-нибудь пишу. Сейчас работаю над трагедией «Жертвы». В ней пытаюсь рассказать о жизни голландского художника Вермера.

— **Есть ли у вас, как художника, какие-либо недостатки или вы считаете себя гением?**

— Я — гений?! Убежден, что в мировой живописи есть только один гений — Веласкес, ну, может быть, еще Вермер. Я же довольствуюсь тем, что являюсь самым уважаемым, самым талантливым и самым почтенным художником в провинции Жерона.

Что же касается моих недостатков, то он у меня один — я слишком умен и рационален для художника. Если бы я не был таким умным, то писал

бы куда лучше...

— **Вы шутите?**

— Ничуть. Когда художник слишком умен, то у него появляется чувство самокритики, а это очень опасно. Он видит свои ошибки на полотне. Пытается их исправить, замечает, что тут он положил больше, чем необходимо, — голубой краски, там — желтой или коричневой. Художник же должен просто рисовать, а не выискивать у себя ошибки... Вы слышали историю о греке с бородой до пояса? — Дали неожиданно обращается к нам.

Услышав отрицательный ответ, продолжает:

— Этот грек однажды появился на пляже, и кто-то спросил его, куда он прячет бороду, когда ложится спать: под простыню или поверх простыни? «Не знаю, — ответил грек. — Я как-то не замечал, но если это вам интересно, сегодня ночью посмотрю, а утром скажу». Наутро он пришел без бороды и явно невыспавшийся. «Что случилось? — переспросил грек. — Видите ли, когда я перед сном спрятал бороду под простыню, мне стало щекотно, и я долго не мог уснуть. Тогда я выложил ее поверх простыни, стало неудобно... я начал ворочаться. И так продолжалось до тех пор, пока в полночь я не вскочил и не отрезал бороду, после чего лег и уснул...»

То же бывает и с не в меру умными художниками. Я уверен, что ни Веласкес, ни Вермер никогда не заботились, куда им «положить бороду», они ее просто не замечали. А я — и тут Дали вздохнул — ее замечал и не так уж и редко.

— **Что вы думаете о будущем в живописи?**

— Я давно говорил, что будущее живописи за суперреализмом. Что это такое? Это цветная фотография, сделанная рукой художника. Дело в том, что суть живописи не в изображаемом предмете, а в нашей душе, то есть душе художника. Если, допустим, Веласкес пунктуально скопирует лежащую перед ним фотографию, то, уверяю вас, получится шедевр, так как копировал гениальный Веласкес, который вложил в работу свою душу. Если это будет кто-то другой, лишенный таланта настоящего художника, то получится про-

стая фотография, а не произведение искусства...

— **Что для вас важно на полотне?**

— Наиболее важным на полотне я считаю присутствие воздуха. Посмотрите «Менины» Веласкеса! Сколько кубических метров воздуха в этой великолепной картине!

— **Как вы относитесь к тому интересу, который проявляет к вам печать?**

— Мне нравится быть в центре внимания радио и газет, не говоря о телевидении. Нравится, когда мое изображение появляется на обложке журналов. Значит, обо мне помнят, меня знают как художника. Нам, художникам, как и артистам, нужны слава и известность.

Я хочу, чтобы обо мне писали как можно больше, как можно лучше, но желательно только правду. Должен сказать, что журналисты создали много легенд о Дали, и в свое время я не только не был против такого мифотворчества, но и сам способствовал ему. Да, я был шутком. Но ведь давно известно, что лишь шутам и комедиантам дозволено говорить правду в глаза сильному мира сего. И я сполна пользовался этим правом. Сейчас же мой возраст требует не то чтобы серьезности, но успокоения, что ли. И в последнее время я все меньше и меньше даю журналистам повод писать обо мне всевозможные небывлицы...

Да, выходки художника были притчей во языцех — его биографы отмечают, что еще в детстве он выделялся среди своих сверстников не только повышенной впечатлительностью и уникальными способностями, но и стремлением к оригинальности и даже оригинальничанию. Отец его — нотариус Сальвадор Дали-и-Куси — был человеком довольно крутого нрава, не любил, когда кто-то перечил ему, выступал против его воли. Юный Сальвадор уважал отца, но это не помешало им расстаться, отнюдь не по желанию Сальвадора-младшего: в 1930 году отец практически выгнал сына из дома, оставив без средств к существованию. Как говорил потом Дали, «без единого песо в кармане». Не простил отец сыну и женитьбы

Леди Дэнн.
1954 г.

на русской Елене Дьяконовой (Галá), которая была старше его на 11 лет, да к тому же до встречи с Сальвадором Дали была замужем за французским поэтом Полем Элюаром, другом художника.

Но несмотря на молодость и эксцентричность, гений художника был замечен. Его ближайший друг, один из талантливейших поэтов Испании Федерико Гарсиа Лорка, написавший, кстати, «Оду Сальвадору Дали», еще в 1927 году отмечал в одном из писем: «Этот мальчишка еще послужит вящей славе Каталонии — на вечные времена, попомните мое слово». Через год тот же Лорка писал: «С каждым днем я все сильнее чувствую талант Дали. Он уникален: его спокойствие и ЯСНОСТЬ (выделено Лоркой) мысли глубоко волнуют. Он ошибается? Пускай! Он — ЖИВОЙ (выделено Лоркой). Его острый ум и чисто

детская бестолковость неразъединимы — это невысказанная, ему одному свойственная чарующая смесь». Пабло Пикассо когда-то назвал Дали «последним художником эпохи Возрождения», Стефан Цвейг — «художественным гением нашей эпохи».

Кстати, Сальвадор Дали с нескрываемым интересом относился к нашей стране. «Глупо враждовать с Россией, — заметил он однажды, — или по-ребячески обижаться на нее. Незнание русской истории и культуры, которой на Западе нередко бравируют, — признак дурного тона, недостатка культурности. Списывать со счетов русскую культуру просто несерьезно». Дали не скрывал своего желания побывать в Москве и предпринял с этой целью не одну попытку. «Во мне безумствует мечта посетить Советский Союз и познакомиться с моим творчеством любите-

лей живописи в вашей стране», — говорил он еще в начале 60-х годов постоянному представителю СССР при ООН Н.Федоренко, но тогда время для Сальвадора Дали еще не пришло...

Отведенные нам пятнадцать минут истекли. Сальвадор Дали, поддерживаемый с одной стороны Галá и Энрике Сава-

тером — с другой, покинул комнату. Проходя мимо нас, он вяло помахал рукой, а Галá простилась с нами кивком головы.

ФИГЕРАС — МАДРИД — МОСКВА

P.S. Можно сказать, что время Дали наступило. Сюрреализм, сокращенный до хлесткого «сюра», стал знаком смутной эпохи, а эпатаж художника (любого) превратился в рутину российского арт-мира. Опубликованы автобиографические записки Дали, свободно продаются его альбомы, прошла и привозная — из Испании — выставка, а теперь в постоянной экспозиции открытого недавно музея личных коллекций появились несколько его работ. Работ, принадлежащих России.

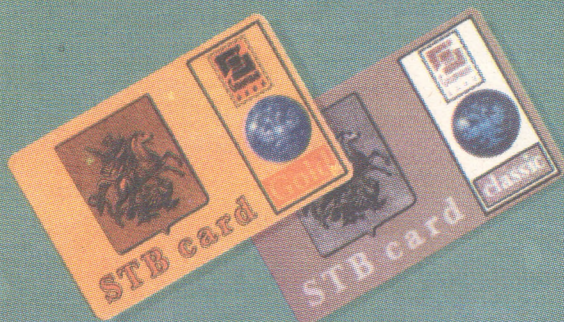

Сальвадор ДАЛИ. Атомная Леда. 1949

Наличные деньги могут остаться лишь на полотнах старых мастеров да в нашей памяти

Ведь теперь у нас есть банковские карточки STB-card

Адрес: Москва, 113095, ул. Пятницкая, 72.
Телефоны: (095) 236-81-80, 236-80-57. Факс: 236-83-20.
Телекс: 411913 SBANK SU. Телетайп: 114250 СМОЛЯК